

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

САБАДАШ Надежда Петровна

**ПОЛЬСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НИКОЛАЕВСКОЙ
ЭПОХИ (1826–1855 ГГ.)**

Специальность 10.01.01. – русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Д. П. Ивинский

Москва – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Часть I. Журналистика и публицистика	18
Глава I. Польское восстание 1830–1831 гг.	18
1. Официальные декларации.....	18
2. «Телескоп» и «Молва»	32
3. «Московский телеграф»	36
4. «Сын Отечества и Северный Архив»	46
Выводы.....	48
Глава II. Славянофилы и западники о поляках, Польше и «польском вопросе»	50
1. А. С. Хомяков.....	50
2. И. В. Киреевский.....	55
3. В. Г. Белинский	58
4. П. Я. Чаадаев	61
Выводы.....	63
Часть II. Изящная словесность	65
Глава III. Поэзия	70
1. В. А. Жуковский.....	71
2. А. С. Пушкин.....	77
3. Декабристы о польском восстании	80
4. А. С. Хомяков.....	83
5. Ф. И. Тютчев.....	84
6. Политические стихотворения.....	86
7. Позднейшие отклики на польское восстание 1830–1831 гг.	87
Выводы.....	87
Глава IV. Проза	89
1. Польша и поляки в русской прозе.....	89
1.1. М. Н. Загоскин.....	89
1.2. Ф. В. Булгарин.....	93

1.3. А. А. Бестужев-Марлинский.....	104
1.4. Н. В. Гоголь	113
1.5. О. И. Сенковский	125
1.6. В. И. Даль.....	128
1.7. И. С. Тургенев	130
2. Польские типажи в русском историческом романе конца 1820-х–начала 1840-х гг.....	132
2.1. Польский пан.....	136
2.2. Польская панна	143
2.3.Польский воевода	145
2.4. Польский воин.....	146
2.5. Польский король	146
2.6. Польский ксендз	147
2.7. Польский шляхтич.....	147
Выводы.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
Список использованной литературы.....	154

ВВЕДЕНИЕ

Русско-польские литературные отношения получили сильное развитие в николаевскую эпоху во многом благодаря событиям историческим и политическим, а в некоторых случаях и вопреки им. «Польский вопрос» занимал важное место в политическом курсе Николая I (1826–1855 гг.). «Польский вопрос» заключался в том, какой государственный статус необходимо предоставить Польше и как поступить с западными губерниями, т.е. с землями, «возвращенными» после трех разделов Речи Посполитой. Государственная программа была направлена на то, чтобы Польша стала органической частью Российской империи. Притязания же поляков на западные губернии властями были отвергнуты, и границы между Россией и Польшей во время правления Николая I не пересматривались.

После разделов Речи Посполитой и вхождения Польши в состав Российской империи на правах автономии многие поляки стали приезжать в великорусские губернии, и, пожалуй, главным центром притяжения для них был Петербург: «Мы можем говорить скорее о единичных случаях интеграции поляков в российское общество в конце XVIII – первой четверти XIX в., а массовый приток поляков в Петербург приходится на 1830-е гг. Как ни парадоксально, это связано с разгромом виленских молодежных кружков в 1823–1824 гг. и подавлением восстания 1830–1831 гг.» [Федута 2010: 14].

Ключевым этапом в развитии русско-польских литературных связей николаевской эпохи стал приезд и пребывание Адама Мицкевича в России в 1824–1829 гг. В это время Мицкевич наладил дружеские и творческие контакты со многими русскими поэтами и писателями, среди которых были К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский, О. М. Сомов, Н. А. Полевой, Е. А. Боратынский, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и многие другие. Знакомство Адама Мицкевича с А. С. Пушкиным стало началом продолжительного и плодотворного литературного диалога двух поэтов.

Ни один польский писатель не был так популярен в России, как Адам Мицкевич. Его произведения и статьи переводились на русский язык и печатались в периодических изданиях, его имя упоминали русские критики в своих рецензиях и литературно-критических статьях, ставя его в один ряд с мировыми поэтами. После его отъезда в Европу с ним поддерживали отношения многие русские писатели (например, Н. В. Гоголь, С. П. Шевырев, Н. И. Тургенев), и, уже будучи эмигрантом, Мицкевич не терял связи с русской литературной средой.

В 1830–1858 гг. в Петербурге выходит газета на польском языке «Tygodnik Petersburski» («Петербургский еженедельник») под редакцией Ю. Пржецлавского. С 1832 г. издание стало официальной газетой Царства Польского. Вокруг газеты «Tygodnik Petersburski» собралась группа польских писателей, составивших т.н. *koteria petersburska* («Петербургский кружок»), в который входили М. Грабовский, И. Ходзько, И. Холовинский, Х. Ржевуский, А. Пшежджецкий, К. Подвысоцкий, П. Янковский [Jakóbiec 1976: 646]. С газетой сотрудничал Ю. И. Крашевский. В 1830–1836 гг. в Петербурге издавался юмористический журнал на польском языке «Bałamut Petersburski», издателем и редактором которого был Адам Рогальский [Федута 2010: 17]. С 1831 по 1833 гг. в журнале сотрудничал и был соредактором О. И. Сенковский.

Переводы сочинений польских авторов знакомили русского читателя с польской литературой. Издавались и переводились произведения поэтов А. Мицкевича, А. Ходзько, А. Мальчевского, С. Гоцинского, А. Одынца, Б. Залесского, В. Сырокомли (Л. Кондратовича) [Jakóbiec 1976a: 773]. На волне интереса к жанру исторического романа и исторической прозе в 1830-е – первую половину 50-х гг. были популярны польские прозаики, среди которых наиболее известным русскому читателю был Ю. Крашевский. Газеты и журналы «Сын отечества и Северный Архив», «Северная пчела», «Маяк», «Литературная газета» и «Москвитянин» публиковали переводы статей и отрывков из сочинений Ю. Крашевского [Kucharska 1963].

Кроме Ю. Крашевского из польских прозаиков на русский язык активно переводились сочинения А. Потоцкого, Ф. Бернатовича, М. Грабовского, А. Пшездзецкого, Л. Штырмера, Ю. Коженевского, Ф. Скарбека, Т. Нарбута. В 1851–1852 гг. выходит издание «Галерея польских писателей», в рамках которого были опубликованы повести Ю. Крашевского и Ю. Коженевского, переведенные с польского русским и украинским писателем и этнографом Александром Афанасьевым-Чужбинским [Кухарска 1979: 143].

Большую роль в популяризации польской литературы в России сыграл русский славист и литературный критик Петр Павлович Дубровский, который регулярно информировал русских читателей о польских литературных новостях и помещал свои статьи в «Отечественных записках» и «Москвитянине» [Кухарска 1979: 137]. Дубровский писал о поэме А. Мальчевского «Мария», поэзии А. Одынца, о творчестве Б. Залесского, был одним из первых, кто обратил внимание русского читателя на творчество Ю. Словацкого [Jakóbiec 1976: 647].

Русско-польские контакты формировались не только в столицах, но и в местах ссылок. В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский, М. С. Лунин, И. И. Пущин заводили знакомства и общались с поляками в Динабурге, Сибири, на Кавказе [Białokozowicz 1971: 66–68].

События николаевской эпохи способствовали развитию литературных связей между двумя народами, а «польский вопрос» усилил интерес русской общественности к истории Польши и полякам.

Предметом изучения в настоящей работе является польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.). Наиболее важными аспектами польской темы представляются следующие: 1) Польша и поляки в жизни и творчестве русских писателей в 1826–1855 гг.; 2) «польский вопрос» и его решение русскими писателями, критиками, публицистами в 1826–1855 гг. **Объект изучения** – русско-польские литературные связи николаевской эпохи.

Хронологические рамки исследования. Временные рамки настоящего исследования определены правлением Николая I (1826–1855 гг.), которое получило название «николаевской эпохи». Восприятие поляков русскими и отражение его в русской литературе формировалось под воздействием политических отношений между двумя странами и испытывало сильное влияние государственной идеологии, а она в интересующий нас период формировалась под влиянием ряда драматических политических событий, каждое из которых оставило глубокий след в русской литературе. В первую очередь это относится к восстанию 14 декабря 1825 г., следствию, суду и приговору «декабристам», в еще большей степени к польскому восстанию 1830–1831 гг., обозначившему серьезный надлом в отношениях России и Европы, и к Крымской войне, коренным образом изменившей внутреннюю и внешнюю политику Российской империи. С 1830 г. «польский вопрос» оказывается теснейшим образом связан с вопросом о судьбах самой русской государственности, а вместе с тем и русской культуры.

Степень изученности вопроса. Начало научного изучения польской темы в русской литературе связано с именами А. Н. Пыпина¹, В. Д. Спасовича², Ю. Третьяка³, А. Брюкнера⁴, М. Здзеховского⁵. В межвоенное двадцатилетие интерес к русско-польским литературным отношениям не ослабевает ни у русских авторов (М. Д. Беляев⁶,

¹ *Пытин А. Н.* «Польский вопрос» в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Т. 1. Кн. 2. С. 703–736; Т. 2. Кн. 4. С. 686–709; Т. 5. Кн. 10. С. 681–711.

² *Спасович В. Д.* Пушкин и Мицкевич у памятника Петра Великого // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 743–793; *Спасович В. Д.* Пушкин в польской новейшей литературной критике // Северный вестник. 1891. № 10. С. 127–154.

³ *Tretiak J.* Ślady wpływu Mickiewicza w poezji Puszkina // Pamiętnik Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny i Hist. – Filozoficzny. Kraków, 1889. Т. 7. S. 213–261; *Tretiak J.* Mickiewicz i Puszkina jako bajroniści // Ateneum. 1899. Т. II. S. 267–268, 460–478; *Tretiak J.* Mickiewicz i Puszkina. Studia i szkice. Warszawa, 1906.

⁴ *Brückner A.* O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta: Szkice literackie. Lwów; Warszawa, 1906; *Brückner A.* Puszkina, Mickiewicz, Falconet // Puszkina. 1837–1937. Т. II. Kraków, 1939. S. 1–2.

⁵ *Zdziechowski M.* Byron i jego wiek. Studya porównawczo-literackie. Т. I. Kraków, 1894; Т. II. Kraków, 1897.

⁶ *Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М.Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Ленинград, 1927. С. 257–300.

В. А. Францев⁷), ни у польских (В. Ледницкий⁸, Р. Блют⁹, В. Якубовский¹⁰, Т. Парницкий¹¹). Несколько позднее к рассмотрению польской темы в русской литературе обращаются Л. Гомолицкий¹² и М. Якубец¹³.

В годы существования Польской Народной Республики (ПНР) отмечается новый виток в истории развития русско-польских отношений. Если проследить даты выхода литературоведческих работ или библиографических обзоров, то можно отметить всплеск интереса к русско-польским отношениям именно в 50-е и позднейшие годы XX в. Русско-польские литературные связи привлекли внимание многих исследователей, главным образом польских. Польская русистика была представлена такими именами, как С. Фишман, Р. Лужный, А. Валицкий, Т. Шишко, Б. Гальстер, Б. Бялокозович, З. Баранский, А. Безвинский, А. Дворский, А. Семчук, Р. Слизовский, В. Слизовская, Б. Муха и др. Среди русских литературоведов русско-польские литературные связи стали предметом исследования в работах П. Н. Беркова, И. Ф. Бэлзы, С. И. Бэлзы, С. С. Ланды, Е. З. Цыбенко, В. Э. Вацуро и др. В последнее двадцатилетие к русско-польским

⁷ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. // Пушкинский сборник. 1929. Прага. С. 65–208.

⁸ Lednicki W. O Puszkynie i Mickiewiczu słów kilka. Kraków, 1924; Lednicki W. Aleksander Puszkina: Studia. Kraków, 1926; Lednicki W. Studium // Jeździec Miedziany: Opowieść Peterburska Aleksandra Puszkina. Przekład Juliana Tuwima. Warszawa, 1931. S. 27–115; Lednicki W. Puszkina – Mickiewicz (Mickiewiczowy nekrolog Puszkina) // Przegląd współczesny. 1934. № 151, 152; Lednicki W. Przyjaciele Moskale. Kraków, 1935.

⁹ Blüth R. Dekabrysta Odojewskij a Polska // Wiadomości Literackie. 1926. № 31. S. 2; Blüth R. Geneza wiersza «Do przyjaciół Moskali» // Ruch Literacki. 1927. № 2. S. 39–44.

¹⁰ Jakubowski W. Nieznane polonicum Radiszczewa // Pamiętnik Słowiański. 1951. T. II. S. 121–125.

¹¹ Parnicki T. Polska i Polacy w literaturze rosyjskiej // Kuryer Literacko-Naukowy. 1934. № 40–43.

¹² Gomolicki L. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji 1824–1829. Warszawa, 1949; Gomolicki L. Mickiewicz wśród Rosjan. Warszawa, 1950.

¹³ Jakóbiec M. Literatura rosyjska, wśród Polaków w okresie pozytywizmu. Wrocław, 1950; Jakóbiec M. Literatura rosyjska w wykładach paryskich Mickiewicza // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1956. № 1(14). S. 53–150; Jakóbiec M. Kluczowe problemy stosunków literackich polsko-rosyjskich w latach trzydziestych-czterdziestych wieku XIX // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958. T. 2. S. 121–143; Jakóbiec M. Stosunki literackie polsko-rosyjskie (Próba periodyzacji dziejów) // Slavia Orientalis. 1968. R. XVII. № 2. S. 131–152.

литературным отношениям обращались А. В. Кушаков¹⁴, Д. С. Прокофьева¹⁵, И. Л. Великодная¹⁶, В. А. Хорев¹⁷, А. В. Липатов¹⁸, А. Л. Осповат¹⁹, Р. Г. Лейбов²⁰, Д. П. Ивинский²¹ и др.

Большое количество появляющихся работ и объемы уже написанных исследований требовали систематизации материала, что и обусловило появление библиографических указателей, в которых были собраны работы русских и польских литературоведов²². Избранная библиография вопроса стала неотъемлемой частью учебников и монографий, посвященных русско-польским литературным связям²³.

¹⁴ Кушаков А. В. Пушкин и Польша. Тула, 1990.

¹⁵ Прокофьева Д. С. «Струн вещей пламенные звуки...»: Страницы польско-русских литературных связей первой половины XIX в. М., 1990.

¹⁶ Великодная И. Л. Вяземский и Польша (Опыт исследования стихотворных переводов): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

¹⁷ Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005.

¹⁸ Липатов А. В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 134–155.

¹⁹ Осповат А. Л. Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830–1831 гг. // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции в Тарту 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 49–52.

²⁰ Лейбов Р. Г. Русская слава и польская столица: к истории одного клише [Электронный ресурс] // Идеологическая география. [Тарту, 2012]. С. 207–223. URL: http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/texts/2.1.4.Leibov.pdf (дата обращения 28.09.2014).

²¹ Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М., 2003.

²² Адам Мицкевич в русской печати: 1825–1955: Библиографические материалы. М.; Л., 1957; Bibliografia rusycystyki polskiej 1945–1975: Literaturoznawstwo / Red. B. Białokozowicz. Warszawa, 1976; Польская художественная литература XVI – начала XX вв. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1771–1975 гг. Т. 1–4. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982–1995; Chajęcka M., Jazukiewicz-Osełkowska L., Zielińska M. Bibliografia rusycystyki polskiej 1976–1981: Literaturoznawstwo. Warszawa; Łódź, 1991; Szczukin W. Polska i Polacy w literaturze rosyjskiej (literatura przedmiotu) // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Pod red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. Aneks na płycie CD, 258 pozycji; Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб, 2008.

²³ Bibliografia (wybór) // Historia literatury rosyjskiej (red. M. Jakóbiec). Tom II. Warszawa, 1976. S. 675–751; Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa, 1992; Giza A. Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin, 1993.

Освещение польской темы в русской литературе и проблема русско-польских литературных отношений была также затронута и в польских учебниках по истории русской литературы²⁴. Так, в двухтомной «Истории русской литературы» (1976), написанной коллективом авторов под редакцией М. Якубца, этой теме посвящены отдельные главы, завершающие рассмотрение каждого периода²⁵. Активно издавались сборники статей²⁶, составители которых стремились отразить сложность и многоаспектность польской темы.

Ключевым моментом русско-польских литературных отношений XIX в. стало пребывание Адама Мицкевича в России (1824–1829 гг.), поэтому к теме «русский Мицкевич» обращалось подавляющее большинство авторов, исследовавших польскую тему (центральной темой работ стала тема отношений А. Пушкина и А. Мицкевича). Кроме того, исследовались контакты Ф. Н. Глинки, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского с поляками и Польшей. Таким образом, русско-польские связи

²⁴ *Brückner A.* A Literary History of Russia. London – Leipsic, 1908; *Literatura rosyjska w zarysie. Praca zbiorowa pod red. Z. Barańskiego i A. Semczuka.* Warszawa, 1975; *Historia literatury rosyjskiej. Praca zbiorowa pod red. M. Jakóbca.* Warszawa, 1976. T. I–II; *Mucha B.* Historia literatury rosyjskiej: Zarys. Wrocław, 1989.

²⁵ *Jakóbiec M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie w latach 1801–1825 // *Historia literatury rosyjskiej. Tom I.* Warszawa, 1976. S. 492–506; *Jakóbiec M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie w latach 1826–1842 // *Historia literatury rosyjskiej. Tom I.* Warszawa, 1976. S. 636–650; *Jakóbiec M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie w latach 1843–1855 // *Historia literatury rosyjskiej. Tom I.* Warszawa, 1976. S. 771–781.

²⁶ *Z polskich studiów slawistycznych.* Warszawa, 1958. T. 2; *O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich.* Wrocław, 1969; *Польско-русские литературные связи.* М., 1970; *Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu.* Wrocław, 1973; *Литературные связи славянских народов.* Л., 1988; *Polacy w życiu kulturalnym Rosji.* Wrocław, 1986; *Narody i stereotypy.* Kraków, 1995; *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków.* Warszawa, 2000; *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание.* М., 2000; *Поляки и русские в глазах друг друга.* М., 2000; *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре.* М., 2002; *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne.* Łódź, 2003; *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan.* Warszawa, 2006; *Polacy i Rosjanie – przewyższanie uprzedzeń.* Łódź, 2006; *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты.* М., 2011; *Amicus Poloniae: Памяти Виктора Хорева.* М., 2013.

Александровского времени оказались лучше изученными, чем отражение польской темы в русской литературе николаевской эпохи²⁷.

Одной из основных проблем при исследовании польской темы в русской литературе николаевской эпохи является восприятие Ноябрьского восстания русскими писателями. Именно в это время русские писатели, критики, публицисты определяют свою позицию по отношению к Польше и полякам, к проводимой Россией политике в Польше.

Отклики русских писателей на польское восстание хорошо изучены в научной литературе, и существует большое количество работ, в которых затрагивается тема отражения Ноябрьского восстания в русской литературе. В одних исследованиях дается обзор мнений русского общества по поводу «польского вопроса» в 1830–1831 гг.²⁸, другие посвящены рассмотрению позиций отдельных писателей²⁹.

Следующую группу исследований составляют работы, предметом которых стали литературные и личные связи конкретного русского писателя и Польши. В них рассмотрены контакты А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Одоевского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, Ф. В. Булгарина, А. А. Бестужева-Марлинского, В. И. Даля, И. С. Тургенева с

²⁷ Dworski A. Puszkin w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983; Galster B. Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa, 1987; Вацуро В. Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 22–57 и др.

²⁸ Białokozowicz B. Powstanie listopadowe w literaturze rosyjskiej // Dziedzictwo powstania listopadowego w literaturach obcych. Warszawa, 1986. S. 7–44; Orłowski J. Polski listopad w opinii pisarzy rosyjskich (w 160 rocznicę powstania) // Język rosyjski. 1990. № 5. S. 227–232; Филатова Н. М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // Polacy a Rosjanie: Поляки и русские. Warszawa, 2000. С. 107–117; Хорев В. А. Стереотип Польши и поляков в русской литературе накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г. // Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005. С. 35–59 и др.

²⁹ Lednicki W. Dokoła przeciwpolskiej trylogii lirycznej Puszkina // Lednicki W. Aleksander Puszkin: Studia. Kraków, 1926. S. 36–161; Chołonina Z. Aleksander Odojewski a Polska // Dziedzictwo powstania listopadowego w literaturach obcych. Warszawa, 1986. S. 65–77; Фришман Л. Г. Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 209–238; Лейбов Р. Г., Основат А. Л. К польской теме у Хомякова // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Вып. XII. Тарту, 2011. С. 44–51 и др.

поляками, позиция авторов по «польскому вопросу» и упоминание Польши и поляков в художественных произведениях³⁰.

Еще один блок исследований составляют работы, предметом рассмотрения в которых стало отношение славянофилов к польскому восстанию 1830–1831 гг., решение ими «польского вопроса», а также отражение славянской идеи в произведениях русских авторов³¹.

Как в русском, так и в польском литературоведении много внимания уделено изучению стереотипа поляка в русском национальном сознании и отражении его в русской литературе (работы А. Кемпинского, А. Гизы, С. М. Фалькович, Е. Е. Левкиевской, А. В. Липатова, В. А. Хорева, А. де Лазари и др.). Авторы исследований останавливаются на проблемах, связанных с источниками и процессом формирования негативного стереотипа поляка в сознании русских. Материалом для анализа становятся в основном произведения художественной литературы.

Актуальность работы определяется как необходимостью обобщения уже сделанного для понимания избранной нами темы, так и заполнения лакун, а вместе с тем ее включенностью в современную историко-литературную парадигму, базирующуюся на понимании междисциплинарных взаимодействий как динамической системы.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является создание комплексного исследования, позволяющего определить место и значение польской темы в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.).

Для реализации данной цели нами поставлены следующие частные задачи:

³⁰ См., например: *Barański Z.* Iwan Turgieniew w kręgu spraw polskich // *Slavia Orientalis*. 1969. № 3. S. 259–265; *Mucha B.* Polska i Polacy w życiu i twórczości Aleksandra Biestuzewa-Marlińskiego // *Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historycznoliterackie*. 1974. № 362. S. 155–175; *Bezwiński A.* Chomiakow w kręgu spraw polskich // *Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria III*. 1976. S. 109–130.

³¹ *Walicki A.* W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1962; *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 19–58; *Малютин Г. А.* «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – нач. 60-х гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2013.

1) проанализировать отражение польской темы на страницах журналов «Телескоп», «Молва», «Московский телеграф», «Сын Отечества и Северный Архив», сопоставить позиции журналов и их редакторов с официальными декларациями по «польскому вопросу»;

2) описать взгляды на Польшу и «польский вопрос» представителей западников и славянофилов;

3) выявить, каким образом русская поэзия откликалась на польское восстание и какую позицию заняли русские поэты по «польскому вопросу» в этот период;

4) проанализировать обращения к польской теме в русской прозе;

5) описать механизм формирования литературной репутации писателей польского происхождения (Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского);

6) на материале исторических романов и повестей выделить ряд польских типажей.

Материалом для настоящей работы в первую очередь послужили тексты русской литературы означенного периода, в системе персонажей которых встречаются герои-поляки, а также сюжет которых основан на исторических событиях столкновения России и Польши. Кроме того, для исследования были привлечены письма, дневниковые записи, журнальные рецензии, публицистические статьи и историко-философские труды русских писателей, критиков, публицистов.

Методологическая база диссертации. Помимо общенаучных методов исследования (индукция, обобщение, классификация), в работе были использованы источниковедческий и сравнительно-исторический методы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) собраны и проанализированы основные газетные и журнальные отклики на польское восстание 1830–1831 гг., а также тексты, в которых упоминались поляки;

- 2) выявлен состав и функции фразеологических единиц в официальных документах, написанных по поводу польского восстания 1830–1831 гг.;
- 3) описана система польских типов в русском историческом романе 1830-х–1840-х гг.;
- 4) обозначены, обобщены и уточнены обращения Ф. В. Булгарина, М. Н. Загоскина, А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Гоголя, О. И. Сенковского к Польше и полякам в своем творчестве;
- 5) предпринята попытка проанализировать отношение западников и славянофилов к Польше и полякам, а также выявить решение ими «польского вопроса».

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования и полученные результаты могут использоваться в подготовке лекций и практических занятий для студентов по дисциплинам «История русской литературы», «Сравнительное литературоведение».

Положения, выносимые на защиту:

- 1) во время польского восстания 1830–1831 гг. и после его подавления в периодическую печать проникали суждения о «польском вопросе», не совпадающие с официальной позицией, высказанные в косвенной или завуалированной форме;
- 2) мнение подавляющего большинства русских писателей, критиков, публицистов по «польскому вопросу» во время и после польского восстания полностью или частично совпало с позицией властей;
- 3) вопреки расхожему мнению о полонофобии и антиполонизме русской литературы и ее представителей, существуют факты, говорящие об обратном. Доминирующий негативный образ поляка в текстах русской литературы говорит о том, что русское национальное сознание воспринимало поляков главным образом враждебно и неприязненно. Однако, как только в силу вступали личные знакомства и контакты, между русскими и польскими писателями завязывалась тесная дружба и долгое творческое сотрудничество;

4) несмотря на то, что образ поляка в сознании русских включал в себя в основном негативные черты, в произведениях русской литературы встречаются также образы поляков, представленные положительно.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования прошли апробацию на следующих конференциях:

1) доклад на тему «Ф. В. Булгарин и его роман «Димитрий Самозванец» в русской литературной критике 1830 г.» прочитан на XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» в апреле 2011 г.;

2) доклад на тему «Польская тема на страницах русских периодических изданий 1831 г.» прочитан на XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» в апреле 2012 г.;

3) доклад на тему «“Опять народные витии...”: к истории публикации стихотворения М. Ю. Лермонтова» прочитан на II Международной конференции молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» в марте 2013 г.

4) доклад на тему «История литературы как история национальных стереотипов восприятия «другого»: польские типажи в русской литературе конца 1820-х – начала 1840-х гг.» прочитан на Международной научной конференции «История литературы в системе современных гуманитарных дисциплин» в апреле 2014 г.;

5) доклад на тему «Пародийные образы поляков в русском историческом романе (конец 1820-х – начало 1840-х гг.)» прочитан на XXI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» в апреле 2014 г.

По теме диссертации опубликован ряд работ:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. **Сабадаш Н. П.** «Не то беда, что ты поляк...»: ранняя рецепция романа Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 5. С. 89–95 (0,7 а.л.).

2. *Сабадаш Н. П.* Этнонимы поляков в русской литературе первой половины XIX века // Русская речь. 2014. № 5. С. 83–87 (0,3 а.л.).

3. *Сабадаш Н. П.* Фразеология официальных документов периода польского восстания 1830–1831 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. Ч. 1. С. 150–152 (0,4 а.л.).

4. *Сабадаш Н. П.* Пародийные образы поляков в русском историческом романе (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 4. С. 142–145 (0,3 а.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

5. *Сабадаш Н. П.* Ф. В. Булгарин и его роман «Димитрий Самозванец» в русской литературной критике 1830 года // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2011 (0,15 а.л.).

6. *Сабадаш Н. П.* Польская тема на страницах русских периодических изданий 1831 года // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2012» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012 (0,15 а.л.).

7. *Сабадаш Н. П.* Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, А. С. Пушкин: три решения польского вопроса // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2013» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013 (0,15 а.л.).

8. *Сабадаш Н. П.* Польская тема на страницах русских периодических изданий в период польского восстания 1830–1831 гг. // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения:

Материалы XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 5. С. 101–105 (0,3 а.л.).

9. *Сабадаш Н. П.* Польские типажи в русском историческом романе (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) / Сабадаш Н. П.; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2014. 14 с. Библиограф.: с. 12–14. Деп. в ИНИОН РАН 14.03.2014, № 61113 (0,6 а.л.).

Часть I. Журналистика и публицистика

Глава I. Польское восстание 1830–1831 гг.

1. Официальные декларации

1.1. Николай I и «польский вопрос». С момента трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) между Россией, Австрией и Пруссией «польский вопрос» стал неотъемлемой частью политики, проводимой российскими императорами. «Польский вопрос» состоял в том, какой правовой статус должна получить Польша. Существовало три возможных решения данного вопроса: Польша должна быть органической частью Российской империи, Польше следует предоставить автономию в составе Российской империи, Польше необходимо вернуть полную независимость. Вопрос о государственном статусе Польши тесно граничил с вопросом о так называемых западных губерниях, отошедших к Российской империи после трех разделов Речи Посполитой (Литва, Волынь, Подолия, Галиция, Белоруссия)³².

В 1815 г. по итогам Венского конгресса было восстановлено польское государство. Александр I даровал конституцию Царству Польскому, которое входило в состав Российской империи на правах автономии. Расположение Александра I к Польше достигало того, что в личных беседах он говорил о своем «неизменном намерении присоединить к Польше западные губернии империи» [Шильдер 1898: 334].

³² О статусе западных губерний и о проводимой политике в крае см. подробнее в книге: Западные окраины Российской империи / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. Истории Правобережной Украины (Киевщины, Волыни, Подолии) в составе Российской империи посвящена книга Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Николай I относился к полякам и Польше иначе³³. Хотя он и короновался на польский престол в 1829 г. [Польша и Россия 2010: 492], но не поддерживал политики Александра I, проводимой в Польше, и считал преждевременным введение конституции в крае [Шильдер 1903: 283]. После восстания 1830 г. настороженное отношение Николая I к полякам переросло в твердую убежденность в «черной неблагодарности» [Шильдер 1903: 720] польского народа. Польское восстание послужило пусковым моментом для начавшейся вскоре после подавления мятежа реорганизации Царства Польского.

О той важности, которую придавал Николай I происходящим делам в Царстве Польском, можно судить по количеству издаваемых законов. Если до восстания каждый год в среднем издавалось 5 указов по Царству Польскому, то после восстания их количество составляло порядка 15, т.е. в три раза больше. Принятые законы затронули практически все сферы жизни Царства Польского: политическую (систему управления), экономическую, образовательную, религиозную, военную.

Главным принципом проводимой Николаем I политики в крае можно назвать принцип унификации и приведения к единообразию общественной и государственной системы Царства Польского с системой Российской империи.

14 февраля 1832 г. был подписан манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского», или «Органический статут». По данному документу Царство Польское признавалось «нераздельною частью империи» [ПСЗРИ 1832: 84]. Если Николай I короновался отдельно на российский и польский престол, то после вступления в силу

³³ Данная тема нашла отражение в главе о политике Николая I в Царстве Польском в книге: *Высочков Л. В. Николай I. М., 2006. Материалы по теме представлены в книге: Русско-польские отношения. Некоторые замечания по этому предмету мысли, слова, речи, размышления и рассуждения. Вильна, 1896. О статусе польского языка см.: Успенский Б. А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М., 2004.*

«Органического статута» эти две процедуры были объединены в «одном и том же священном обряде» [ПСЗРИ 1832: 84].

По данному манифесту Царство Польское лишалось права иметь свою собственную армию, которая становилась частью всероссийской армии: «Армия Наша в Империи и Царстве составляет одно целое, без различия войск Русских и Польских» [ПСЗРИ 1832: 85].

В Государственном Совете Российской империи по одному из положений «Органического статута» учреждался специальный департамент, занимающийся делами, касающимися непосредственно Царства Польского, – Департамент Дел Царства Польского.

Реорганизация системы управления Царства Польского продолжилась и в других законах, изданных позднее. В 1841 г. был упразднен Государственный Совет Царства и заменен одним из Департаментов Правительствующего Сената [ПСЗРИ 1841].

Постепенно Царство Польское, теряя статус «государства в государстве», становилось «губернией» Российской империи. Для унификации польской и русской административной сферы в 1837 г. воеводства Царства Польского были переименованы в губернии, председатели комиссии воеводств – в гражданских губернаторов, комиссии – в губернские правления [ПСЗРИ 1837]. В 1846 г. постановлением все пять губерний Царства Польского составили XIII округ Путей Сообщения, а в 1851 г. – XIII почтовый округ.

В 1850 г. была снята таможенная линия между Царством Польским и Российской империей и введен общий таможенный тариф, что повлекло, в свою очередь, необходимость привести к единообразию «систему торгового сословия в Империи и Царстве» [ПСЗРИ 1852: 195]. Кроме того, Варшавский цензурный комитет был подчинен Главному управлению цензуры [ПСЗРИ 1852a].

Много было сделано и для укрепления местного военного управления. Особенно укреплялось положение Варшавы. Так, построена в Варшаве

крепость, получившая название Александровской цитадели. В 1832 г. сформированы гарнизонные батальоны в крепостях: Модлине (крепость позднее переименована в Новогеоргиевскую), Замостье и в Александровской цитадели. Также в этих трех крепостях были построены ордонанс-гаузы³⁴, в Варшаве создана ночная стража и в 1839 г. проведена телеграфическая линия между Варшавой и Петербургом. В 1832 г. укреплена и политическая полиция – в Царстве Польском учрежден корпус жандармов.

В религиозной сфере был предпринят ряд мер, ограничивающих распространение католичества и утверждающих православие среди русского населения Царства Польского и западных губерний. В 1832 г. был принят закон, по которому дети, рожденные в смешанных браках, воспитывались в «Грекороссийском исповедании» [ПСЗРИ 1832а: 856]. В Варшаве в 1834 г. учреждена должность Епископа Варшавского и построен Православный Соборный храм, а также построены церкви в крепостях: Замосцкой, Новогеоргиевской и Александровской цитадели. Сенатским указом от 17 марта 1839 г. греко-католическая (униатская) церковь западных губерний присоединена к церкви православной (Святейшему Синоду) [ПСЗРИ 1839].

Была затронута и образовательная сфера. После польского восстания были закрыты Варшавский и Виленский университеты, Калишский кадетский корпус. В 1839 г. из всех учебных заведений, расположенных на территории Царства Польского, образован Варшавский учебный округ, причисленный к Министерству народного просвещения [ПСЗРИ 1839а]. В 1833 г. было дано распоряжение: детей дворян Царства Польского принимать в Кадетские корпуса (в каждый корпус не более четырех человек), если дети не достигли еще положенного возраста, в таком случае отдавать их в Дворянский полк.

³⁴ «Ордонанс-гауз – старинное название комендантского управления, при котором учреждалась комиссия военного суда, рассматривавшая дела о военнослужащих, не состоявших в какой-либо команде или находившихся в отдаленности от своей команды» [Военная энциклопедия: 146].

При поступлении лиц польского происхождения в учебные заведения Российской империи необходимо было предоставить свидетельство от попечителя Варшавского учебного округа о том, что «к обучению их в означенных заведениях со стороны правительства Царства не предстоит препятствия» [ПСЗРИ 1846: 262]. Были определены те должности, которые нельзя занимать без курса в университете, а также те, которые можно получить, отработав определенное количество лет в великороссийских губерниях.

Как уже было сказано выше, главная цель проводимых реформ – приведение к единообразию общественной системы Царства Польского с устройством Российской империи. Эта тенденция прослеживалась и в сфере, включающей в себя государственную символику и награды.

В 1831 г. ордена Царства Польского (Белый Орел и св. Станислав) причислены к орденам Российской империи, утвержден рисунок герба Царства Польского, порядок его употребления в документах. В 1833 г. исключены из числа флагов Российской империи «штандарты, флаги и вымпелы, кои присвоены дворцам и судам Царства Польского» [ПСЗРИ 1833: 213]. В мае 1834 г. была учреждена новая золотая монета в 3 рубля с надписью на русском и польском для того, чтобы «уравнять еще более монетную систему Империи и Царства Польского» [ПСЗРИ 1834: 341].

Не раз проводилась унификация формы. Так, в 1840 г. нижним чинам Варшавского жандармского дивизиона положено «носить эполеты по форме, установленной вообще для штаб и обер-офицеров и нижних чинов Корпуса Жандармов в Империи» [ПСЗРИ 1840: 354], а в 1842 г. чиновникам Департамента гирольдии «присвоены были мундиры, установленные для чинов состоящей при Правительствующем Сенате Герольдии Империи» [ПСЗРИ 1842: 798]. Переименованы были и чины: в 1849 г. отставным офицерам Царства Польского присваивались классные чины Империи [ПСЗРИ 1849].

В 1848 г. проведена унификация системы мер и весов: «Во всех казенных и частных действиях в Царстве Польском, с 19 апреля (1 мая) 1849 года употреблять меры и весы, существующие в России» [ПСЗРИ 1848: 53].

Итак, можно отметить, что после польского восстания 1830–1831 гг. Николай I планомерно и неуклонно проводил политику по нивелированию особенностей государственного управления и устройства Царства Польского и превращению его в «Варшавскую губернию» Российской империи.

1.2. Тематическая и мотивная структура сообщений в периодической печати периода польского восстания. Государственная позиция по «польскому вопросу» и сам ход польского восстания, а затем и русско-польской войны 1830–1831 гг., получили широкое отражение в периодической печати. Произошедшее в Варшаве русское правительство представило как измену и бунт.

Первое сообщение о восстании в Варшаве, которое произошло 17 (29) ноября 1830 г., появляется в «Северной пчеле» в № 143 от 29 ноября (11 декабря) 1830 г. Кроме традиционной колонки «Внутренние известия» «Северная пчела» этой важной теме посвящает и особые прибавления, в которых на протяжении всего 1831 г. печатаются царские манифесты, воззвания, указы. Однако в «Северной пчеле» время от времени появляются и другие материалы. К ним относятся письма, статьи из прусской газеты, краткие аннотации книг, стихотворения на взятие Варшавы, а также разного рода «размышления», «замечания» о польской революции и ее причинах³⁵.

Для всех видов перечисленных документов характерен общий набор основных положений. Гнусный бунт, заговор, мятеж начала небольшая группа праздных и легкомысленных юношей. Интересно отметить, как с

³⁵ Возможная классификация материалов, касающихся польского восстания, может выглядеть так: 1) официальные документы (донесения из армии, высочайшие указы на имя главнокомандующего, высочайшие манифесты); 2) «псевдодокументы» («письма» офицеров из армии, «письма» поляков из Варшавы, «статьи» из варшавской, прусской, парижской газет <...>); 3) стихи на взятие Варшавы и покорение Польши [Краюшкина 2009: 187–188].

ходом и развитием восстания власти и официальная русская пресса вынуждена была представлять и объяснять происходящие события.

В самом начале восстания говорилось, что мятеж – дело рук небольшой группы заговорщиков (бунтовщиков, возмутителей), с которыми польский народ не имеет ничего общего: «Прошу вас, господа, Поляков не ненавидеть: они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божиею помощью все кончится к лучшему!»³⁶. Однако «дух мятежа и буйства» распространялся все более и более.

Во всех статьях, известиях, официальных документах подчеркивалось, что к бунтовщикам относятся либо нижние воинские чины, либо варшавская чернь. По мере присоединения к восставшим все большей части польских войск само восстание уже не могло быть названо местным бунтом против властей. Польский народ был представлен как заблуждающийся, обманутый и даже запуганный: «Между тем дух мятежа распространился по всем Областям Царства Польского; везде употреблялись те же средства: обман, угрозы, обольщения, чтобы мирных граждан поработить владычеству немногих возмутителей»³⁷.

Известно, что в самом начале восстания Николай I надеялся на мирное разрешение конфликта: «Цесаревич с собравшимися к Нему Российскими войсками и теми из Польских, кои оставались верны своему долгу, расположился близ Варшавы и решился не действовать наступательно, чтобы, отвращая всякий повод к новым кровопролитиям, явно доказать нелепость и коварство извета, и дать гражданским начальствам время и средство, при помощи благомыслящих жителей, вразумить заблуждающихся и обуздать злонамеренных»³⁸.

Однако уже к концу 1830 г. Николай I был «окончательно убежден в неизбежности вооруженного столкновения с мятежною Польшею» [Шильдер 1903: 330]. Событием, после которого русские войска вступили в Царство

³⁶ Северная пчела. 1831. № 144. С. 1.

³⁷ Прибавление к № 149 Северной пчелы. 1831. С. 1.

³⁸ Прибавление к № 149 Северной пчелы. С. 1.

Польское, стало решение польского сейма 13 (25) января 1831 г. лишить династию Романовых польского престола [Шильдер 1903: 334]. 27 августа (8 сентября) 1831 г. Варшава была взята, польское восстание подавлено.

Таким образом, все материалы, печатаемые в официальных газетах, носили характер однотипности и содержали повторяющиеся замечания о локальности мятежа, о непричастности польского народа к бунту, о героизме и великодушии русского воинства в противоположность польским преступникам, о родстве польского и русского народов и принадлежности их к одной славянской семье³⁹. Эти идеи и оценки представлялись как данные, единственные и самоочевидные.

1.3. Фразеология официальных документов периода польского восстания. Во время польского восстания и русско-польской войны 1830–1831 гг., как уже отмечалось выше, в периодических изданиях появлялось много материалов, касающихся происходящих событий. Официальные документы (манифесты, воззвания, указы, приказы, донесения, рапорты, прокламации, отношения) составляли ядро данных материалов. Например, газета «Северная пчела» регулярно сообщала о происходящем в действующей армии не только в колонке «Внутренние известия», но и в особых прибавлениях, которых только в 1831 году вышло более сорока.

Под термином «фразеология» мы будем понимать «устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семиотическими функциями» [Телия 1990: 560], т.е. термин «фразеология» употреблен нами в широком смысле. Нами собраны и проанализированы не только повторяющиеся слова, сочетания, выражения, но и устойчивые формулы и фразы, а также типовые схемы и модели описания происходящих событий.

Несмотря на различное авторство исследуемых текстов (Николай I, Дибич, Паскевич, генералы), их объединяет единство как языка и стиля, так и оценки и описания польского восстания. Возможность выделить в официальных документах устойчивые языковые единицы позволяет создать

³⁹ См. [Краюшкина 2009: 188–189].

модель восприятия событий и представить ту точку зрения на польское восстание, которую правительство старалось привить своим подданным: «В своем политическом аспекте фразеология есть массовая и дешевая, лишенная печати авторства репродукция поэтического творческого слова. В этом своем качестве, следовательно, фразеология есть чистая политика, и отсюда ее тесная связь с механизмами и потребностями власти. <...> именно через фразеологию (революционная фраза, политическая риторика, газетная фразеология и пр.) происходит коммуникация (со-общение) между властью и массами» [Сандомирская 1999: 126–127].

Весь период польского восстания 1830–1831 гг., от начала до победного взятия Варшавы, власти прибегали к идеологической риторике⁴⁰, важную часть которой составляла фразеология (в обозначенном выше широком смысле). Ниже нами предпринят анализ состава и функций фразеологии официальных документов в процессе конструирования властями официальной позиции.

Весь публикуемый материал и оценки находятся в пределах антитезы «свой–чужой». Относящееся к польскому лагерю, т.е. к «чужому», оценивается негативно. Все то, что связано с семантическим полем «свой», получает положительную оценку.

При анализе наименования сторон и совершаемых ими действий прослеживается отмеченная оппозиция «свой – чужой», «мы – они». Произошедшее в Варшаве было названо «гнусной изменой» [Манифест 1830: 1], «обманом» [Манифест 1830: 1], «ужасами безначалия» [Манифест 1830: 1], «изветом» [Манифест 1830: 1], «мятежом» [Манифест 1830: 1], «бунтом» [Манифест 1830: 1], «обольщением» [Манифест 1830: 1], «злодейством» [Воззвание 1830: 2], «преступлением» [Прокламация 1831: 2; Прокламация 1831а: 2], «бедствием» [Прокламация 1831а: 11], «прискорбными смутами» [Прокламация 1831а: 2].

⁴⁰ О государственной победной риторике см. [Ратников 2006: 65–66].

Для характеристики участников восстания подбирались существительные, обозначающие людей, которые вносят беспорядок и хаос в окружающее их пространство: «люди злоумышленные» [Манифест 1830: 1], «толпа <...> неистовой черни» [Манифест 1830: 1], «мятежники» [Манифест 1830: 1], «противозаконные сообщества» [Манифест 1830: 1], «возмутители» [Манифест 1830: 1], «губители родной страны» [Воззвание 1830: 2]. Также для русского правительства важным являлось подчеркнуть малочисленность групп мятежников: «сборище людей недостойных» [Воззвание 1830: 2], «кровожадные шайки» [Прокламация 1831: 1], «горсть молодых людей» [Прокламация 1831: 1], «горсть людей неблагодарных» [Указ 1831: 1].

Русские, напротив, устанавливают и приносят порядок в государственную организацию Польши: «гнусное злодеяние поколебало внутреннюю тишину страны вашей» [Воззвание 1830: 2]; «сохранение тишины и порядка» [Прокламация 1831а: 3]; «благосостояние счастливого и спокойного народа» [Прокламация 1831а: 2]. Если польские войска распространяют среди жителей занимаемых территорий возмущение и мятеж, то русские войска восстанавливают спокойствие, порядок и утверждают закон, что находит живой отклик у народа Царства Польского: «жители всюду с радостью приветствуют их, встречают с хлебом и солью, духовенство с крестом в руках; предлагают всякое для войск продовольствие» [Рапорт 1831в: 2]; «жители и ветераны приняли их с восторгом и восклицаниями, изъявляющими покорность законной власти» [Рапорт 1831а: 1].

Описание хода сражений (будь то взятие очередного леса или штурм Варшавы) строится по однотипной схеме. Поляки, как правило, превосходят русских по численности: «неприятель в превосходных силах напал на авангард» [Донесение 1831: 1]; «значительное преимущество артиллерии мятежников» [Всеподданнейший рапорт 1831: 1]; «значительное превосходство сил мятежников» [Всеподданнейший рапорт 1831а: 1]. При описании стрельбы как со стороны поляков, так и со стороны русских

используются устойчивые формулы: «сильный огонь артиллерии мятежников» [Донесение 1831а: 2]; «сильный огонь нашей артиллерии» [Рапорт 1831: 1]; «войска наши <...> открыли меткий огонь» [Донесение 1831а: 3].

Характеристика ружейного огня – единственное, что объединяет в официальных документах оба лагеря. Ведение атаки поляками и русскими уже будет описано различно. Поляки ведут бой с отчаянием и упорством: «мятежники, которые с величайшим отчаянием сражались» [Донесение 1831а: 3]; «всеми силами атаковал мятежников при Любарстве, где они сражались упорно» [Всеподданнейший рапорт 1831а: 1]; «застрельщиков, упорно защищавших дефилию...» [Всеподданнейший рапорт 1831б: 5]; «отчаянное сопротивление мятежников» [Всеподданнейший рапорт 1831б: 6]; «отчаянное положение наших противников» [Рапорт 1831: 3]; «отчаянной обороны» [Всеподданнейший рапорт 1831: 1].

Упорство поляков заключается в том, что они предпринимают несколько атак, налетов, покушений, пытаясь сломить противника: «неоднократные их атаки» [Всеподданнейший рапорт 1831а: 1]; «три раза упорствующие мятежники, возвращаясь с новыми усилиями, возобновляли свои нападения» [Всеподданнейший рапорт 1831: 3].

Если при описании атаки, боя поляков внимание уделено процессу, который не приводит к победе, то в описании характера ведения боя русскими важен результат и успешный исход сражения: «решительная атака» [Донесение 1831: 3]; «сим кончилось блистательное сие дело» [Донесение 1831: 3]; «блистательного взятия г. Остроленки» [Всеподданнейший рапорт 1831б: 4]; «блистательным успехом» [Всеподданнейший рапорт 1831: 1].

Часто подчеркивается быстрота, с которой русские войска атакуют неприятеля и ведут наступление: «сие приказание мое было исполнено с совершенным успехом и с величайшею быстротою» [Донесение 1831: 2]; «с одною кавалерию стремительно атаковал мятежников» [Рапорт 1831б: 1]; «они в одно мгновение покрыли валы» [Всеподданнейший рапорт 1831: 2];

«стремительно бросились на приступ» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 5]. В сражении русские войска обнаруживают бесстрашие, подступая на ближайший картечный или ружейный выстрел: «быстро подвинулись вперед на картечный выстрел» [Донесение 1831а: 2]; «и бросился их преследовать <...> под самый огонь укреплений» [Всепопданнейший рапорт 1831: 3].

Характеристика качеств войск обоих лагерей также различна. Если польские воины проявляют в основном только упорство, то описание русских войск в документах более дифференцировано и разнообразно. Во-первых, отличительные черты русских войск – храбрость и мужество: «решительный натиск храбрых гренадеров» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 5]; «отличной храбрости войск наших» [Рапорт 1831б: 2]; «мужество их остановлено было другим...» [Всепопданнейший рапорт 1831: 3]; «храбрые воины» [Приказ 1831: 1]. Во-вторых, часто подмечаются хладнокровие, решимость и решительность русских в сражениях: «с одинаковым хладнокровием» [Всепопданнейший рапорт 1831: 3]; «что <...> было исполнено с особенной решимостью» [Донесение 1831: 2]; «решительная атака Генерал-Майора Муравьева» [Донесение 1831: 3]; «опрокинул их решительно на всех пунктах» [Рапорт 1831б: 1].

Поляки занимают выгодную позицию перед сражением, но все равно терпят поражение от русских войск: «Серавский <...> решился вдруг повернуться на Казимерж, где скалы, перерезанное и лесистое местоположение, давали ему надежду <...> остановить и опрокинуть силы вверенного мне отряда...» [Донесение 1831: 2]; «настиг мятежников в выгодной позиции» [Рапорт 1831б: 1]; «мятежники, пользуясь выгодным местоположением...» [Всепопданнейший рапорт 1831: 4].

Русские, напротив, несмотря на многие преграды (превосходство сил противника, невыгодная позиция в виду неприятеля, трудная дорога, несколько повторяющихся атак врага), берут верх над поляками и одерживают победу: «Совершенно крутые овраги, большое затруднение провести артиллерию нашу, поставляли величайшие препятствия для

быстрого действия; несмотря на сие, ничто не могло удержать стремления храбрых наших воинов» [Донесение 1831: 2]; «невзирая на значительное превосходство сил мятежников, мужественно <...> отразил неоднократные их атаки» [Всепопданнейший рапорт 1831а: 1]; «Высочайше вверенная мне Армия, при весьма затруднительном походе, в последние пять дней по глубоким снегам, идет с свойственною ей бодростию...» [Рапорт 1831в: 2].

Отступление поляков, которым оканчиваются все сражения, представлено в нескольких вариантах. Русские вносят смятение в ряды неприятеля: «огнем сим неприятель приведен был в замешательство» [Донесение 1831: 1]; «Поляки начинали терять надежду; боязнь их возрастала непрерывно» [Рапорт 1831: 2]; «Войска наши <...> причинили в рядах их чрезмерное расстройство» [Всепопданнейший рапорт 1831: 3]. Во-вторых, поляки отступают, как правило, в беспорядке: «Всю ночь войска мятежников переходили Вислу по мосту в большом беспорядке» [Донесение 1831а: 3]; «отступали в беспорядке» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 6]; «мятежников, бежавших в совершенном беспорядке» [Рапорт 1831б: 1].

Часто отступление поляков превращается в бегство: «преследовали бегущих до самого леса» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 6]; «Кавалерия же мятежников <...> с поспешностью побежала» [Рапорт 1831б: 1]; «...мятежники <...> отражены и преследованы храбрыми Карабинерами...» [Всепопданнейший рапорт 1831: 3]. Если неприятель бежит, то зачастую бросает оружие и в конце концов тонет в болоте или реке: «В самую сию минуту Граф Пален левым своим флангом быстро наступил вдоль по шоссе, и с Ольвиопольским Гусарским полком загнал неприятельскую пехоту в болото, из коего весьма малая часть спаслась» [Донесение 1831а: 3]; «неприятель разбежался во все стороны, бросая свой оружие; многие хотели спастись вплавь через Вислу; но предпринявшие сие, как кавалерия, так и пехота, без изъятия потонули» [Донесение 1831: 3]; «следуя с необыкновенною поспешностию, бросая везде по дороге раненых своих, и

даже часть оружия, амуниции и тяжестей своих» [Краткое описание действий 1831: 4].

В противоположность полякам ряды русских войск всегда выступают в полном боевом порядке: «Подполковник Володкович <...> вел в отличном порядке <...> вверенный ему полк» [Донесение 1831: 2]; «отступление сего Корпуса <...> произведено было в том отличном порядке и устройстве, которыми всегда славились войска Гвардии Вашего Императорского Величества» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 1]; «порядок господствует в наших движениях» [Рапорт 1831: 1].

Повторяющаяся деталь в описании сражений – поле, усеянное убитыми: «отступали <...>, покрывая поле сражения трупами убитых и ранеными» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 6]; «Потеря мятежников, судя по трупам, на поле сражения оставшимся, должна быть гораздо превосходнее» [Донесение 1831а: 3]; «путь, по коему они следовали, был усеян отсталыми солдатами, коих войска наши захватывали в плен целыми толпами» [Краткое описание действий 1831: 4–5].

Последние абзацы документов содержат сообщения о потерях обеих сторон. У поляков всегда потерь больше, чем у русских: «Неприятель убитыми, утонувшими, разбежавшимися и в плен взятыми, конечно потерял до 6 т. человек <...>. Потеря с нашей стороны не превосходит 300 убитыми и ранеными» [Донесение 1831: 3]. Заключительная формула документов – наступающая ночь прерывает бой: «С наступившим вечером прекратилось мало по малу сражение» [Донесение 1831а: 3]; «Темнота ночи прекратила кровопролитный бой...» [Всепопданнейший рапорт 1831б: 6]; «только наступившая ночь спасла мятежников» [Рапорт 1831б: 1].

Итак, основная функция фразеологии (в обозначенном выше широком смысле) в официальных документах – формировать у современников восприятие событий, заданное властями. Кроме того, с помощью устойчивых выражений и конструкций, единообразия фразеологического состава официальных документов обеспечивалась однородность информационного

пространства, что препятствовало появлению иного взгляда на современные события. Через призму официальных документов русское общество смотрело на польское восстание. Оценки, устойчивые конструкции и повторяющиеся образы, изобилующие в газетных материалах, встречались не только в поэтических откликах на польское восстание авторов второго ряда (И. Бек, Н. Кирилов, Д. Рунич и др.), но и в стихотворениях Пушкина и Жуковского, посвященных взятию Варшавы.

Таким образом, в период Ноябрьского восстания, а затем русско-польской войны рассуждения по поводу «польского вопроса», разнящиеся с официальной позицией, не могли быть опубликованы: «Если пятьдесят лет назад польский вопрос не был доступен форме поэтической <...>, то он был совсем недоступен для свободного суждения публицистического. В журналах того времени напрасно было бы искать такого суждения о польском вопросе; политические сюжеты были вообще недоступны для тогдашней литературы» [Пыпин 1880: 718]. Подтверждения этому положению представлены ниже.

2. «Телескоп» и «Молва»

2.1. Позиция М. П. Погодина по «польскому вопросу», изложенная им в статье «Исторические размышления об отношениях Польши к России». В журнале «Телескоп» в 1831 г. М. П. Погодин⁴¹ публикует свою статью «Исторические размышления об отношениях Польши к России» и рецензию на книгу Г. С. Бандке «История государства Польского». Данные статья и рецензия позднее вошли в отдельную книгу «Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний», изданную в 1867 г. В нее также вошли и другие размышления Погодина по «польскому вопросу», к которому он не раз возвращался в течение всей жизни.

⁴¹ В решении «польского вопроса» для Погодина ключевым моментом было положение о статусе западных губерний, о чем он писал и в своем дневнике («...а Польша начинается за Смоленском» [Барсуков 1890: 271]), и в статьях, вышедших в 1867 г. в сборнике «польский вопрос» [Погодин 1867].

Позиция Погодина по «польскому вопросу» в период польского восстания 1830–1831 г. представляет собой «официальный панславизм» [Кацис, Одесский 2011: 33] и является единственной высказанной в периодике в этот период. В примечаниях к «Историческим размышлениям» в «Телескопе» Погодин следующим образом объясняет свое желание поместить в журнале статью, предметом которой стала история отношений Польши и России: «Но ныне, прочитав несколько подобных переводных статей в Северной Пчеле, (которой принадлежат за то честь и слава), где защищается наше дело впрочем по большей части отвлеченными рассуждениями – я, как русской, решился в общем деле подать и свой голос, подкрепленный историею. И в самом деле – доколе иностранцы будут надоумливать нас, как нам защищать права, добытые нашею кровию?» [Погодин 1831: 296].

Если статьи в «Северной пчеле», посвященные «польскому вопросу», носили характер отвлеченности и бездоказательности, то позиция М. П. Погодина была основана на исторических фактах. Именно мнение, высказанное М. П. Погодиным, встретило живой отклик и получило высокую оценку со стороны современников, в том числе и властей: «И действительно, вскоре после того Погодин получил запрос от самого Бенкендорфа: чего он желает за статью о Польше, которая читана и понравилась?» [Барсуков 1890: 273]. М. П. Погодин посчитал оскорбительным предложение Бенкендорфа. Однако, по словам Н. П. Барсукова, «мнимое негодование» М. П. Погодина вскоре сменилось иным взглядом на оказанное ему внимание со стороны властей, о чем мы узнаем из его дневниковых записей: «Но ведь <...> предложение Бенкендорфа не так щекотливо, как кажется» [Барсуков 1890: 273].

В журнале «Телескоп» в апреле 1831 г. публикуется статья М. П. Погодина «Исторические размышления об отношениях Польши к России», в которой автор обосновывает законность нахождения Польши под властью России, так как территории Польши ранее принадлежали Древней

Руси, а также говорит о невозможности восстановления польских границ 1772 г.: «И в 1773, и в 1793, и в 1795 г. Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Парижем, а Австрия Веною» [Погодин 1831: 2].

В вопросе о территории Царства Польского Погодин предлагает ориентироваться на границу языковую⁴²: «Уже впоследствии, пользуясь временными бедствиями России, они покорили себе не только вышеозначенные города, составляющие ныне губернии Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, но, соединясь с Поляками, простерли свои завоевания до Московского княжения. И теперь большую часть народонаселения составляют там Русские, а язык до позднейших времен был даже господствующим, гражданским, письменным» [Погодин 1831: 4].

Погодин высказывает идею о возможном объединении всех славян под властью России: «Многие славяне потеряли даже язык свой вместе с воспоминаниями о прежней славной жизни <...>. Одна Россия устояла против всех ударов судьбы. Искушенная собственными долговременными бедствиями, как будто искупленная смертью однородных государств, она возвышает величественную главу свою над их могилами, и стремится к зениту своего могущества, воззывая к новой жизни те, которые Провидение к ней присоединило» [Погодин 1831: 6]. В своих воззрениях на «польский вопрос» Погодин испытал влияние Карамзина, а также, в свою очередь, оказал воздействие на взгляды Пушкина⁴³.

2.2. Другие материалы, посвященные польской теме, в журналах «Телескоп» и «Молва». «Телескоп» становится единственным печатным

⁴² Позднее в выпущенном сборнике «Польский вопрос» в примечаниях эту идею назвал «мечтой» [Погодин 1867: 58].

⁴³ О взглядах Погодина в соотношении с позициями Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина см. подраздел 2.2. главы III (с. 78–80) настоящей работы.

изданием, опубликовавшем рецензию на брошюру «На взятие Варшавы», в которую вошли три стихотворения: «Старая песня на новый лад» В. А. Жуковского, «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» А. С. Пушкина. Автор рецензии рассыпается в похвалах поэтам и делает пространные выписки: «Падение Варшавы, увенчавшее новою славою победоносное оружие Русское, одушевило первых наших поэтов благородным патриотическим восторгом и отозвалось на их звучных лирах достойными песнопениями» [Надеждин 1831: 507]. Предметом еще одной хвалебной рецензии становится стихотворение Жуковского «Русская слава»: «Ныне, при обновлении Русской славы новыми торжествами, благородное патриотическое одушевление снова изливается из уст лавровенчанного поэта» [Надеждин 1831а: 406]. Большая часть рецензии – само стихотворение «Русская слава», так как «Жуковский должен говорить сам за себя» [Надеждин 1831а: 409].

В журнале «Молва» публикуется ряд материалов, касающихся польского восстания. В отдельной заметке печатается приказ русского генерала, потерявшего левую руку в сражении против «польских мятежников». В тексте приказа говорится о том, что генерал ждет от солдат «равномерную готовность к правому делу батюшки Царя нашего» и в случае необходимости готов вернуться к командованию «для поражения врагов милого отечества» [Молва 1831: 194].

Под заголовком «Утро в Кремле» помещены «разговоры народные», подслушанные в день приезда Николая I в Москву: «Может, он приехал порадоваться вместе с нами, что Бог успокоил землю Русскую от холеры, да от бунту Польского... Бунту Польского? Великая важность! Да мы батюшке-Царю две Польши бы завоевали... Только прикажи!» [Молва 1831а: 242]. По этому же случаю в журнале ведется колонка «Московские записки», в которых освещается пребывание императора в Москве: «В Воскресенье, 18 Октября, древняя мать градов Русских торжествовала с ЦАРЕМ своим новую славу России. Мятеж, волновавший Польшу, наконец совершенно укротился.

Непокорная дочь возвратилась опять в матернее лоно, от которого отторгло ее пагубное ослепление» [Молва 1831б: 258].

К данным материалам относится и «Отзыв Парижского журнала по случаю взятия Варшавы». Автор отзыва предупреждал все обвинения, которые могут быть высказаны Европой в адрес русского правительства, и был убежден в тщетных попытках поляков следовать за примером французов: «После героического сопротивления сей злополучный народ, еще раз обольщенный и принесенный в жертву нашими ханжами ораторскими, площадными и журнальными, падает в борьбе неровной. Варшава взята. <...> Уже подготовлены фразы и негодование против *северных варваров*; стихи и проза переписаны набело: остается только распрудить потоки слез, которые должны оросить развалины и пепл Варшавы. И что же? Ни тут то было! Нет ни развалин, ни пепла. Северные варвары вступили в Варшаву, держа ружье под курок, и в таком порядке, что хоть бы национальной гвардии на смотре пред Лудвигом-Филиппом. <...> Ох, уж эти Русские злодеи, которые никого не повесили, не расстреляли, не расчленили и вспомнили о тюрьмах только с тем, чтобы выпустить на волю жертвы, заточенные домашними демагогами! <...> Польша догадается, что Парижские приятели выставили ее игрищем своим, что она расточала кровь свою и возвышенную храбрость только для того, чтобы служить им потешным зрелищем от скуки и от нечего делать» [Молва 1831в: 277–279].

Таким образом, позиция журналов «Телескоп» и «Молва» по характеру публикуемых в них материалов вторила официальной. Все статьи и заметки, в которых тем или иным образом затронута тема польского восстания, написаны в патриотическом и официально-пропагандистском ключе.

3. «Московский телеграф»

3.1. Польская тема на страницах «Московского телеграфа» до польских событий 1830–1831 гг. На страницах «Московского телеграфа» до Ноябрьского восстания на протяжении 1825–1830 гг. появлялись многочисленные переводы произведений польских поэтов, а также статьи,

написанные по поводу той или иной польской литературной новинки. Интерес редактора «Московского телеграфа» Н. А. Полевого к польской литературе З. Дзехчарук объясняет следующими причинами: во-первых, Н. А. Полевой был сторонником романтизма, поэтому и публиковал переводы из польских романтиков. Во-вторых, одним из главных принципов журнала Н. А. Полевого было стремление познакомить читателей не только с русской современной литературой, но и с западными, а также славянскими литературами, среди которых первое место по значимости занимала польская. В-третьих, огромную роль в увлечении Полевого польской культурой сыграл приезд Мицкевича в Москву⁴⁴. Кроме того, сотрудником журнала Полевого был в 1825–1827 гг. П. А. Вяземский, который хорошо знал польский язык, так как с 1818 по 1821 г. жил в Варшаве и служил в канцелярии Новосильцева [Dziechciaruk 1971: 115–116].

Все материалы «Московского телеграфа», касающиеся польской литературы, можно разделить на две группы: переводы и литературно-критические статьи.

Творчеству Мицкевича в журнале придавалось огромное значение. Именно переводы его произведений составляли большую часть того, что публиковалось Полевым из польской литературы. В 1826 г. печатается

⁴⁴ Мицкевич не сразу стал вхож в дом к Полевому после знакомства с ним: «Издатель «Московского телеграфа» Николай Полевой и брат его Ксенофонт Полевой познакомились с Мицкевичем сразу же по приезде его в Москву: их познакомил полковник Похвиснев, хорошо знавший Мицкевича. Однако первое знакомство Полевых с Мицкевичем к сближению их не привело» [Березина 1957: 471]. О завязавшейся дружбе мы узнаем из «Записок» К. А. Полевого: «После первого нашего свидания с ним <Мицкевичем> прошло несколько месяцев, и уже весною 1826 года близкий приятель моего брата Ю. И. Познанский, тогда молодой офицер Генерального штаба, приехавший из Польши, привез с собою несколько стихотворений, переведенных их из Мицкевича, и при свидании с братом изумился, что он почти не знаком с лучшим поэтом Польши, который живет в Москве. Он просил Николая Алексеевича познакомить его с Мицкевичем, желая прочесть ему свои переводы. Восхищение, с каким Ю. И. Познанский говорил о великом польском поэте, и переводы его, хотя не образцовые, заставили моего брата поехать к Мицкевичу, пригласить его к себе, и, после нескольких свиданий, он был как родной в нашем доме. Он почти ни с кем не был знаком в Москве, жил уединенно с немногими своими товарищами, и, кажется, любящая душа его была обрадована искренним приветом, какой нашел он в русском семействе, в кругу образованных друзей и литераторов» [Полевой 1888: 168–169].

перевод *Кургана Марыли*, выполненный Я. Познанским. В 1827 г. Вяземский опубликовал свой прозаический перевод «Сонетов» Мицкевича. В 1828 г. в «Московском телеграфе» появляется перевод сонета «Акерманские степи» И. И. Козлова. В том же году публикуется перевод части «Конрада Валленрода» — «Песнь Вайделота». В 1829 г. В. Щастным переведен «Фарис».

Кроме переводов на страницах «Московского телеграфа» были напечатаны статьи и заметки Мицкевича: «Бентковский первый предпринял...»⁴⁵, «Франциск Карпинский. (Некрология)»⁴⁶, рецензия на польские переводы из И. И. Дмитриева и Пушкина⁴⁷.

Все литературно-критические статьи, помещенные в «Московском телеграфе» и имеющие своим предметом явления польской литературы, можно разделить на две группы: 1) статьи, посвященные творчеству Мицкевича; 2) статьи, посвященные другим польским авторам.

В рецензии на выпущенный в 1829 г. двухтомник *Стихотворения Адама Мицкевича* не только разбирается его состав и художественные особенности, но значительное место отведено тому, чтобы поставить Мицкевича в ряд мировых поэтов. Рецензент⁴⁸ последним мировым поэтом называет Байрона и говорит, что только гений способен понять «великую идею человечества»⁴⁹ и выразить другие «народности»: «Здесь понятно, что только самобытность, народность, естественность могут быть свидетельством великости поэта...»⁵⁰. Все эти качества автоматически приписываются Мицкевичу, что дает основание сделать вывод: «Когда умолк Гёте, когда нет Байрона, Мицкевич — будем гордиться этим — не только

⁴⁵ 1827. Ч.8. № 22. С.123–124.

⁴⁶ 1827. Ч.15. № 12. С.367–372.

⁴⁷ 1827. Ч.14. № 8. С.317–321.

⁴⁸ Рецензия помещена без подписи, но В. Г. Березина доказывает, что авторство статьи принадлежит Н. А. Полевому (см. [Березина 1954]).

⁴⁹ 1829. № 6. С.197.

⁵⁰ Там же. С. 197.

первый поэт Польши, но едва ли не *первый* из существующих ныне поэтов»⁵¹. В споре польских классиков с Мицкевичем рецензент «Московского телеграфа» встает на сторону последнего: «...при новом издании стихотворений Мицкевича, о котором извещаем читателей, приложено рассуждение поэта *о критиках и рецензентах Варшавских*. <...> И как одна шутка ума светлого, необыкновенного сбивает с ног этих классических ратоборцев, это мелкое племя меряльщиков таланта и гения! Смешно и жалко смотреть на них, цепляющихся в падении за Послание к Пизонам и Пиитику Буало»⁵².

Кроме переводов Мицкевича и литературно-критических статей, написанных о его произведениях, в «Московском телеграфе», особенно после отъезда Мицкевича из России в мае 1829 г., печатались, часто в составе рецензий на его книги или их переводы, сообщения о местопребывании польского поэта: «Мицкевич оставляет теперь Россию и едет в Италию. Там, на развалинах Рима и гробницах бессмертных людей, ждут его новые вдохновения»⁵³. В рецензии на перевод *Стихотворений Адама Мицкевича* В. И. Любичем-Романовичем: «Зная, сколь многие дорожат у нас на Руси судьбою Мицкевича, мы известим здесь многочисленных почитателей его, что Мицкевич благополучно совершил путешествие по Германии, гостил у Гёте, и по последним письмам был в Венеции. С жаркою любовью пишет он к друзьям своим об отчизне Данте и Тасса. Теперь Мицкевич должен быть в Риме»⁵⁴.

В «Московском телеграфе» были опубликованы и другого типа статьи, где сообщалось о новых польских книгах. Так, в статье «Новости Польской Литературы»⁵⁵ сообщалось о выходе *Польско-Российского словаря*, составленного Станиславом Миллером, *Польской Истории для детей*,

⁵¹ Там же. С.199.

⁵² Там же. С.201.

⁵³ 1829. № 6. С.200–201.

⁵⁴ 1829. № 23. С.367–368.

⁵⁵ 1829. Ч. 29. № 17. С.100–103.

написанной И. Лелевелем, литературного польского альманаха *Melitele*, который издавал А. Э. Одынец, варшавских журналов географического (Kolumb), по лесоводству (Sylwan) и правоведению (Themis Polska).

В одном из номеров «Московского телеграфа» помещено любопытное замечание: «Желание передавать читателям нашим сведения о новостях современной Польской Литературы доныне не приведено Издателем Телеграфа в надлежащее исполнение. От времени до времени помещая известия о Литературе Польской, мы не можем удовлетворить ими ни знатоков Польского языка, ни тех, которые хотели бы знакомиться с нею. Не говоря о препятствиях, скажем, что с сего времени Издатель Телеграфа надеется иметь более средств к достижению предположенной им цели и постарается поддержать известия о новостях Польской Литературы постояннее»⁵⁶. Причиной такого заявления, вероятно, было появление в редакции «Московского телеграфа» нового сотрудника, В. А. Ушакова: «...с первого же номера журнала за 1829 г.⁵⁷ и вплоть до июля 1830 г. Ушаков остается постоянным театральным рецензентом журнала, иногда помещая здесь и литературно-критические статьи. В «Московском телеграфе» появились и первые две главы наиболее известного беллетристического произведения Ушакова – повести “Киргиз-кайсак”» [Вацура 2000: 446].

Знание польского языка и осведомленность в польской литературе позволили Ушакову написать две объемные рецензии («О русском переводе Сонетов Мицкевича» в № 23 за 1829 г. и о «Канёвском замке» Северина Гощинского в № 9 1830 г.), в каждой из которых анализировались не только названные произведения, но и был представлен обзор всей польской литературы: «...среди русских литераторов 1820-1830-х гг. он, без сомнения, был одним из лучших знатоков польской словесности, и в рецензии на «Крымские сонеты» Мицкевича в переводе И. И. Козлова и в особенности на «Каневский замок» Северина Гощинского он попытался дать русскому

⁵⁶ 1829. Ч. 29. № 17. С.100.

⁵⁷ По мнению В. Г. Березиной, Ушаков стал сотрудничать с «Московским телеграфом» чуть позднее: с середины 1829 г. [Березина 1957: 478].

читателю краткий очерк истории литературы Польши начиная с Яна Кохановского; что же касается современной литературы, то он, по собственному признанию, собирал о ней сведения «в самой среде польского литературного мира». Польские контакты Ушакова совершенно не исследованы, но в статьях его прямо декларирована приверженность к новой романтической литературе; он объявляет себя пылким адептом Мицкевича и врагом его «классических» противников; по-видимому, он был и переводчиком полемической статьи Мицкевича «О критиках и рецензентах варшавских». По глухим намекам и отдельным упоминаниям в его статьях мы можем заключить, что некоторые из этих «рецензентов», в особенности связанных с театром, он знал или, по крайней мере, видел. В статье о Гоцинском он вспоминал, например, о лекциях Людовика Оссинского, профессора Варшавского университета и антрепренера театра, сторонника классической школы» [Вацура 2000: 443].

Ушаков, как и Полевой в своей рецензии на двухтомник поэзии, изданный в 1829 г. в Петербурге, защищал Мицкевича от нападок варшавских критиков: «Раздались жалобные вопли сановной иерархии... Но Мицкевич не отвечал, а публика с жадностью читала новые его творения. – Наконец Польский Поэт достиг своей цели. В своей особе явил он могущественного представителя Словесности родного края, и поставил Польскую Литературу наряду со всеми другими»⁵⁸.

Более полное «историческое обозрение Польской Словесности» было дано Ушаковым в рецензии на «Канёвский замок» С. Гоцинского⁵⁹, в которой из 52 страниц анализу самой поэмы посвящено только 11 страниц, а все остальное – обзору, который Ушаков начинает с описания царствования Сигизмунда I в начале XVI в. Затем говорит о том, что конец «сей цветущей, блестящей поро Польской Словесности»⁶⁰ положили иезуиты. После падения влияния иезуитов в Польше к власти приходит Станислав Август: «Во время

⁵⁸ 1829. Ч. 30. № 23. С.345.

⁵⁹ 1830. № 9.

⁶⁰ Там же. С.82.

спокойных, безмятежных пятнадцати лет, от 1774-го по 1789-й год, окрилившаяся Польская Литература обогатилась произведениями отличных писателей»⁶¹. Ушаков упоминает многих писателей (Красицкого, Карпинского, Княжнина, Нарушевича, Трембецкого, Немцевича) и в то же время признается в неполноте своего разыскания: «В этом кратком описании читатели наши, конечно, не найдут достаточной, полной картины Польской Литературы»⁶². Время падения Польши и восстановления ее при Александре I – все находит отражение в статье Ушакова.

3.2. Польская тема на страницах «Московского телеграфа» после польского восстания. После Ноябрьского восстания и последовавшей за ним русско-польской войной 1830–1831 гг. Полевой не помещает практически никаких материалов, связанных с Польшей и польской литературой: «Польская тема остается на страницах журнала Полевого вплоть до 1831 г. В это время журнал оказывается перед необходимостью определить свое отношение к событиям в Польше. «Московский телеграф» выбрал молчание»⁶³ [Dziechciaruk 1971: 122]. Подобным образом была организована деятельность всех периодических изданий того времени. Мнения, расходящиеся с государственной позицией по «польскому вопросу», жестко преследовались. Тот же «Московский телеграф» был закрыт в 1834 г., так как в нем была опубликована отрицательная рецензия на ультрапатриотическую драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла», одобренную Николаем I.

Однако до этого печального инцидента на страницы «Московского телеграфа» в период русско-польской войны все же пробирались в завуалированной форме намеки на настоящий взгляд редактора журнала по «польскому вопросу». Ниже мы приведем несколько примеров, которые

⁶¹ Там же. С.88.

⁶² Там же. С.89.

⁶³ Все переводы с польского в настоящей работе сделаны мной (Н. С.), кроме специально оговоренных случаев.

возможно интерпретировать как косвенное проявление точки зрения Н. А. Полевого на события, последовавшие за восстанием 1830 г.

В своей рецензии на роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) Н. А. Полевой видит причину популярности первого исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) в следующем: «Мы еще не отдали себе отчета в хвастливом патриотизме нашем, и, как дети, тешимся нашею славою, нашим превосходством перед всеми народами в мире. Эпоха 1612 года есть один из главных коньков нашего народного самолюбия» [Полевой 1831а: 540]. Автор рецензии настаивает на необходимости беспристрастно и взвешенно определить положение России по отношению к другим странам: «Не место здесь излагать сущность тогдашних событий, не место и доказывать, что *истинное* понятие об оных представить идею гораздо более величественную, нежели та, какую можем мы получить об них из *Летописи о мятежах*. Но пока истина убедит ум, колокольчик народного самохвальства и богатырства должен нравиться. И *Юрий Милославский* звонил в этот колокольчик из всех сил» [Полевой 1831а: 540].

В упоминаемой Н. А. Полевым «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского Государства», в которой описаны события Смутного времени, можно заметить, что полякам в ней дана однозначная характеристика «окаянные», король польский назван «крестопреступником Жигимонтом» [Летопись о многих мятежах 1771: 80]. Н. А. Полевой призывал к более объективной оценке как прошлых, так и современных ему исторических событий и был против однозначных негативных суждений, изобилующих в «Летописи о многих мятежах».

В краткой биографии Якова Ивановича Булгакова, русского дипломата, говорится о его деятельности в Варшаве в качестве посла [Биография Булгакова 1831: 301]. Политика Булгакова, проводимая в Польше, сохраняла этот край от новых потрясений, произошедших вскоре после его увольнения: в 1784 г. вспыхнуло польское восстание. Отношение Булгакова к полякам и к

Польше противопоставляется мнению его преемника, считавшего, что «в Варшаве все приобретается одною токмо неуступчивостью, угрозами и страхом» [Биография Булгакова 1831: 302]. Подобную отсылку к прошлому опыту Булгакова и характеру его взаимодействия с поляками можно рассматривать как сделанную в пику всем действиям русского правительства в отношении царства Польского в период 1830–1831 гг.

На страницах «Московского телеграфа» в одном из номеров было опубликовано сочинение П. А. Словцова «О великих», автор которого, вспоминая деятельность Петра I по укреплению России, подчеркивает, что, несмотря на предательство Августа II во время Северной войны, Петр I после разгрома шведов русскими в Полтавской битве восстановил его на польском престоле: «От Полтавы победитель, первый тактический наш победитель, пошел за границу, не с поддельными деньгами, не грабить Польшу, или ругаться над ее алтарями, а снова предложить северным Державам пальму мира, восстановить законный Престол, без укоризны Венценосцу за отпадение. Победить умеренностью Север, значило завоевать мнение Европы» [Словцов 1831: 31].

Несмотря на то, что предметы вышеназванных рецензий, краткой биографии и исторического очерка не имеют непосредственного отношения к русско-польской войне 1830–1831 гг., любое упоминание о поляках в период восстания, на наш взгляд, воспринималось на фоне происходящих событий.

После подавления польского восстания в периодических изданиях появлялось много патриотических стихотворений, большинство из которых были написаны третьесортными поэтами и посвящены взятию Варшавы. Данные стихотворения были написаны в едином казенно-патриотическом ключе прославления русского оружия и порицания польских изменников (исключая стихотворения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова). Русская критика такие сочинения просто не замечала, Полевой же поместил в своем журнале саркастические рецензии на два стихотворных произведения.

Одно из них – поэма Н. Данилевского «Глас умирающего Поляка, после сражения бывшего под Прагою». По словам Полевого, данное произведение «замечательно только тем, что Автор посвятил сей *Глас* “Его Благородию, милостивейшему государю, Г.И.С., Титулярному Советнику, Секретарю Московского Магистрата 1-го Департамента, имеющему знак отличия беспорочной службы, в знак достодолжного уважения и всегдашней преданности”» [Полевой 1831: 257].

Упоминание стихотворения Г. Паршова «Российскому воинству» Полевой сопровождает следующим замечанием: «Автор стихотворения *Российскому воинству*, Г. Паршов, говорит о себе: *Не жажда славы днесь вела // Меня в храм Муз священный*; Но, кажется, жажда его не была бы удовлетворена, если бы он и хотел утолить ее своим стихотворением» [Полевой 1831б: 120].

Таким образом, Н. А. Полевой не был солидарен с позицией властей, так как в «Московском телеграфе» мы не находим в отличие, например, от «Телескопа» и «Молвы» материалов с поддержкой подавления восстания. Однако, осознавая опасность высказывать свое истинное мнение о действиях России в отношении к Польше, редактор «Московского телеграфа» публиковал тексты, лишь косвенно затрагивающие современные ему проблемы, из которых мы догадываемся о его действительной позиции по «польскому вопросу».

Если попытаться реконструировать позицию Полевого по «польскому вопросу», то можно сказать следующее: Полевой был против военного вмешательства в дела Царства Польского. Также, по-видимому, его не устраивал характер государственной риторики, клеймящей поляков-изменников и поляков-предателей. Кроме того, общее настроение русского общества в отношении к полякам вызывало сильное отторжение у Полевого, судя по его отзыву о романе Загоскина. Как решался Полевым вопрос о государственном статусе Царства Польского и западных губерниях, сказать нельзя. Однако очевидным было его желание изменить характер имперской

политики на территории Польши, чтобы все меры по урегулированию конфликта были свободны от жестокости и насилия.

4. «Сын Отечества и Северный Архив»

В журнале «Сын Отечества» Булгарин публикует ряд исторических материалов, касающихся истории отношений России и Польши: 1) отрывки из биографии Суворова, сочиненной Ф. Шмитом (штурм Праги, 24 Октября/4 Ноября 1794 года); 2) отрывок «Разрушение Москвы Поляками в 1612 году» из рукописи М. Бера «Летопись Московская»; 3) ссылка на речь Тьера о политическом статусе Польши в статье «Обозрение новейших происшествий. Франция».

Публикация исторических материалов в «Сыне Отечества» сопровождалась осложнениями в ходе русско-польской войны: «Статьи появились и вышли в период нарастания антипольских настроений в России, вызванных как военными неудачами, так и западно-европейским общественным мнением (демонстрации, денежная помощь, статьи в прессе и письмах) по отношению к политике Николая I в Польше» [Bortnowski 1964: 135].

Отрывки из биографии Суворова, хотя и написаны были немецким историком Ф. Шмитом, но по содержанию и точке зрения на восстание мало отличались от царских манифестов 1830 и 1831 годов. В отрывках поляки так же названы «возмутителями» [Шмит 1831: 33], «мятежниками» [Шмит 1831а: 175], «бунтовщиками» [Шмит 1831б: 228].

В «Сыне Отечества» были помещены те фрагменты биографии, которые коррелировали с текущими событиями русско-польской войны. К примеру, упоминается о неуспешном начале подавления польского восстания 1794 года: «К несчастью, с самого начала не был употреблен против возмутителей ни один полководец с дарованием, и делу их доставили некоторый успех, не столько силы, употребленные на оное народом, сколько слабые, нерешительные меры старых, боязливых полководцев, которые более думали о защите, нежели о нападении» [Шмит 1831: 33–34].

В комментариях к отрывку «Разрушение Москвы Поляками в 1612 году» из рукописи Мартина Бера «Летопись Московская» высказано несогласие с той оценкой, которую дает автор Летописи русско-польским отношениям: «Пристрастие к Немцам отчасти извинительно; но выхваляя Поляков и без пощады порицая Россиян, Автор обнаруживает явную несправедливость: ему нельзя было не знать, что истинными виновниками всех неурядиц и злополучия России были Поляки, ибо сам же описывает мрачными красками их злодейства...» [Бер 1831: 354].

В разделе «Современная политика» приводится «Обозрение новейших происшествий» во Франции. Отдельно упоминается Адольф Тьер и его мнение по поводу политического статуса Польши: «В особенности замечательна речь Г. Тьера (Сочинителя Истории Французской революции), в которой он свидетельством Истории доказал, что Польша никогда не была совершенно независимою, и что в новейшее время сам Наполеон со всем своим могуществом не мог сделать ее Государством самостоятельным» [Тьер 1831: 123–124].

Редакторы «Сына Отечества», проводя и поддерживая официальную позицию, подкрепляют ее ссылками на сочинения и слова европейских историков и политиков.

Кроме исторических сочинений в журнале также публикуются художественные произведения, в которых затронута тема русско-польских отношений. К ним относятся ура-патриотические стихотворения Д. Рунича, посвященные окончанию русско-польской войны («К портрету Князя Варшавского Графа Паскевича-Эриванского» [Рунич 1831], «На победы Князя Варшавского» [Рунич 1831a], «На победы Русских в Польше» [Рунич 1831b]).

В нескольких номерах «Сына Отечества» с января по апрель 1831 года печатается повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Наезды». Несмотря на то, что действие в повести происходит в 1613 году и никак не связано с событиями русско-польской войны 1831 года, но, как мы уже отмечали

выше, «польский вопрос» в период восстания исследовался зачастую на материале, далеком от современных событий. По словам Богуслава Мухи, повесть «Наезды» является «наиболее «польским» произведением в творчестве русского писателя<...> и своеобразным исследованием народных польских недостатков и достоинств», в котором «Бестужев показал поляков с большой долей объективизма» [Mucha 1874: 165–166].

Таким образом, редакция «Сына Отечества» помещала материалы, затрагивающие «польский вопрос», но не отходящие от официальной позиции. Более того, проводимая властями официальная позиция оказывается подкрепленной в журнале статьями западноевропейских историков и политиков.

Выводы

Польское восстание стало важным событием в политической жизни начала 1830-х гг., что неизбежно находило отражение на страницах периодических изданий. Государственная позиция по «польскому вопросу» выражалась, главным образом, в официальных документах, публикуемых в периодической печати (газетах «Северная пчела», «Русский инвалид», «Московские ведомости» и др.). Анализ тематической структуры материалов, касающихся польского восстания, и фразеологии официальных документов показал однотипность сообщений, объединенных заданностью угла зрения на Ноябрьское восстание.

Журналы «Телескоп», «Молва» и «Сын Отечества и Северный Архив» опубликовали ряд материалов, поддерживающих позицию властей. «Московский телеграф», не соглашаясь с правительственным мнением, в поддержку восстания не выступал и, на первый взгляд, вообще польскую тему обходил. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что это не так: в журнале печатались материалы, в которых позиция редактора выражалась косвенным образом.

Редакторы «Телескопа» и «Сына Отечества и Северного Архива» всячески старались обнаружить свою солидарность с мнением властей, хотя и делали это различным образом. Н. И. Надеждин в своих журналах помещал ура-патриотические отклики на стихотворения А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, отчеты о пребывании императора в Москве после подавления восстания. Среди этих материалов статья М. П. Погодина является наиболее взвешенной и исторически аргументированной. Журнал Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина был свободен от крикливых патриотических суждений: все публикации, затрагивающие проблему Польши и ее государственного статуса, принадлежали европейским (что, видимо, было особо значимо) историкам и политикам, хотя в них и доказывалось заблуждение поляков.

Глава II. Славянофилы и западники о поляках, Польше и «польском вопросе»⁶⁴

1. А. С. Хомяков

В 1830-е гг. (точнее, в 1838 г. [Хомяков 1900б: XII]) А. С. Хомяков приступил к написанию труда, который создавался на протяжении более чем 20 лет и не был закончен автором. Под заглавием «Записки о всемирной истории» фундаментальный историко-философский труд Хомякова был отредактирован и подготовлен к печати А. Ф. Гильфердингом.

В «Записках о всемирной истории» Хомяков в связи с историей развития всего славянского мира говорит также и о Польше. Хомяков придерживается мнения о том, что Ляхи были родственным народом кельтам и именно от них у поляков все особенности национального характера: «Я не спорю, что Кельты были при Висле, думаю даже, что примесь Кельтов дала отчасти Ляхам не Славянский характер теперешних Поляков, их родовое чванство и неспособность к сочувствию с великою семьею их братьев, западных Чехов и восточных Руссов. Я думаю, что если бы Поляки были чистые Славяне, или по крайней мере без большой примеси Кельтов, никогда бы Болеславы и их преемники не стали вымаливать у Германских императоров позволение губить и уничтожать своих единоплеменников Лютичей, Ободритов и Поморян, никогда Польша не стала бы против общего Славянского дела и изменою своею не решила в пользу Германцев борьбы их с Славянами в то время, когда уже более половины Германии было завоевано и когда Генрих II (прозванный святым) умирал с горести, видя неизбежное

⁶⁴ Данная тема также рассмотрена в работах: *Валицкий А.* Россия, католичество и польский вопрос. М., 2012; *Малютин Г. А.* «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – нач. 60-х гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2013. К западникам, которые интересовались и активно высказывались по поводу «польского вопроса», относился и А. И. Герцен. Тема «Герцен и Польша» рассмотрена в работах: *Białokozowicz B.* Hercen a Mickiewicz w świetle dawnych i nowych przekazów // *Ruch Literacki*. 1967. № 5. S. 40–56; *Łużny R.* Sprawy polskie w Aleksandra Hercena «Rzeczach minionych i rozmyślaniach» // *Rocznik Komisji Historycznoliterackiej*. 1968. T. VI. S. 5–23; *Łużny R.* Motywy polskie w twórczości Aleksandra Hercena // *Slavia orientalis*. 1971. № 1. S. 31–39; *Śliwowska W., Śliwowski R.* Aleksander Hercen. Warszawa, 1973.

падение империи перед восставшею силою Славянства. И так, я признаю присутствие Кельтов в земле Польской и приписываю ему многие особенности характера и наречия Польского (напр. легкомыслие и носовое произношение буквы *h*) <...>» [Хомяков 1900в: 123–124].

С точки зрения Хомякова, поляки предали славянский мир, обратившись к миру западному: «Не Германская и не Скандинавская сила сокрушила могущество западных Славян. После Оттонов (при Генрихе святом) они брали дань с северного полуострова, грозили уничтожением империи Германской, владели Балтийским морем; их сокрушили их же братья, полу-Кельтские Ляхи, и бесчувственное властолюбие Болеславов. Такова трагическая судьба Славянских племен, таково перед ними преступление Польши!» [Хомяков 1900в: 186].

Как судьба Чехии, так и Польши всегда зависела от чуждого мира западного, что и привело к потере этими странами государственности: «Внутренняя жизнь племени чешского, жизнь славянская, никогда не могла себе создать приличную внешнюю форму и воплотиться в крепкое и стройное общество потому, что сама рабствовала чуждому духовному началу, ибо, не говоря уже о соблазне государственных форм германских, самое христианство, принятое Чехией, было не общечеловеческое, но местное, измененное духом германороманским. Та же причина впоследствии уничтожила все великие зачатки Польши» [Хомяков 1906: 296].

В истории Польши вместе с ее обращением к западному миру определяющим событием Хомяков считает принятие ею католичества: «Они [Ляхи. – Н. С.] приняли христианство почти исключительно в его римской форме. Первый из великих польских державцев, достойный памяти по блеску своих подвигов и по обширности замыслов, Болеслав Храбрый вступил в полную зависимость от западного мира. Ревностно распространял он веру христианскую не без насилия и в то же время, судя по русским источникам, крайне был неблагоклонен к учению восточному. Задумав сделать ничтожную еще Польшу могущею державою, в чем он и успел, он просил

для будущего своего величия позволения от императора германского и благословения от папы. И то и другое получил он. Впоследствии окрепнув, он боролся с империей и почти всегда счастливо: наводил страх и трепет на всю Германию, опустошал ее поля, тысячами уводил в плен ее жителей и лучших воинов, стремился сознательно к созданию великой славянской державы, но клеймо однажды положенное на Польшу признанием прав императора и папы, просьбою о титуле и венце королевском, просьбой о позволении воевать и завоевывать северных идолопоклонников Славян и вступлением в вассальство уже не изглаживалось и не могло изгладиться. Нравственная подчиненность и несамостоятельность, так сказать, нравственное неполноправие народа и государства были допущены и признаны навсегда. Польша принадлежала западу во всем своем будущем развитии, и достижение самобытной славянской нормы делалось невозможным» [Хомяков 1906: 308–309].

В 1845 г. Хомяков помещает статью «Вместо введения» в «Сборнике исторических и статистических сведений о России и о народах, ей единоверных и единоплеменных» Д. А. Валеева. В данной статье речь шла о судьбах славянства, которое, по мнению Хомякова, «хранит для человечества, если не зародыш, то возможность обновления» [Хомяков 1900: 140].

В статье Хомяков затрагивает также историю и значение Польши и поляков для славянства и всей Европы. Польша испытала на себе влияние западного мира, приняв католицизм и тем самым отступив от славянства: «...воинственная семья Ляхов, более других принявшая в себя примесь иноземных стихий (Кельтов и Сарматов) и вместе с ними характер аристократических дружин, подпала вполне влиянию Римского духовенства и следовательно Западного мира, от которого она получила свое одностороннее направление. Не поневоле, не вследствие насилия, согласилась Польша примкнуть к Германии, унизиться до состояния вассала и сделаться орудием Римского и Германского властолюбия, но по

внутреннему сочувствию высшего сословия, еще долго стыдившегося Славянского имени и гордившегося названием завоевателей Сарматов. Католицизм, чуждый остальным Славянским семьям, нашел в Польше или, лучше сказать, в ее правительственных дружинах – ревностных и в то же время обманутых поборников. За всем тем это ложное и не-Славянское направление Польши зависело не столько от коренного племени Ляхов, сколько от иноземных стихий, овладевших им. Оно решило историческую судьбу Польши, но само должно исчезнуть в ней по мере усиления истинно-народного и чисто-Славянского характера...» [Хомяков 1900: 138].

Хомяков замечает, что отступничество Польши от славянского мира несет ей разрушение, которым она платит за измены: «Тогда-то Польша, забывшая обязанности свои к одноплеменникам и увлеченная в одно время властолюбием своих правителей и еще большим властолюбием Римского духовенства, предала свою воинственную силу на службу Германцам, выговорив себе только право безнаказанно губить своих братьев. Империя приняла предложенные условия, и Западные Славяне погибли. Община, изменившая братскому союзу и два раза спасшая Германию, сперва от Славян, потом от Турок, пожала впоследствии плоды своего ложного направления и своей измены...» [Хомяков 1900: 139].

Конкретные меры по разрешению «польского вопроса» Хомяков изложил в письме к А. О. Смирновой от 21 м. (марта или мая) 1848 г. По мнению Хомякова, история «польского вопроса» для России начинается после трех разделов Речи Посполитой, причем земли, присоединенные к России, были исконно русскими: «Державы восточной Германии и Россия взяли ее под временный интердикт для общего мира, причем России возвращены были ее старые области, удел Рюрикова рода, населенные народом одноязычным с Россией, а не с Польшей» [Хомяков 1848: 2]. По словам Хомякова, Россия не хотела «гибели польской народности», но «своевольное восстание» 1830 года «принудило Россию силою оружия восстановить интердикт» [Хомяков 1848: 2].

Хомяков не был против восстановления Польши: «Пусть восстановится Польша во сколько может: Познань с Гданском (Данциг), княжество Галицкое и Краков, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящей по-русски» [Хомяков 1848: 2]. Опрос населения земель, присоединенных к России, Австрии и Пруссии после трех разделов должен определить границы государств и отразить народную волю: «Всякая область должна иметь право приписаться или к новой Польше, или к соседней державе, или составить отдельную общину под покровительством или без покровительства другой державы» [Хомяков 1848: 3]. Интересно отметить, что Хомяков, так же, как и Погодин, обращает внимание на язык, на котором говорит население спорных территорий: «Голоса народные должны быть подаваемы на языке народном: в Польше по-польски, в Литве по-литовски (совершенно непонятно для поляков), в Галиче по-галицки (т.е. по-русски)» [Хомяков 1848: 3].

Итак, Хомяковым было предложен путь разрешения «польского вопроса»⁶⁵: возможно восстановление Польши и проведение народного опроса, т.е. референдума. Западные губернии должны быть безвозвратно присоединены к России.

Также возможно проследить определенное сходство между взглядами Хомякова и Мицкевича. Во-первых, «учение Хомякова о вере (зрячести разума) <...> схоже <...> с мыслями Мицкевича⁶⁶ о «духовном зрении» (интуиции), изложенными в безусловно известных Хомякову лекциях о

⁶⁵ О польской теме в творчестве Хомякова и решении им «польского вопроса» см. также [Bezwiński 1976], [Bezwiński 1976a].

⁶⁶ Впервые отмечено Ю. Ф. Самариным в письме к К. С. Аксакову (март 1846 г.): «Я начал писать статью о народе или, лучше сказать, о религиозном характере вопроса о значении народа. Мне хочется развить в ней ту мысль, что оправдание народа, как народа (не возведение его на другую ступень посредством распространения грамотности и т.д.), предполагает непременно признание односторонности и ложности логического знания, того знания, на котором основана вся современная образованность, и признание превосходства того знания, которое Хомяков называет жизненным, об определении которого хлопочет Шеллинг и Мицкевич. Одним словом, народ, как народ, может быть оправдан только с точки зрения религиозной» [Самарин 1911: 175–176].

славянской литературе»⁶⁷ [Walicki 1964: 164]. Кроме того, А. Валицкий проследил сходства между «взглядами Хомякова и философией польских мессианистов», таких как А. Чешковский и К. Либельт [Walicki 1964: 166].

Таким образом, в своих статьях и историко-философских сочинениях Хомяков связывает судьбу Польши с миром славянским и рассматривает историю польского народа в связи с их принадлежностью к миру славян. В поэтическом творчестве⁶⁸ Хомякова находят отражение те же идеи и мотивы, что и в статьях. Западный мир, на который ориентирована Польша, по мнению Хомякова, пришел к упадку, а мировое будущее полностью зависит от славянского мира, главой которого является Россия.

2. И. В. Киреевский

И. В. Киреевский, как и многие русские писатели и поэты, был хорошо знаком с Адамом Мицкевичем. Киреевский посвятил польскому поэту стихи, в день его отъезда из Москвы:

В знак памяти, пред нашим расставаньем
Тебе подносим не простой стакан:
Он зачарован дружбы колдованьем,
На дне его положен талисман.

И если ты, среди пиров веселья
Забывшись, вино в него нальешь,
Не жди тогда в нем шумного похмелья, -
Грусть тихую о прежнем в нем найдешь.

Тогда, живая сила талисмана
Живые крылья даст твоей мечте,
И знай – мечту твою обнимут те,
Чьи имена прочтешь вокруг стакана.

⁶⁷ Перевод дан по книге [Валицкий 1991: 160].

⁶⁸ Об отношении Хомякова к польскому восстанию, выраженном в поэтическом творчестве, см. подраздел 4.2. главы III (с. 83–84) настоящей работы.

И известит их о твоей тоске
 Печальное из сердца содроганье,
 И будут на твое воспоминанье
 Согласной думой вторить вдалеке.

Но если ночью, посреди молчанья
 Вдруг, без причины, стукнет твой стакан,
 Знай – это голос нашего мечтанья:
 Его тебе примчал твой талисман.

Не век же будет спутник твой страданье;
 Быть может, сердце радость оживит
 В чужбине; но когда воспоминанье
 Тебе минуту счастья отравит,

И ты искать захочешь утешенья
 От грустных дум прошедшего в вине,
 Не тронь наш кубок! Он не даст забвенья:
 В нем талисман лежит на светлом дне [Бартенев 1874: 223].

Эти стихи были преподнесены Мицкевичу на последней встрече с московскими друзьями, на которой также присутствовал и Киреевский, что говорит о его дружеских отношениях с польским поэтом: «Перед отъездом его [Мицкевича. – Н. С.] из Москвы в Петербург в 1828 году, в квартире Соболевского (между Большою Дмитровкою и Тверскою, в доме ныне Лопыревского), на прощальном ужине, Мицкевичу поднесен был золотой кубок с вышеприведенными стихами [стихами Киреевского. – Н. С.]. На кубке вырезаны имена: Баратынского, двух братьев Киреевских, вотчима их Алексея Андреевича Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полевого, Шевырева и Соболевского. Шевырев также произнес восторженные стихи...» [Бартенев 1874: 224].

Киреевский обращался к творчеству Мицкевича в своих литературно-критических статьях. Так, в «Обзрении русской словесности за 1829 г.» Киреевский ставит Мицкевича в ряд известнейших европейских поэтов: «Заметим, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич. Добрый знак для будущего! <...> С Мицкевичем прежде всех познакомил нас князь Вяземский: это счастливое начало дружественного сближения двух родных словесностей, которые до сих пор чуждались друг друга» [Киреевский 1911: 34–35].

Киреевский отмечает значимость Мицкевича для польской литературы. По его мнению, Мицкевич и ввел польскую литературу в круг литератур европейских. Также именно благодаря ему польская литература стала оказывать заметное влияние на русскую литературу: «Польская литература, также как Русская, до сих пор была не только отражением литературы Французско-Немецкой, но и существовала единственно силою чуждого влияния. Как могла она действовать на Россию? – Чтобы обе словесности вступили в сношения непосредственные и заключили союз прочный, нужно было хотя одной из них иметь своего уполномоченного на сейме первоклассных правителей Европейских умов; ибо одно господствующее в Европе может иметь влияние на подвластные ей литературы. Мицкевич, сосредоточив в себе дух своего народа, первым дал Польской поэзии право иметь свой голос среди умственных депутатов Европы, и вместе с тем дал ей возможность действовать и на нашу поэзию» [Киреевский 1911: 35].

Итак, появление польской темы у И. В. Киреевского связано с личностью и творчеством Адама Мицкевича как представителем всей польской литературы того времени.

3. В. Г. Белинский

В. Г. Белинский в своих критических статьях не раз обращался к творчеству Адама Мицкевича⁶⁹. Так, в статье «Литературные мечтания» (1834) Белинский ставит его имя в один ряд с такими именами европейских романтиков, как Байрон, Вальтер Скотт, Виктор Гюго и другие [Белинский 1953–1959, 1: 69], а в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) Белинский относит «Дзяды» Мицкевича к поэзии идеальной и ставит ее в один ряд с такими произведениями, как «Фауст» Гете, «Манфред» Байрона, «Лалла-Рук» Томаса Мура и др. [Белинский 1953–1959, 1: 269].

В статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835) Белинский, критикуя нагромождение образов и гипербол в стихотворении Бенедиктова «Утес», в качестве образца приводит сонет Мицкевича «Чатырдаг»: «Мицкевич, один из величайших мировых поэтов, хорошо понимал это великолепие и гиперболизм описаний, и потому в своих «Крымских сонетах» очень благоразумно прикидывался правоверным мусульманином; и в самом деле, это гиперболическое выражение удивления к Чатырдаху кажется очень естественным в устах поклонника Магомета, сына Востока» [Белинский 1953 – 1959, 1: 363].

В статье «Менцель, критик Гете» (1840) Белинский критически отозвался о Мицкевиче и его последних стихах, перечеркивая тем самым все прежние высказанные слова в адрес польского поэта: «Только какой-нибудь Мицкевич может заключиться в ограниченное чувство политической ненависти и оставить поэтические создания для рифмованных памфлетов...» [Белинский 1953–1959, 3: 403]. Белинский, видимо, имел в виду

⁶⁹ Обращения В. Г. Белинского к личности и творчеству Адама Мицкевича рассмотрены в работах *Я. Тишинадловского* «В. Г. Белинский об Адаме Мицкевиче» [Trzynadlowski 1957] и *Ю. Беккера* «Белинский – переводчик Мицкевича» [Bekker 1957]. О сходстве во взглядах между В. Г. Белинским и польским литературным критиком Эдвардом Дембовским в работах *А. Валицкого* «Белинский и Дембовский» [Walicki 1965] и *Е. З. Цыбенко* «Белинский и польская литературная критика 40-х–50-х гг. XIX в.» [Цыбенко 1965]. О вхождении в круг общения В. Г. Белинского поляков и о «тайном польском литературном обществе» см. исследование *М. Полякова* «Студенческие годы Белинского» // ЛН. 1950. Т. 56. С. 303–436.

стихотворение «К русским друзьям» (именно так считает польский литературовед Я. Тшинадловский [Trzynadlowski 1957: 188]), написанное в 1832 г. и вошедшее в состав «Отрывка» третьей части «Дзядов».

Позднее в письме к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г. Белинский пересмотрел свое мнение: «Боже мой, сколько отвратительных мерзостей сказал я печатно, со всею искренностью, со всем фанатизмом дикого убеждения! Более всего печалит меня теперь выходка против Мицкевича, в гадкой статье о Менцеле: как! отнимать у великого поэта священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности, – его родины... И этого-то благородного и великого поэта назвал я печатно крикуном, поэтом рифмованных памфлетов!» [Белинский 1953–1959, 11: 576].

Позднее в статье «Общее значение слова литература» (1841) Белинский утверждал, что польская литература может быть интересна другим национальностям только сочинениями Мицкевича, который и является единственным польским писателем, известным за пределами своего отечества [Белинский 1953–1959, 5: 646].

О Мицкевиче Белинский также вспоминал в статье «Ответ “Москвитянину”» (1847) в связи с утверждением славянофилов, что лекции польского поэта в Париже привлекли внимание европейского общества к славянскому вопросу. Белинский считает, что Европе и дела нет до славянского вопроса. Это подтверждал тем, что лекции Мицкевича были прекращены и вскоре забыты. Кроме подобных суждений, Белинский дает довольно резкие и даже оскорбительные характеристики польскому поэту: «Что касается до Мицкевича, его действительно красноречивый, хотя и сумасбродный голос, точно обратил к себе на некоторое время внимание парижан, жадных до новостей; но к славянскому вопросу все-таки не возбудил никакого участия. Известно, что французское правительство принуждено было запретить Мицкевичу публичные чтения, но не за их направление, нисколько не опасное для него, а чтобы прекратить сцены,

несогласные с общественным приличием. Надо сказать, что в Париже есть некто г. Товьянский, выдающий себя за пророка и чудотворца, который призван, когда настанет время, устроить к лучшему дела сего мира. Мицкевич уверовал в этого шарлатана, что доказывает, что у него натура страстная и увлекающаяся, воображение пылкое и склонное к мистицизму, но голова слабая. Отсюда учение его носит название мессианизма, или товьянизма, и ему следуют несколько десятков человек из поляков. Когда, раз на лекции, Мицкевич в фанатическом вдохновении спрашивал своих слушателей, верят ли они новому мессии, какая-то восторженная женщина бросилась к его ногам, рыдая и восклицая: верю, учитель! Вот случай, по которому прекращены лекции Мицкевича, и о них теперь вовсе забыли в Париже» [Белинский 1953–1959, 10: 265].

Однако данный отрывок в печать не попал, и статья вышла с купюрами, о чем Белинский писал в письме к В. П. Боткину от 5 ноября 1847 г.: «Мою статью страшно ошельмовали. Горше всего то, что совершенно произвольно. Выкинуто о Мицкевиче, о шапке мурмолке, а мелких фраз, строк – без числа. Но об этом я еще буду писать к тебе, потому что это меня довело до отчаяния, и я выдержал несколько тяжелых дней» [Белинский 1953 – 1959, 12: 422].

На упоминании Мицкевича и его сочинений в статьях не заканчивается знакомство Белинского с творчеством польского поэта. Так, польский литературовед Ю. Беккер в своей статье «Белинский – переводчик Мицкевича» [Bekker 1957], на наш взгляд, вполне обоснованно доказал, что Белинский перевел статью Мицкевича «О новейшей религиозной живописи Немцев» и опубликовал ее в 1835 г. в журнале «Телескоп» без подписи, сопроводив редакторским примечанием с подписью «Б.»: «Эта статья составляет введение к целому ряду статей об этом предмете и принадлежит одному великому современному поэту» [Мицкевич 1835: 419].

Ю. Беккер не подвергает сомнению вопрос о том, что Белинский знал польский (автор статьи по этому поводу, к сожалению, ничего не говорит).

От себя можем лишь добавить в качестве предположения, что Белинский выучил польский язык в университете, когда в его «Литературное общество 11-го нумера» входил поляк Т. Лада-Заблоцкий [Żyga 1965: 52].

Ю. Крашевский, еще один польский писатель, который был известен в России не менее Мицкевича, также привлек внимание Белинского. Однако в своей рецензии на повесть Крашевского «Твардовский»⁷⁰ он довольно резко отзывается о данном сочинении. Белинский не находит в повести ни оригинальности, ни авторской идеи, ни поэтического языка: «В его книге нет ни фантастического колорита, необходимого для естественности событий по существу своему неестественных и невозможных, ни юмора <...>. Не ищите также в его книге поэтических мест, оригинальных описаний, хоть вводных рассуждений, по чему-нибудь замечательных. Везде одна риторика, везде общие избитые места, все изложено <...> холодно, безжизненно, вяло, но гладкими, обточенными стереотипными фразами» [Белинский 1847: 102]. Заканчивает свою рецензию Белинский суровым приговором повести Крашевского: «А это уж куда плохо – из рук вон! Скука смертельная!» [Белинский 1847: 103].

Таким образом, прямых суждений о польском вопросе у Белинского обнаружить не удалось, выражению которых, видимо, препятствовала строгость цензуры. Однако Белинский обнаруживает довольно хорошие знания польской литературы (обращается и к произведениям Мицкевича, и Крашевского). Перепады в суждениях о Мицкевиче и его творчестве можно объяснить впечатлительной и увлекающейся натурой Белинского.

4. П. Я. Чаадаев

В решении «польского вопроса» П. Я. Чаадаев занял имперскую позицию, которую выразил в своем отзыве на стихотворения Пушкина, посвященные взятию Варшавы, в письме от 18 сентября 1831 г.: «Сейчас видел два ваших новых стихотворения. Друг мой, никогда еще вы не

⁷⁰ Авторство рецензии принадлежит В. Г. Белинскому, о чем указано в [ЛН, 56: 43].

доставляли мне столько удовольствия. Наконец-то вы – народный поэт; наконец-то вы разгадали свое призвание. Слов не нахожу выразить вам то удовлетворение, которое вы меня заставили испытать. Об этом мы с вами поговорим в другой раз, и поговорим много.... Не знаю, вполне ли вы меня понимаете? Особенно дивно хороши к врагам России; верьте моему слову: в них больше мыслей, чем сказано и сделано в целый век в стране сей... » [Чаадаев 1881: 438].

В отдельном очерке «Несколько слов о польском вопросе» [Чаадаев 1991], который не был опубликован при жизни автора, Чаадаев аргументирует свою точку зрения.

Чаадаев затрагивает вопрос о территориях, на которых живут обе народности – русская и польская: «Когда новое государство, образованное многочисленными славянами, подчиненными Руссам или варягам, и ставшее впоследствии обширной русской империей, было утверждено в царствование Ярослава; оно включало в себя все пространство между Финским заливом на севере и Черным морем на юге, Волгой на востоке и левым берегом Немана на западе. Пограничная линия, отделявшая тогда русских от их соседей-поляков, пролегла по равнинам, тянувшимся вдоль левого берега Немана, в местности, где мы находим города Августово, Седлец, Люблин, Ярослав, и тянулась по течению реки Сан до подножия Карпатских гор. Это та самая линия, которая и в наши дни на деле размежевывает обе народности — русскую и польскую. Население к востоку от этой линии говорит на русском наречии и принадлежит к греческой церкви, население на запад от нее говорит по-польски и принадлежит к римскому исповеданию» [Чаадаев 1991: 512]. Нетрудно заметить сходства в аргументации между Погодиным и Чаадаевым. Погодин в своих «Замечаниях» так же, как и Чаадаев, считал, что граница между Польшей и Россией должна пролегать соответственно тому, на каком языке говорят на данной территории.

Чаадаев выступает против того, чтобы отдавать полякам требуемые ими западные губернии: «Расчленять Россию, отрывая от нее силою оружия

западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием» [Чаадаев 1991: 514]. Данное суждение соприкасается с аргументом о территориях. Чаадаев обосновывает историческое право России на западные губернии.

Еще один аргумент против «отторжения нынешнего Царства Польского с целью превращения его в ядро новой независимой Польши» [Чаадаев 1991: 515] — благоденствие поляков под властью русского императора и их близость славянству. В противном случае поляки только потеряют свою национальность и будут поглощены немцами.

Несмотря на то, что Чаадаев занимал позицию политического оппозиционера и критиковал действующую власть, приведенные выше суждения и аргументы по решению «польского вопроса» полностью совпали с государственной позицией.

Выводы

Славянофилы рассматривали «польский вопрос» как правило в связи с историей развития всего славянства. А. С. Хомяков видел судьбу Польши только в союзе славянском вместе с Россией. Однако с того момента как Польша приняла католичество и обратилась к Западу, она предала славянский мир, а значит, вместе с миром западным стремится к своему упадку.

И. В. Киреевский свою позицию по «польскому вопросу» нигде отдельно не обсуждал, но польская тема была затронута в его творчестве, в том числе и вследствие непосредственных контактов с поляками. Возможно, И. В. Киреевский является единственным критиком, отметившим взаимовлияние и диалог польской и русской литератур.

В. Г. Белинский в литературно-критических статьях упоминал Мицкевича, однако не всегда с положительным отзывом. Его мнение по поводу творчества и значения польского поэта не раз менялись, подобно маятнику. Взгляды на «польский вопрос» высказывал и П. Я. Чаадаев,

который полностью был солидарен с А. С. Пушкиным, о чем и сообщил ему в отдельном письме. В его позиции мы находим совпадение с позицией М. П. Погодина: оба в вопросе о «возвращенных губерниях» призывали ориентироваться на границу языковую, а значит, признавали правомерность нахождения западных губерний в непосредственном подчинении российского императора.

Часть II. Изящная словесность

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу текстов, считаем необходимым выявить, под какими этнонимами герои польского происхождения появлялись в произведениях русской литературы и какую смысловую нагрузку данные этнонимы несли.

Появление этнонимов в языке связывают не только с укреплением экономических контактов и политических связей с другой нацией, но и с развитием национального самосознания народа, который на этом языке говорит. Формированию национальной идентичности способствует противопоставление себя другим: «Национальная идентичность в большой степени оформляется с помощью образов, отраженных в столкновении с народами соседних стран» [PERI: 1]. Для русских таким «соседом» на протяжении всего времени существования была Польша.

Знакомство с польским характером и типом поведения обнаруживало разницу между русскими и поляками, определяло восприятие поляков как «других»: «Коллективное мнение склонно принимать обобщенные формулы представлений, сводящиеся к простейшим ценностным бинарным оппозициям типа «свой» – «чужой», «мы» – «они», соответствующих в наиболее общих чертах антитезе добра и зла» [Kępiński 1990: 189]. В особенностях употребления и бытования этнонимов и заключен характер отношения к «соседям», а также история восприятия «чужого» народа, которым для русских всегда были поляки.

К нейтральным наименованиям лиц польского происхождения в русской литературе относится собственно слово «поляк»⁷¹. Сложнее обстоит дело с этнонимом «лях». В фольклоре и древнерусской литературе (например, в «Повести временных лет») слово «ляхи» было обычным наименованием поляков и не носило характер уничижительности. В первую

⁷¹ Об этнониме «поляк» в конце XVIII–XIX вв. см. *Долбилов М.* «Поляк» в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 292–339.

половину XIX века этноним «лях» употреблялся уже в двух разновидностях: 1) как нейтральный, но устаревший вариант слова «поляк»; 2) как маркированный вариант с оттенком пейоративности.

О подобном восприятии слова «лях» мы узнаем из переписки Александра I с Карамзиным по поводу «Истории государства Российского». Александр I советовал Карамзину «смягчить отзывы о Польше» [Галахов 1868: 87]. На что Карамзин отвечал в письме от 10 марта 1824 года: «Следуя Вашему замечанию, я с особенным вниманием просмотрел те места, где говорится о Поляках, союзниках Лжедмитрия: нет, кажется, ни слова обидного для народа; описываются только худые дела лиц, и так, как сами Польские Историки описывали их или судили: ссылаюся на 522 примечание XI-го тома. Я не щадил и Русских, когда они злодействовали и срамились. Употребляю предпочтительно имя Ляхов для того, что оно короче, приятнее для слуха, и в сие время (то есть, в XVI и в XVII веке) обыкновенно употреблялось в России» [Карамзин 1862: 29].

Обоснование употребления именно слова «лях» Карамзиным показывает, что данный этноним воспринимался в первой половине XIX века как маркированный вариант, нагруженный негативными коннотациями. К таким относятся: 1) поляк-враг, желающий раскола русских и поражения России; 2) поляк-иноверец. Все эти оттенки значения мы находим в употреблении слова «лях» в русской литературе первой половины XIX века.

Лях в русской литературе – это, прежде всего, враг, бунтовщик, предатель и изменник: «Лях, бунтующий пред нами...» [Жуковский 1831а: 1]; «Была пора: коварный, вражий лях...» [Жуковский 1831: 407]; «Возмнил лях буйный, вероломный...» [Рунич 1831б: 370]; «Восстал дыша изменой лях!» [Норов 1831: 3]; «Но верный родине моей // Не отверну теперь очей, // Хоть ты б желал, изменник-лях// Прочешь в них близкой смерти страх, // И сожаленье и печаль...» [Лермонтов 1955–1957, 4: 33]; «вражий лях» [Гоголь 1937–1952, 2: 138]; «Упиться кровию врагов наших <...> кровию губителей России, кровию всех ляхов!» [Загоскин 1898: 158]; «ненавистные ляхи»

[Загоскин 1898: 160]; «Ты для почину целый полк ляхов один остановил и человек двадцать супостатов перекрошил своим бердышом...» [Загоскин 1898: 209]; «злодеи-ляхи» [Загоскин 1898: 212]; «вероломные ляхи» [Шишкина 1914, 2: 113].

Одним из определяющих факторов восприятия русскими поляков было принятие последними католицизма, поэтому лях в текстах — католик, иноверец, басурман: «окаянные ляхи» [Загоскин 1898: 11]; «Не пировать бы иноверцам на святой Руси!..» [Загоскин 1898: 138]; «проклятые ляхи» [Загоскин 1898: 217]; «Она не православная, а из ляхов проклятых...» [Федоров 1883: 122]; «ляхи крепко обижают крещеных» [Шишкина 1914, 1: 9]; «ляхи вседневно ругаются над православными» [Шишкина 1914, 1: 21]; «проклятые ляхи» [Шишкина 1914, 1: 55]; «окаянные ляхи» [Шишкина 1914, 1: 82]; «проклятый басурман» [Шишкина 1914, 1: 80]; «лях проклятый» [Лермонтов 1955–1957, 6: 111]; «На Западе от нее живет всякий язык Западный — Литва, ляхи, угры, чехи, немцы, латины — все папежи...» [Полевой 1991: 62]; «нечестивые ляхи» [Гоголь 1937–1952, 1: 267].

При анализе употребления этнонимов «поляк» и «лях» зачастую становится важным, от чьего лица данные этнонимы произносятся. К примеру, в романе Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» мы находим как «поляка», так и «ляха», однако именуют «ляхами» поляков только запорожцы или представители простого русского народа.

В романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» также встречаются оба этнонима, однако «ляхами» называют западных соседей либо лица из простого народа (например, слуга Юрия Милославского Алексей), либо запорожцы (Кирша), либо новгородские бояре (князь Черкасский, боярин Туренин), которые сильно ожесточились против поляков, разграбляющих их землю.

Интересным представляется бытование этнонима «лях» в поэтическом словаре Пушкина. Здесь можно выделить три случая употребления слова «лях»: 1) вариант с оттенком пейоративности; 2) нейтральный вариант; 3)

устаревший вариант. В трагедии «Борис Годунов» Пушкин выводит на сцену героя под именем «Лях»: «В сцене «Севск» выступают поляки, солдаты войск Самозванца. Пушкин показывает их с явной иронией, наряду с определением «поляк» пользуясь также формой «лях» с отчетливой негативной смысловой окраской» [Дворский 1999: 110].

Нейтральный вариант употребления этнонима «лях» мы находим в эпиграмме Пушкина «Не то беда, что ты поляк...» (1830): «Позднее использование названия «лях» будет у Пушкина нейтральным по смыслу, лишенным негативного оттенка (сравните, например, в известной эпиграмме на Булгарина: «Не то беда, что ты поляк: // Костюшко лях, Мицкевич лях!»)» [Дворский 1999: 112].

В стихотворении «Клеветникам России» Пушкиным также упоминается «кичливый лях». В данном случае если и присутствует неодобительно-уничижительный оттенок при употреблении слова «лях», то основным является другой. На наш взгляд, Пушкин выбрал именно устаревший уже в начале XIX века этноним «лях», чтобы подчеркнуть давность и историческую значимость «спора» России и Польши, о чем не раз говорится в стихотворении: «Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою»; «Уже давно между собою // Враждуют эти племена»; «кровавые скрижали» [Пушкин 1831: 5–6]. Показательно, что в пару «ляху» Пушкин выбирает слово «росс», которое не только отвечает торжественному характеру стихотворения, но и отсылает читателя к событиям исторического прошлого России.

Зачастую авторами не проводится разграничений при употреблении этнонимов «поляк» и «лях». Как и «поляк» в художественных текстах, так и «лях» является «надменным» [Рылеев 1988: 247], «гордым» [Никитин 1912: 39], «храбрым» [Шишкина 1914, 3: 121], «бойким» [Гоголь 1937–1952, 2: 84], «хвастливым» [Гоголь 1937–1952, 2: 84], «кичливым» [Пушкин 1831: 5], то есть полностью соответствует стереотипу поляка в русской литературе и

культуре⁷². Однако этноним «лях» чаще употребляется с негативным уничижительным оттенком. Заметим, что в царских манифестах и указах использовался только этноним «поляк». Употребление «лях» было исключено, что говорит о маркированности данной лексической единицы в языке того времени⁷³.

Для наименования женских персонажей польского происхождения в русской литературе первой половины XIX века существовали два этнонима: «полька» и «полячка». Наиболее распространенный вариант – «полька»: «польки милы до крайности» [Булгарин 1829, I: 34]; «пламенная, с огненными глазами полька» [Полевой 1986: 445]; «прекрасная полька» [Марлинский 1838: 90]; «польки милые» [Полевой 1986: 441]; «благородные польки» [Булгарин 1830, III: 90]; «неверность польки» [Лажечников 1858: 244]; «польками» [Грибоедов 1959: 304]. Данный этноним использовали те писатели, кто был знаком с поляками, некоторое время жил в Польше и знал польский язык, так как в польском языке лицо женского пола польского происхождения обозначается словом «Polka».

Этноним «полячка» мы находим в произведениях других авторов: «полячка младая» [Пушкин 1937–1959, 3, 1: 312]; «гордая полячка» [Пушкин 1937–1959, 7: 64]; «прекрасная полячка» [Гоголь 1937–1952, 2: 57]; «неверная полячка» [Загоскин 1898: 52]; «миловидные полячки» [Загоскин 1898а: 344]; «ветреные полячки» [Гоголь 1937–1952, 2: 57]; «прекрасная черноглазая полячка» [Гоголь 1937–1952, 2: 58].

⁷² Подробнее о стереотипе поляка см. раздел 2 главы IV (с. 132–135) настоящей работы.

⁷³ В «Словаре Академии Российской» не зафиксирован ни этноним «поляк», ни этноним «лях». В «Словаре русского языка XVIII века» (Вып. 12, Спб., 2001) слово «лях» имеет два значения: «поляк» и «население Ливонии». В примере из «Пустомели» В. И. Лукина «поляк» и «лях» являются обозначением двух разных народностей: «<Майор> имел отца храброго человека, который против Татаров, Поляков, Чехов и Ляхов неоднократно сражался». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово «лях» сопровождается пометкой «несколько презрит.» [Даль 1912: 746]. В «Словаре современного русского литературного языка» (Т. 6, М.; Л., 1957) значение слова «ляхи» – «поляки» с пометой «устар.».

Этноним «полька» Пушкин использовал редко, например, в черновом варианте послания «Графу Олизару»: «И тот не наш, кто польке злобной // Кольцом заветным обручен» [Пушкин 1937–1959, 2, 2: 860]. В «Борисе Годунове» и балладе «Будрыс и его сыновья» Пушкин использует этноним «полячка», вероятно считая, что слово «полька» более относится к разговорному стилю и нагружено негативными коннотациями: «Весной 1832 г., читая рукопись монографии Петра Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине», Пушкин сделал на полях книги несколько заметок. В частности, он подчеркнул в тексте слово «полька» и рядом написал: “Польская дама – полячка. Полька – Пелагея”» [Дворский 1999: 109–110].

По мнению А. Дворского, Пушкин не проводил различия между этнонимами «полька» и «полячка»: «...употребление этих определений Пушкиным показывает, что он трактовал их как синонимы, не придавая конкретным формам различной семантической окраски...» [Дворский 1999: 110]. Однако необходимо отметить, что этноним «полячка» Пушкин использовал в более поздних текстах. Кроме того, произведения с этнонимом «полячка» были опубликованы, тогда как слово «полька» употреблялось Пушкиным в письме и черновом варианте послания, что говорит, на наш взгляд, о его языковом выборе.

Таким образом, этноним «лях» претерпел изменения в значении на протяжении XVIII–XIX вв. и со временем стал употребляться как маркированный вариант этнонима «поляк». Выбор же именования лица женского пола польского происхождения – «полька» или «полячка» – определялся сугубо авторскими предпочтениями.

Глава III. Поэзия

Русское общество отозвалось многочисленными откликами на польское восстание 1830–1831 гг., которое стало ключевым событием в истории русско-польских отношений николаевской эпохи. Писатели и поэты

различной величины выражали свое отношение к происходящим событиям в стихотворениях, дневниковых записях, письмах, публицистических статьях⁷⁴. Однако чаще всего авторы обращались именно к жанрам лирическим и в поэтической форме отразили свою позицию по «польскому вопросу».

1. В. А. Жуковский

1.1. Польская тема в жизни и творчестве В. А. Жуковского.

Отношение В. А. Жуковского к «польскому вопросу», наиболее ярко выраженное во время подавления польского восстания 1830 – 1831 гг., совпадало с государственной позицией и носило патриотический характер. Знакомство Жуковского с Польшей и поляками не было опосредованным. Сам Жуковский несколько раз бывал в Варшаве (в 1829, 1840 и 1849) [Афанасьев 1986: 258–259, 338, 380]. В 1829 году присутствовал на коронации Николая I на польский престол, также был лично знаком с поляками.

В 1827 г. произошло знакомство Жуковского с Мицкевичем⁷⁵. 30 ноября А. П. Елагина пишет Жуковскому в письме: «Г. Мицкевич отдаст вам мой *фонарь*, бесценный друг. Вам не мудрено покажется, что первый поэт Польши хочет покороче узнать Жуковского, а мне весело, что он отвезет вам *весть о родине* с воспоминанием об вашей сестре... Вас непременно соединит то, что в вас есть общего: возвышенная простота души поэтической»

⁷⁴ Библиография работ по данной теме весьма обширна: [Bortnowski 1964], [Białokozowicz 1986], [Orłowski 1990], [Orłowski 1992] [Giza 1996], [Филатова 2000], [Парсамов 2004], [Хорев 2005] и др. Также издано несколько антологий, в которых собраны произведения русских авторов, обращавшихся к русско-польским отношениям: [Białokozowicz 1977], [Orłowski 1995], [Ратников 2006], [Ратников 2006a] и др. Во многом то или иное отношение как к отражению польского восстания в русской литературе, так и представления позиции Пушкина к событиям 1830–1831 гг. зависит от личности исследователи и времени написания работы (см. [PERI: 73]): В. Ледницкий, написав статью «Вокруг антипольской лирической трилогии Пушкина» в межвоенное двадцатилетие, обвинил поэта в антиполонизме [Lednicki 1926], В. А. Францев, находясь в эмиграции, полемизировал с Ледницким и старался снять тот негативный аспект, который приписывали взглядам Пушкина [Францев 1929], в период Польской Народной Республики и дружественных отношений между двумя странами негативные отзывы о польском восстании вовсе не учитывались.

⁷⁵ Тема «Мицкевич и русская литература» отражена в работах: [Gomolicki 1949], [Gomolicki 1950], [Вацура 1988] и др.

[Афанасьев 1986: 250]. Встреча Жуковского с Мицкевичем состоялась в первой половине декабря 1827 года в Петербурге [Левкович 1983: 120].

17 декабря 1827 г. Жуковский пишет Елагиной о знакомстве своем с Мицкевичем, а также упоминает о поэме «Конрад Валленрод»: «Ваш Мицкевич был у меня, — писал Жуковский. — Мне он очень по сердцу. Он должен быть великий поэт. Я ничего из его творений не знаю; но то, что он прочитал мне в плохой французской прозе из своего вступления поэмы, им конченной, превосходно. Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму. Дышит жизнью Валтер Скотта» [Левкович 1983: 120]. Как следует из данного письма, Жуковский, слушая чтение поэмы на французском, вероятно, польского языка не знал.

Кроме двух стихотворений, написанных по поводу взятия Варшавы в 1831 г. русскими войсками («Старая песня на новый лад» и «Русская слава»), Жуковский обращается к «польскому вопросу» и польской теме в стихотворении «Бородинская годовщина» (1839), а также во фрагменте перевода трагедии Шиллера («Дмитрий Самозванец») и в задумке собственной трагедии на сюжет из Смуты.

1.2. Позиция В. А. Жуковского по «польскому вопросу» в период Ноябрьского восстания. Жуковский на известие об окончании польского мятежа пишет два стихотворения: «Старая песня на новый лад» («Русская песнь на взятие Варшавы») и «Русская слава». Первое вошло в сборник стихотворений «На взятие Варшавы» и датируется 5 сентября 1831 г., второе датируется 12 сентября 1831 г. Оба стихотворения написаны в проправительственном ключе и отражают официальную точку зрения на польское восстание.

В обоих стихотворениях Жуковский прибегает к исторической ретроспективе, но в «Русской славе» этот прием становится композиционной основой. Если «Старая песня на новый лад» «продолжает интонацию хореических «солдатских песен» Львова и Державина» [Лейбов 2012: 219], то «...стихотворение Жуковского «Русская слава» <...> выдержано в иной

тональности: Жуковский не отказывается от песенного лада, но теперь это не боевитые хорей, а куплетно-рефренные ямбы в духе Беранже (каждая строфа состоит из четырех пятистопных и шести четырехстопных стихов). Лирический порыв уступает место историческому эпизму...» [Лейбов 2012: 220].

И. И. Дмитриев откликнулся посланием «В. А. Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы» с повторением тех же рефренов: «была пора», «пришла пора». В письме от 16 октября 1831 г. Жуковский ответил И. И. Дмитриеву: «... слава отечества опять вспыхнула ярким светом. В стихах моих, написанных на взятие Варшавы, нет ничего замечательного, и они бледны стоя рядом со стихами Пушкина; но я ни одних стихов не писал с таким живым чувством, ибо написал их в первую минуту по получении известия, воскресившего душу, так долго бывшую под гнетом грустных ощущений всякого рода: в славе отечества есть что-то жизнедательное. И в эту первую минуту всякое слово, и самое обыкновенное, казалось поэтическим; и я с необыкновенным чувством написал первый стих, взятый у Державина: *раздавайся гром победы*. Я слышал эти слова, глядя на Екатерину, и они, можно сказать, были выражением всего ее века; сладостно было повторить их в обстоятельствах, достойных времен Екатерины» [Жуковский 1866: Стб. 1635—1636].

П. А. Вяземский⁷⁶ в своей записной книжке от 14 сентября 1831 г. следующим образом отреагировал на стихи Жуковского: «Охота ему было

⁷⁶ П. А. Вяземский был близко знаком с Польшей и поляками, так как в 1818–1821 гг. служил в Варшаве при канцелярии Н. Новосильцева. Принято считать, что Вяземский до и во время польского восстания занимал пропольскую позицию (см., например, [Францев 1929]). Однако, на наш взгляд, дело обстояло не совсем так. Несомненно, Вяземский был против насильственных методов русского правительства в отношении к полякам и не был согласен с характером государственной риторики после взятия Варшавы, но, по-видимому, как и всякий русский, просто не мог поддержать восстания, сравнивая Царство Польское с «негодяем»: «При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступать, но по победе очень можно. <...> Польское дело такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, что

писать шинельные стихи <...> и не совестно ли певцу в стане Русских воинов и певцу в Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородиным? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. <...> Зачем переключать в стихи то, что очень кстати в политической газете. <...> Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, тут просто русское невежество. Какая тут чёрт народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршей, контр-маршей мы опять вступили в этот городок. <...> Как мы ни радуемся, а все похожи мы на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с именинами, с пожалованием чина и проч. Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад и потому Жуковскому стыдно запеть иначе» [Вяземский 1884: 156].

В том же ключе Вяземским сделана запись от 15 сентября 1831 г.: «Стихи Жуковского навели на меня тоску. <...> Как ни говори, а стихи Жуковского – *une question de vie et de mort* между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть. Разумеется, Жуковский не переломил себя, не кривил совестью, следовательно, мы с ним не сочувственники, не

излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо легче при случае иметь ее явным врагом <...> курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь...» [Вяземский 1884: 156–158]. Свое отношение и к польскому восстанию, и к победной риторике поэтических откликов Вяземский выразил в отзыве на стихотворения Жуковского и Пушкина (прочит. выше).

Интересно отметить, что в статье «О России после польского мятежа в 1831 году», написанной в 1832 г., Вяземский отзывается о событиях годовой давности в стиле все той же государственной победной риторики: «Под огнем неприятеля, стяжанием благородных ран и жертвованиями жизни сия мирная пограничная стража побраталась на поле победы с войсками нашими, стражами независимости государства и чести народной. Нравственная сила России и здесь, хотя в признаках отдельных и случайных, оказалась в полном блеске» [Вяземский 1899: 183].

В этом же ключе уже после январского восстания Вяземский высказал суждение о положении Польши, которая, по его мнению, до присоединения к Российской империи не пользовалась столь многочисленными благами, а также, что именно Польша вредила интересам России (а не наоборот) [Вяземский 1864: 27].

Тема «Вяземский и Польша» рассмотрена в работах: [Бэлза 1970], [Великодная 1990].

единомышленники. Впрочем, Жуковский слишком под игом обстоятельств, слишком под влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистоте и девственности их» [Вяземский 1884: 157–158].

Кроме стихотворений Жуковский также высказывал свое мнение по «польскому вопросу» в своих дневниковых записях. После подавления польского восстания в 1831 г. Жуковский видел три возможных пути существования Польши: «Три вида развязки представляются с первого взгляда. Или Польша не существует и обращена в губернию Русской империи, или Польша существует по-прежнему и Русский самодержавный Государь есть конституционный царь Польши, или Польша существует отдельно от России» [Жуковский 2004: 315].

Уничтожение Польши видится Жуковскому как ложный путь: «На первое дает нам полное право победа и сила; но уничтожив Польшу, мы вооружим против себя всю Европу и самых близких соседей своих; мы распространим границы свои, это правда, но приобретем таких подданных, которые останутся вечными врагами нашими. Надлежит властвовать притеснительно, дабы утвердить за собою области, не нужные для России; сие новое распространение усилит подозрительность Европы, видящей в России страшилище, грозящее ей рабством и варварством и предполагающей в ней замыслы честолюбия и всемирного владычества, тогда как истинная сила ее заключается в образовании внутреннем. Наконец, самое уничтожение народа, сколь бы ни оправдано оно было успехом войны, есть нечто печальное и варварское, не приличное понятиям нашего времени и особенно не соответствующее твердому и высокому характеру Государя» [Жуковский 2004: 315].

Второй вариант решения «польского вопроса» также, по мнению Жуковского, неубедителен: «...бытие Польши на прежнем основании, не сходно с выгодами России. Самодержавный император Российский не может быть в то же время конституционным царем Польши. И может ли Польше быть дано всё то, что она имела после кровавого бунта, стоившего Русскому

Императору крови его подданных; такое великодушие будет несправедливостию; оно будет оскорбительно для народа Русского, а в русском народе и для самого его Государя» [Жуковский 2004: 315].

Лишь отделение Польши от России (т.е. путь третий) при присоединенных к последней западных провинциях (Волынь, Подолия, Литва), по мнению Жуковского, является правильным решением: «Часть провинций польских должна быть присоединена к России; Польша должна заплатить сильную контрибуцию — но корона Польская должна быть отвергнута Государем Российским, ибо она не стоит того, чтобы Русский Император ею себя украсил. Пускай остаток наказанной, ослабленной Польши существует отдельно, пускай изберут поляки из самих себя короля и дадут себе какую хотят конституцию. — Россия должна предать их на произвол собственной их судьбы и пренебречь вступать в дела их. Не они отвергают Царя Русского, но Русский Царь, сильный их раздавить, отвергает их произвольно, никем не побуждаемый, из уважения к сохранившему их Александру оставляет им бытие и имя. Думаю, что таким образом действия будет удовлетворена честь России, которая прославлена будет победою, всенаграждена новыми приобретениями, возвеличена в глазах Европы умеренностью и великодушием и в то же время избавлена от присоединения к ней Польши, которая в теле ее была не здоровым членом, а только зародышем болезни опасной; во-вторых, успокоена будет вся Европа (которая теперь клеветает на Россию и видит в ней врага законной свободы) и, вероятно, отвратит повод к войне всеобщей, губительной для всей Европы, но в особенности для России, которая теперь более нежели когда-нибудь должна обратить глаза на устройство внутреннее, а не высылать войска свои туда, где ожидает их неизбежная, губительная для России зараза. Но так должно действовать теперь, в минуту победы, в минуту могущества, пока еще Европа не успела произнести своего мнения, надобно действовать независимо, во всём блеске могущества, как в Адрианополе, за два перехода от Цареграда» [Жуковский 2004: 315–316].

Таким образом, мнение Жуковского по «польскому вопросу» было восторженно-патриотическим. Его предложение отделить Польшу с приобретением ею статуса самостоятельного государства в русском обществе не поддерживалось, но встречалось и у других писателей (например, у Вяземского).

2. А. С. Пушкин

2.1. Польша и поляки в жизни и творчестве А. С. Пушкина. Тема «Пушкин и Польша»⁷⁷ обширна, так как поэт «живо интересовался польской историей, культурой, литературой, музыкой, живописью» [Białokozowicz 1977: 18]. Одно из первых обращений к теме – стихотворение «Графу Олизару» (1824). Важная составляющая темы – литературные отношения Пушкина и Мицкевича, «поэтическая рецепция Мицкевича в творчестве Пушкина» [Białokozowicz 1977: 19]. Пушкин стал переводчиком некоторых произведений Мицкевича: «Сто лет минуло, как тевтон» (отрывок из вступления к «Конраду Валленроду»), «Будрыс и его сыновья» и «Воевода». Также в произведениях Пушкина присутствует упоминание Мицкевича или его сочинений: «В прохладе сладостной фонтанов...» (1828), «Сонет» (1830), в «Отрывках из путешествия Онегина», в романе «Дубровский». Исследователи отмечают многочисленные параллели в творчестве обоих поэтов: обращает внимание на себя «роль народа в «Конраде Валленроде» и «Борисе Годунове» [Białokozowicz 1977: 20], «Русалка» Пушкина и баллады «Рыбка» и «Свитезянка» Мицкевича, фрагмент из «Бахчисарайского фонтана» и сонет Мицкевича «Гроб Потоцкой» [Białokozowicz 1977: 240], а также отрывок из III части «Дзядов» и «Медный всадник». Кроме того, Пушкин интересовался судьбой Мицкевича после его отъезда из России (стихотворение «Он между нами жил...»).

⁷⁷ Данная тема, включающая также тему «Пушкин и Мицкевич», рассмотрена в широком круге исследований: [Lednicki 1926], [Стахеев 1955], [Мицкевич 1957], [Кушаков 1990], [Дворский 1999], [Ивинский 2003] и др.

«Польский вопрос» затрагивается Пушкиным и в так называемой лирической трилогии, написанной во время польского восстания 1830–1831 гг. («Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина») и в своеобразном продолжении данной трилогии – стихотворении «Полонофилу» («Ты просвещением свой разум осветил...»).

К теме «Пушкин и Польша» также относятся такие стихотворения, как эпиграмма «На Булгарина» («Не то беда, что ты поляк...»), стих в альбом Марии Шимановской, незавершенное стихотворение «Альфонс садится на коня», в котором отмечают реминисценции из романа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» [Białokozowicz 1977: 244].

2.2. Позиция А. С. Пушкина по «польскому вопросу» в период Ноябрьского восстания. Восприятие Пушкиным польского восстания 1830–1831 гг. и решение им «польского вопроса» достаточно хорошо исследовано в научной литературе.⁷⁸ Как правило, для характеристики мнения Пушкина привлекают такие произведения, как «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», а также стихотворение «Полонофилу» («Ты просвещением свой разум осветил...») и письма к Е. М. Хитрово.

В особенности решения Пушкиным «польского вопроса» просматривается влияние Н. М. Карамзина и М. П. Погодина.

Карамзин настаивал на законности нахождения Польши под властью России. Свою точку зрения он доказывал тем, что отошедшая к Российской империи часть Речи Посполитой принадлежала ей с давних времен и лишь позднее была завоевана поляками: «К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России» [Карамзин 1861: 156]. Карамзин выступает и против присоединения к Царству Польскому западных губерний: «...можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, –

⁷⁸ Работы, посвященные исследованию восприятия Пушкиным польского восстания: [Lednicki 1926], [Беляев 1927], [Францев 1929], [Фризман 1992], [Муравьева 1994], [Dixon 2005], [Краюшкина 2009], [Кацис, Одесский 2011] и др.

утвержденную собственность России еще до Вашего царствования?» [Карамзин 1861: 156]. В отличие от мнений, которые будут высказывать Погодин и Пушкин, Карамзин считал, что «никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками» [Карамзин 1861: 158].

Погодин, как и Карамзин, утверждает правомерность подчинения Польши России, исходя из того, что территории Польши ранее принадлежали Древней Руси: «И в 1773, и в 1793, и в 1795 г. Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Парижем, а Австрия Веною» [Погодин 1867: 2]. Погодин высказывает идею о возможном объединении всех славян под властью России: «Многие славяне потеряли даже язык свой вместе с воспоминаниями о прежней славной жизни <...>. Одна Россия устояла против всех ударов судьбы. Испушенная собственными долговременными бедствиями, как будто искупленная смертью единокровных государств, она возвышает величественную главу свою над их могилами, и стремится к зениту своего могущества, возывая к новой жизни те, которые Провидение к ней присоединило» [Погодин 1867: 6].

Вопрос о границах Польши Погодиным решается отлично от Карамзина и Пушкина. Погодин предлагает провести границы между Царством Польским и Россией, ориентируясь на границу языковую: «Уже впоследствии, пользуясь временными бедствиями России, они покорили себе не только вышеозначенные города, составляющие ныне губернии Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, но, соединясь с Поляками, простерли свои завоевания до Московского княжения. И теперь большую часть народонаселения составляют там Русские, а язык до позднейших времен был даже господствующим, гражданским, письменным» [Погодин 1867: 4].

Влияние концепций Карамзина и Погодина на Пушкина в решении «польского вопроса» не подвергается сомнению: «Неэтичность в постановке

польского вопроса Карамзиным, настоящий политический реализм, отличающие «Записку», бесспорно оказали влияние на певца *Бородинской годовщины*, – публикация 1831 г. основана на том же самом принципе и полностью опирается на аргументы Карамзина, повторенные <...> Пушкиным через Погодина» [Lednicki 1926: 124]. В «Клеветникам России», «Бородинской годовщине» и своих письмах Пушкин поднимает те же вопросы, что и Карамзин с Погодиным, с которыми оказывается солидарным в решении проблемы русско-польских отношений, и видит необходимость в подавлении польского восстания. Пушкин затрагивает вопрос о границах Царства Польского (*Куда отвинем строй твердынь? // За Буг, до Ворсклы, до Лимана? // За кем останется Волынь? // За кем наследие Богдана? Признав мятежные права, // От нас отторгнется ль Литва?* [На взятие Варшавы 1831: 14]), но поэт признает лишь полное объединение Польши с Россией: «...одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что должно было случиться 33 года назад» [Письма Пушкина 1927: 82]. Славянская идея, четко обозначенная Погодиным, у Пушкина возникает в качестве предположения: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? // Оно ль иссякнет? вот вопрос» [На взятие Варшавы 1831: 7].

Таким образом, позиции в отношении к «польскому вопросу» Карамзина, Погодина и Пушкина в основном совпадают. Однако это не исключает расхождения в аргументации (к примеру, в вопросе о территориях). В некоторых случаях можно проследить линию, идущую от Карамзина через Погодина к Пушкину (законность нахождения Польши под властью России), в каких-то – Погодин с Пушкиным высказывают мнение, отличное от Карамзина (вопрос об объединении славян во главе с Россией).

3. Декабристы о польском восстании

3.1. Польша и поляки в жизни и творчестве А. И. Одоевского.

Польская тема в творчестве А. И. Одоевского занимает важное место. Как

декабрист Одоевский⁷⁹ пропагандировал идеи вольности и свободы, что проявилось и в его отклике на польское восстание «При известии о польской революции» («Недвижимы, как мертвые в гробах...»). Кроме того, его многочисленные контакты и знакомства с поляками увеличивали интерес к Польше и полякам.

⁷⁹ Среди других декабристов, обращавшихся к польской теме, можно назвать В. К. Кюхельбекера: «Интересовался польской литературой, в его творчестве выступают элементы, темы и мотивы польские (в частности, в драматичной поэме «Ижорский», близкой к «Дзядам» Мицкевича, автор вспоминает о «Конраде Валленроде»)» [Białokozowicz 1977: 246].

Совсем иным в отличие от реакции Одоевского было восприятие польского восстания Кюхельбекером. В стихотворении «На новый год» (1831) Кюхельбекер занимает позицию русского патриота: «...А уцелеют те скрижали, // На коих россы начертали // Блестящий, новый ряд побед!» [Кюхельбекер 1967: 227, 230]. Польское восстание Кюхельбекер именует «мятежом», в чем совпадает с официальной государственной риторикой: «...А бледный мор и дерзостный мятеж // Да не шагнут за наш святой рубеж!» [Кюхельбекер 1967: 231]. Такая же точка зрения представлена и в стихотворении «Година скорбная Россию тяготила...» (1831): «Геенны бледный сын, убийственный мятеж, // Вздывая ветрами вздымаемое знамя, // Ногою дерзкой стал на западный рубеж // И лютое возжег междуусобий пламя» [Кюхельбекер 1967: 231].

Несмотря на неприятие польского восстания, Кюхельбекер пронес через всю свою ссыльную жизнь дружбу со многими поляками: «Вильгельм Кюхельбекер не прекращал чтения польских писателей и поэтов, одновременно изучая наш язык. Со стихотворениями и поэмами Немцевича, Одынца, Мицкевича познакомился в русском переводе и оригинале. Вначале он был заключен в Динабургской крепости, позднее в Ревеле, а затем в Свеаборге, наконец, был сослан в Сибирь. Везде он старался налаживать связи с поляками, среди которых имел много преданных друзей. Еще до Ноябрьского восстания поляки, находившиеся в школе прапорщиков в Динабурге – Александр Рыпинский, Александр Понговский и Тадеуш Скржидлевский – оставались с Кюхельбекером в близких отношениях, сообщали ему о новостях в польской и русской литературе, а позднее вели с ним переписку. Благодаря их помощи Кюхельбекер сделал большие успехи в изучении польского, читал им свои литературные сочинения, посвящал их в творческие планы. Эти польские друзья Кюхельбекера принимали активное участие в Ноябрьском восстании. Весной 1831 года власти решили перевести Кюхельбекера в крепость в Ревеле, потому что отношение заключенного к событиям в Польше показалось им чрезвычайно подозрительным. Благородную фигуру Кюхельбекера увековечил Александр Рыпинский в книге под названием *Беларусь*, изданной в эмиграции в Париже в 1840 году. На нескольких страницах он выразил свое восхищение и одобрение его героической и гражданской фигурой. <...> Вильгельм Кюхельбекер и дальше продолжал поддерживать дружеские отношения с поляками, на этот раз в Сибири. Под влиянием Александра Краевского, польского ссыльного, он стал интересоваться революционной поэзией Густава Эренберга. Сердечные узы связывали также его с польским ссыльным Константином Савичевским, упоминание о нем содержится в стихотворении *Аргунь* (1842), он также посвятил ему драматическую сказку *Иван, сын купецкий* (1842), где во вступлении Кюхельбекер говорит о Савичевском, как о человеке благородном, о добром и возвышенном сердце» [Białokozowicz 1977: 24–26]. О Кюхельбекере и поляках во время Динабургского заключения см. [Розенфельд 2012].

О польской теме в творчестве К. Ф. Рылеева см. [Galster 1962].

Одоевский лично знал Мицкевича: «Мицкевич зимой 1824–1825 был в его [Одоевского. – Н. С.] доме, где встретился с Рылеевым и Бестужевым» [Gomolicki 1950: 153]. Позднее в ссылке в Сибири произошло знакомство Одоевского с другими поляками, которое переросло в крепкую дружбу: «Александр Одоевский дружил с Иоахимом Лешневичем и Адольфом Янушкевичем, который был фигурой необычайно яркой и послужил для Мицкевича прототипом Адольфа в III части «Дзядов». Сосланный в Сибирь за участие в Ноябрьском восстании, он быстро наладил контакт со многими русскими. Он рассказал Одоевскому о Мицкевиче, о его творчестве, зарубежных поездках и общественно-политической деятельности. <...> Когда в знак дружбы Янушкевич подарил Одоевскому романтически-поэтическую реликвию – кипарисовую ветвь в Авиньоне с могилы возлюбленной Петрарки легендарной Лауры, Одоевский ответил ему стихотворением, написанным в августе 1836 года с дарственной надписью «Янушкевичу, который поделился со мной кипарисовой веткой с могилы Лауры в Авиньоне». В октябре 1836 года он посвятил Янушкевичу стихотворение «Ты знаешь их, кого я так любил...», сердечно благодаря за переданные приветствия от декабристов, пребывающих в ссылке в Кургане» [Białokozowicz 1986: 25].

В русле славянской идеи Одоевским написано стихотворение «Славянские девы» (1830?), в котором использован популярный в данном контексте образ: *Боже! когда же сольются потоки // В реку одну, как источник один?* [Одоевский 1958: 139].

3.2. Позиция А. И. Одоевского по «польскому вопросу» в период польского восстания. Откликнувшись на польское восстание, Одоевский пишет 13 июля 1831 г. стихотворение «Недвижимы, как мертвые в гробах...», в котором поддерживает поляков: *...на Висле брань кипит! - // Там с Русью Лях воюет за свободу // И в шуме битв поет за упокой // Несчастных жертв, проливших луч святой // В спасенье русскому народу* [Одоевский 1958: 142]. «Несчастливые жертвы» – казнённые декабристы.

Одоевский связывает жертву декабристов с борьбой поляков за свободу. Воскликание «Мы братья их!» относится как к декабристам, так и полякам.

Кроме Одоевского, приветствовавшего польское восстание, поляков практически никто не поддержал (здесь еще можно назвать имена А. И. Тургенева и М. С. Лунина). Одоевский видит судьбу Польши в объединении со всеми славянами, что и выразил в своем стихотворении «Славянские девы».

4. А. С. Хомяков

4.1. Польская тема в жизни и творчестве А. С. Хомякова⁸⁰.

А. С. Хомяков не раз обращался к польской теме и с позиций славянофила живо интересовался «польским вопросом». Был лично знаком с Мицкевичем: «В 1826 г. познакомился с Мицкевичем в салоне Елагиных-Киреевских и питал к нему искреннюю дружбу до конца своих дней» [Białokozowicz 1977: 244]. В 1833 г. Хомяков написал трагедию «Дмитрий Самозванец». Кроме поэтического отклика на польское восстание, отношение Хомякова к «польскому вопросу» также выражено в стихотворениях «Просьба» (1830), «Орел» (1832), «Мечта» (1834), «Ritterspruch-Richterspruch» (1839), «Киев» (1839).

4.2. Позиция А. С. Хомякова по «польскому вопросу» во время польского восстания. Стихотворение «Ода» («Внимайте голос истребления...»), вопреки сложившейся эдиционной практике [Хомяков 1969], [Хомяков 2005], было впервые опубликовано не в 1861 году, а в 1831 в «Русском инвалиде», что отмечено в [Лейбов, Осповат 2011]. «Ода» Хомякова появилась на страницах газеты «Русский инвалид» среди других стихотворений, посвященных подавлению польского восстания, и была озаглавлена иначе: «На войну с Польшей».

В стихотворении Хомяков призывает к окончанию кровопролития: *О, замолчите, битвы грома! // Остановись, кровавый бой!* По мнению поэта,

⁸⁰ Более подробно позиция Хомякова по «польскому вопросу» рассмотрена в разделе 1 главы II (с. 50–55) настоящей работы.

разгоревшаяся война между «славянскими братьями» является преступной: «Потомства пламенным проклятьем // Да будет предан тот, чей глас // Против славян, Славянам братьям // Мечи вручил в преступный час. // Да будут прокляты сраженья, // Одноплеменников раздор; // И перешедший в поколенья // Вражды бессмысленный позор! // Да будут прокляты преданья, // Веков исчезнувший обман, // И повесть миценья и страданья, // Вина неисцелимых ран... [Хомяков 1900а: 204]. В стихотворении Хомякова также появляется широко распространенный в поэтических откликах на взятие Варшавы символ орла: *Гордо над вселенной // До свода синего небес // Орлы славянские взлетают // Широким, дерзостным крылом, // Но мощную главу склоняют // Пред старшим северным орлом [Хомяков 1900а: 204].* В последней строфе явно выражены идеи панславизма: объединение всех славян под главенством российского государства: «Возвращение «блудных братьев» поляков в лоно славянского мира, и тем самым решение чрезвычайно болезненного для России «польского вопроса», гораздо эффективнее, по мнению Хомякова, должно было происходить мирно, путем духовного и нравственного убеждения. Однако этот путь обещал быть чрезвычайно долгим» [Досталь 2007: 143].

Решение А. С. Хомяковым «польского вопроса» менялось. Если после подавления польского восстания в опубликованном стихотворении он выступал за объединение славян, в том числе и Польши, под властью России, то позднее, в 1848 г. Хомяков уже признает возможное отделение Польши, однако с сохранением за Россией западных губерний.

5. Ф. И. Тютчев

5.1. Польская тема в жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. По «польскому вопросу» Ф. И. Тютчев высказывал свое мнение в следующих стихотворениях: «Как дочь родную на закланье...» (1831), «Ужасный сон отяготел над нами...» (1863), «От русского по прочтении отрывков из лекций

г-на Мицкевича»⁸¹ (1842), «Тогда лишь в полном торжестве...» (1850), «Его светлости князю А. А. Суворову» (1863). Размышления Ф. И. Тютчева о судьбе Польши входят в контекст размышлений о судьбах России и выражены в таких стихотворениях, как «Русская география» (1848–1849), «Рассвет» (1849), «Пророчество» (1850), «Два единства» (1870), публицистических статьях «Россия и Германия» (1844), «Россия и революция», а также в письмах 1862–1863 гг.

5.2. Позиция Ф. И. Тютчева по «польскому вопросу» в период Ноябрьского восстания. Тютчев, откликнувшись на польское восстание и взятие Варшавы стихотворением «Как дочь родную на закланье...», подавление восстания считал «роковым ударом», «кровавой ценой», заплаченной русскими за сохранение целостности государства. В стихотворении «На взятие Варшавы» Тютчев «представил свой взгляд, содержащий также отзвуки идеологии славянофильской, на завоевание Варшавы и подавление Ноябрьского восстания» [Białokozowicz 1986: 16]: *Славян родные поколенья // Под знамя русское собрать // И весть на подвиг просвещенья // Единомысленных, как рать* [Тютчев 2002–2005, 1: 145]. Тютчев использует популярный символ орла: *Ты ж, братскою стрелой пронзенный, // Судеб свершая приговор, // Ты пал, орел одноплеменный, // На очистительный костер!* [Тютчев 2002–2005, 1: 146]⁸².

А. Л. Осповат соотнес в своей статье «Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830–1831 гг.» позиции Пушкина, Хомякова и Тютчева: «Если тексты Пушкина и Хомякова полемизируют друг с другом, то стихотворение Тютчева «Как дочь родную на закланье...», по внешнему впечатлению, отражает промежуточную и примирительную точку зрения» [Осповат 1987].

⁸¹ Об отзыве Тютчева на парижские лекции Мицкевича см. статью *Kostenicz K. Nieznany odzew na Prelekcje paryskie Mickiewicza (Wiersz Fiodora Tiutczewa z 1842 r.)* // *Rocznik Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza*. 1973. R. VIII. S. 83–90.

⁸² Стихотворение Тютчева «Как дочь родную на закланье...» вписано в контекст рассуждений поэта о славянстве в статье: *Хевролина В. М. Внешнеполитические сюжеты в поэзии Ф. И. Тютчева* // *Новая и новейшая история*. 2004. № 3. С. 216–225.

Совсем иную позицию Тютчев занял во время польского восстания 1863 г. и выразил ее в стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...»: *И целый мир, как опьяненный ложью, // Все виды зла, все ухищренья зла!.. // Нет, никогда так дерзко правду Божью // Людская кривда к бою не звала!..* [Тютчев 2002–2005, 2: 121]. Здесь уже нет сожаления по поводу жестокости тех мер, к которым приходится прибегать для подавления восстания.

6. Политические стихотворения

В периодических изданиях во время русско-польской войны появилось более 20 стихотворений, посвященных польской теме. Из них большая часть была написана по случаю взятия Варшавы. Наибольшее число стихотворений было опубликовано в «Русском инвалиде». Единственным журналом, не публиковавшим подобные стихотворения, был «Московский телеграф». Многие стихотворения напоминали переложенные в стихи царские манифесты и были написаны, как правило, третьеразрядными поэтами. Однако среди этих посредственных стихотворений появлялись также и произведения Пушкина, Жуковского, Хомякова.

Темы, мотивы, ключевые символы стихотворений повторялись⁸³, что позволяет выделить наиболее значимые и часто встречающиеся. Основная тема стихов – прославление русского оружия и посрамление ляхов-изменников. К наиболее популярным мотивам относятся следующие: храбрые русские воины сражаются с мятежными поляками, мотив мщенья, мотив единения народов, мотив любви русских к своей земле и царю, мотив славы русского воинства и др. Распространенный композиционный прием – использование исторической ретроспективы (упоминаются победа Суворова и поражение Наполеона). Среди ключевых слов-символов – орел, меч, штык. Отдельно необходимо указать на идею объединения славян (славянскую идею), которая, по мнению поэтов, способна стать разрешением русско-польского конфликта.

⁸³ О темах и мотивах стихов, посвященных событиям русско-польской войны 1830–1831 гг., см. [Краюшкина 2009: 201–205].

7. Позднейшие отклики на польское восстание 1830–1831 гг.

Какое значение имело для современников польское восстание 1830–1831 гг., можно определить по тому, как в течение долгого времени уже после подавления восстания русские авторы обращались к данной теме. К позднейшим откликам можно отнести «Отрывок из послания В<елецкому>» (1833) К. С. Аксакова, «Опять народные витии...» (1835 или 1836) М. Ю. Лермонтова⁸⁴, «К Уралу» (1833) и «Чаша» (1833) Василия Красова.

Польское восстание подняло интерес русского общества к польской теме и «польскому вопросу». Именно на волне этого интереса, кроме прямых откликов на события, появились в 1830-е годы многочисленные драмы на сюжеты Смутного времени: «Дмитрий Самозванец» (1833) А. С. Хомякова, «Лжедмитрий» (1835) А. Шишкова, «Россия и Баторий» (1834) Е. Розена, «Прокофий Ляпунов» (1834) В. Кюхельбекера, «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834) Н. Кукольника, «Освобождение Москвы в 1612 году» (1848) К. С. Аксакова. К увлечению польской темой можно отнести и появление стихотворения А. К. Толстого «Ночь перед приступом» (1840-е гг.).

Выводы

По многочисленным откликам на польское восстание 1830–1831 гг., в которых поэзия соединялась с политикой, можно сказать, насколько восстание расценивалось как событие первостепенной важности для русского государства и, вообще, для каждого русского.

Русское общество в своем подавляющем большинстве выступило за подавление польского восстания 1830–1831 гг. Выступая за неприкосновенность российской государственности, одни с нетерпением ждали подавления польского восстания (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер), другие, сожалея о пролитой крови, надеялись на силу поступательных реформ и осознания поляками их места в славянском мире

⁸⁴ Лермонтов не принял польского восстания, написав стихотворение «10 июля (1830)». Польская тема также затронута и в прозаическом творчестве Лермонтова в незаконченном романе «Княгиня Лиговская».

(А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев). Далее мнения о статусе Царства Польского и западных губерний расходились.

В. А. Жуковский и П. А. Вяземский выступили за отсоединение Польши от России, но уже после подавления восстания. А. С. Пушкин был солидарен с официальной позицией, что и отразил в своих стихах. В среде декабристов мнения разделились: А. И. Одоевский выступил в поддержку восстания, взгляд В. К. Кюхельбекера совпал с мнением властей. А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев высказывали идеи славянского единения Польши и России (однако, вхождение стран в славянский союз рассматривалось ими на разных условиях).

Глава IV. Проза

1. Польша и поляки в русской прозе

1.1. М. Н. Загоскин

Польская тема коснулась как жизни, так и творчества М. Н. Загоскина. Загоскин участвовал в Отечественной войне 1812 г., воевал на территории Польши (был ранен в Полоцке, участвовал в осаде Данцига (Гданьска)). Возможно, именно в военной кампании Загоскин познакомился с польской легендой о пане Твардовском, которую позднее использовал в своем творчестве (в драме «Пан Твардовский» и в одноименной повести)⁸⁵. Герои-поляки изображены и в самом известном историческом романе Загоскина – «Юрии Милославском».

Всё действие романа Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» происходит на территории России. Следуя за Вальтер Скоттом, Загоскин главным героем делает вымышленного персонажа, а среди второстепенных появляются и исторические лица (например, Минин, Авраамий Палицын)⁸⁶.

У читателей «Юрия Милославского» создается впечатление о произведении как о «русском» романе не только за счет идей, вплетенных в само повествование, но и за счет поэтики романа, которая испытала сильное влияние фольклора, а именно волшебной сказки: «“Второклассность” главного героя порождена самой структурой «русского» романа, где особую роль выполняли фольклорные элементы. Описания быта, народных обычаев и суеверий, пословицы и поговорки, которыми усыпана речь персонажей из народа, песни, стилизованные сказки и былины, фольклоризация самого стиля (народно-поэтические выражения: «шея лебединая», «сердце молодецкое» и др.), - все это должно было создать русский колорит...

⁸⁵ О пане Твардовском как герое легенд и литературных произведений см. *Schamschula W. Pan Twardowski: The Polish Variant of the Faust Legend in Slavic Literatures (A Study in Motif-History)* // *California Slavic Studies*. 1992. Vol. 14. P. 209–231.

⁸⁶ О других чертах вальтерскоттовского романа в «Юрии Милославском» см. [Альтшуллер 1996: 70–78].

Многое в сюжетных положениях романа восходит к народной сказке... Ряд сказочных мотивов романа непосредственно связан с Киршей... В соответствии со сказочными сюжетами ведет себя и колдун Кудимыч...» [Песков 1987: 708 - 710].

В романе Загоскина русские герои численно превосходят героев-поляков (включая и внесюжетных персонажей), а также играют более важную роль в сюжете. Патриотически настроенный Загоскин, показывая и русских, и поляков, уже в самом начале романа дает понять, на чьей стороне автор: «В русском романе перед нами два лагеря, из которых один заведомо хороший (русские), другой заведомо плохой (поляки). Юрий волею обстоятельств попал в плохой лагерь, и главное содержание романа сводится к тому, что протагонист от *плохих* переходит к *хорошим*» [Альтшуллер 1996: 77]⁸⁷. В четвертой главе I части перед читателем появляется карикатурно изображенный поляк пан Копычинский (именно ему приходится под дулом пистолета одному съесть целого гуся), который к концу романа получает по заслугам: «Он ... приехал месяца четыре назад из Москвы; да не поладил, что ль с паном Тишкевичем, который на ту пору был в наших местах с своим regimentом; только говорят, будто б ему сказано, что если он назад вернется в Москву, то его тотчас повесят; вот он и приютился к господину нашему, Степану Кондратьевичу Опалеву. Вишь, рожа-то у него какая дурацкая!.. Пошел к боярину в шуты, да такой задорный...» [Загоскин 1987: 224].

Будет ошибкой утверждать, что все герои-поляки (как второстепенные, так и внесюжетные) изображены глупыми спесивцами, гордецами и разбойниками. В романе показан положительный образ храброго и честного пана Тишкевича: «Быстрые движения, смелый взгляд, смуглое откровенное лицо — все доказывало, что пан Тишкевич провел большую часть своей жизни в кругу бесстрашных воинов, жила под открытым небом и так же

⁸⁷ Герои Скотта, хотя и находятся так же, как и Юрий, «между двумя враждующими лагерями», но «они понимают, что <...> у каждой из враждующих сторон есть своя правда» [Альтшуллер 1996: 75–76]. В этом отношении в отличие от Загоскина В. Скотт «принципиально толерантен» [Альтшуллер 1996: 75].

беззаботно ходил на смертную драку, как на шумный и веселый пир своих товарищей. Трое других молодцеватых поляков отличались огромными усами и надменным видом, совершенно противоположным добродушию, которое изображалось на открытом и благородном лице их начальника» [Загоскин 1987: 112]. Пан Тишкевич защищает Юрия от боярина Кручины-Шалонского: «Мы, поляки, можем и должны желать, чтоб наш король был царем русским; мы присягали Сигизмунду, но Милославский целовал крест не ему, а Владиславу. Что будет, то Бог весть, а теперь он делает то, что сделал бы и я на его месте» [Загоскин 1987: 123]. Как не все поляки изображены отрицательно, так и не все русские представлены положительно (хотя процентная доля отрицательных персонажей от всех героев-русских очень мала). Так, заслуживают осуждения со стороны автора поступки тех, кто признает власть поляков: боярин Кручина-Шалонский, боярин Истома-Туренин, дворяне Лесута-Храпунов и Замятня-Опалев.

В романе не раз повторяется мысль о том, что все люди разные и в пределах одной национальности могут быть как отважные и честные, так и те, которые способны на трусость и предательство: «Шайка русских разбойников или толпа польской лагерной челяди ничего не доказывают» [Загоскин 1987: 81]. Пан Тишкевич, услышав рассказ Юрия о пане Копычинском, высказывает ту же самую мысль: «Не все поляки походят друг на друга... всякий правдивый поляк порадуетя, когда удалый москаль проучит хвастунишку и труса, хотя бы он носил кунтуш и назывался поляком» [Загоскин 1987: 116].

Если отдельные герои-поляки еще могут быть благородными и храбрыми, то поляки как интервенты оценены в романе крайне негативно: «Наглость, своеволие и жестокости этого буйного войска превосходили всякое описание» [Загоскин 1987: 35]. Не только со слов автора мы узнаем о преступлениях польского войска, но и эпизодические персонажи выражают то же мнение: «Разбойники!.. В разор нас разорили! Прошлой зимой так всю и одежонку-то у нас обобрали. Чтoб им самим ни дна ни покрывки!

Передохнуть бы всем, как в чадной избе тараканам... Еретики, душегубцы!...» [Загоскин 1987: 239].

Кульминацией прославления русского оружия и клеймения поляков-разбойников становится совет бояр в Нижнем Новгороде. На Лобном месте к народу обращается «бессмертный» Минин: «Кто из вас не ведает всех бедствий царства Русского? Мы все видим его гибель и разорение, а помощи и очищения ниоткуда не чаем. Доколе злодеям и супостатам напоять землю русскую кровию наших братьев? Доколе православным стонать под позорным ярмом иноверцев?» [Загоскин 1987: 171]. Князь Черкасский выступает против заключения мира с поляками: «Непримиримую вражду до тех пор, пока хотя один лях или предатель дышит воздухом русским! Мщение за погибших братьев! кровь за кровь!» [Загоскин 1987: 182]. Дворянин Григорий Образцов солидарен с Черкасским: «Чего требует от нас этот атаман разбойничьей шайки, этот изверг, пирующий в Москве на могилах наших братьев?.. Поляки предлагают нам мир – и покрывают пеплом сел и городов всю землю русскую! <...> Гибель и смерть всем ляхам!» [Загоскин 1987: 182-183].

Никаких сомнений в истинности пути русского народа у читателей «Юрия Милославского» не остается: «У Загоскина, в силу его утрированного патриотизма, права может быть только одна сторона, и это, разумеется, русские» [Альтшуллер 1996: 78].

Загоскин не оставляет без ответа «польский вопрос». Несмотря на то, что поляки показаны в основном негативно, в повествовании встречается и храбрый польский воевода. Примирение между русскими и поляками возможно, и эта возможность заключается в родстве двух народов, о чем говорит в романе Юрий Милославский: «... я уважаю храбрых и благородных поляков. Придет время, вспомнят и они, что в их жилах течет кровь наших предков, славян; быть может, внуки наши обнимут поляков, как родных братьев, и два сильнейшие поколения древних владык всего севера сольются в один великий и непобедимый народ» [Загоскин 1987: 81]. Таким

образом, Загоскин видит будущее разрешение конфликта в объединении славян: русских и поляков.

1.2. Ф. В. Булгарин

Ф. В. Булгарин, поляк по происхождению, занимал особое место в историко-литературном процессе первой половины XIX в. Литературный критик, друг А. С. Грибоедова и А. А. Бестужева-Марлинского, редактор «Северной пчелы», автор нравоописательных и исторических романов, наконец, сотрудник III Отделения – вот лишь неполный список ролей Булгарина⁸⁸.

Польское происхождение Булгарина так или иначе всегда давало о себе знать. С одной стороны, Булгарин активно использовал польскую тему в своих произведениях (вводил в повествование героев-поляков, переносил сюжет на польскую почву), с другой стороны, о польском происхождении никогда не забывали его враги и литературные оппоненты⁸⁹.

1.2.1. Рецепция романа Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» в русской критике. В 1830 году после выхода романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и романа Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830) русская литературная критика с одобрением встретила первый и плохо отозвалась о втором. Причиной поляризации мнений послужил ряд событий, произошедших на рубеже 20-х–30-х гг. XIX века.

⁸⁸ О месте Ф. В. Булгарина в русской литературе и его литературной репутации см. работы: Кузовкина Т. Д. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007; Рейтблат А. И. Видок Фиглярин: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73—101; Селезнев М. Б. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук. Челябинск, 2008; Шишкова Т. Б. Литературная позиция и тактика Ф. В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие: диссертация ... кандидата филологических наук. М., 2009. Полная библиография по данной теме собрана А. И. Рейтблатом и представлена в [Рейтблат 2007].

⁸⁹ О жизни и творчестве Ф. В. Булгарина в контексте русско-польских отношений см. Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013.

С 1830 г. сильно обострились отношения Булгарина и Пушкина, так как стала выходить «Литературная газета», в которой Булгарин видел соперника «Северной пчелы». Окончательный разлад между Булгариным и Пушкиным принесла публикация романа «Дмитрий Самозванец», в котором современники находили заимствования из «Бориса Годунова», подозревая Булгарина в шпионаже⁹⁰. Данные события повлияли на восприятие романа «Дмитрий Самозванец» пушкинским кругом и предопределили характер написанных рецензий⁹¹.

Кроме того, на оценку исторического романа Булгарина повлияли и те требования, которые предъявляли критики к этому жанру. Несмотря на то, что Булгарин анонсировал появление «Дмитрия Самозванца» как «первого русского исторического романа», ему не удалось стать ни «первым», поскольку его опередил «Юрий Милославский» Загоскина, ни «русским», так как столь ценимую «народность» критики обнаружили в романе того же Загоскина, но никак не в «Дмитрии Самозванце»⁹². Булгарин написал не «русский» исторический роман, а роман, в котором отражен взгляд европейца на русских и русскую историю. Более того, по замечаниям современников, Булгарин и не мог написать русский исторический роман, потому что сам был поляком. В рецензиях этот факт был решающим и зачастую являлся причиной высказываемых обвинений в адрес самого автора и перечислений недочетов «Дмитрия Самозванца».

⁹⁰ Об этом см., например, в [ППК 2001: 18–24; 450–453].

⁹¹ Основные работы о романах Булгарина и их восприятии в пушкинской среде: Вацуро В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969. С. 150–160; Гозенпуд А. А. Из истории литературно-общественной борьбы 20-х–30-х годов XIX в.: («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец») // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969. С. 252–275; Лазуткина М. Г. Самозванец Лжедмитрий I между А. С. Пушкиным и Ф. В. Булгариным: Опыт сравнительного анализа художественного образа Лжедмитрия I в трагедии «Борис Годунов» и романе «Дмитрий Самозванец». М., 2002; *Mejszutowicz Z. Powieść obyczajowa Tadeusza Bułgaryna*. Wrocław, 1978.

⁹² Подробнее об этом см. [Ungurianu 2007: 21–28].

Причиной предубежденности авторов статей против Булгарина и его романа послужила сама личность Булгарина. К 1830 г. Булгарин приобрел репутацию журналиста-коммерсанта и писателя, не слишком разбирающегося в средствах для достижения популярности среди читателей. Например, рецензент из «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности» пытается объяснить столь резкое отношение критики к новому роману Булгарина предубежденностью критиков против издателя «Северной пчелы»: «Порицать и хвалить безусловно легко может даже и самый последний из литераторов; но публика, в суждениях о произведениях Словесности, требует доказательств, строгой отчетливости; руководствоваться же, при разборе книги, отношениями личными и *мстить*, пользуясь сим случаем, есть дело постыдное и клеймящее штемпелем бесчестья перо Критика. И почему не похвалить *хорошего* даже в самом нашем непримиримом враге?» [Димитрий Самозванец 1830: 549]⁹³.

Того же мнения придерживается и Погодин, в своем дневнике указавший, вероятно, на истинную причину плохих отзывов о Булгарине и его романе «Димитрий Самозванец»: «...совестно похвальное похвалить в таком подлеце» [Барсуков 1890: 46]. В одном из писем Шевыреву Погодин писал: «“Димитрий Самозванец” Булгарина холоден, одноцветен, но имеет прекрасно изображенные положения, много любопытных подробностей из старых книг, и все отрицают достоинства автора. Об нем говорят мало» [Погодин 1882: 138].

Во многих рецензиях, появившихся на два новых исторических романа, Булгарин не избежал сравнения с Загоскиным, на стороне которого была большая часть критиков⁹⁴. Во многих рецензиях как на роман Загоскина, так и на роман Булгарина авторы выстраивают шкалу ценностей, на одном конце

⁹³ Рецензия помещена без подписи. Автор не установлен.

⁹⁴ Данное сопоставление переходило и на страницы переписки. Пушкин в своем письме П. А. Вяземскому от конца января 1830 года сравнивает роман Загоскина с романом Булгарина: «Ты бранишь «Милославского», я его похвалил. Где гроза, там и милость. Конечно, в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится» [Пушкин 1937–1959, 14, 61].

которой помещают Загоскина, а на другом – Булгарина. Всё, что относят к полюсу Загоскина (увлекательность, живой слог, «русскость»), подается со знаком «+», всё, относимое к полюсу Булгарина (скука⁹⁵, испытываемая читателем «Дмитрия Самозванца», искусственность слога, непонимание русского менталитета), оценивается отрицательно.

Погодин в одном из писем Шевыреву объясняет это следующим образом: «Роман Загоскина весь вышел в месяц и начинается 2-е издание. <...> Булгарина было почти ругательство на него, и все пришли в ужасное негодование⁹⁶. Противоположная партия даже нарочно славит Загоскина, чтоб уронить Булгарина» [Погодин 1882: 132].

Кроме самого характера личности Булгарина причиной для упреков, которые высказывались в адрес Булгарина, послужило его польское происхождение⁹⁷. Национальность автора «Дмитрия Самозванца», обусловившая его предвзятость, по мнению авторов критических статей, так

⁹⁵ Пушкин напечатал эпиграмму на Булгарина в альманахе «Денница» на 1831 год: «Не то беда, Авдей Флюгарин, // Что родом ты не русский барин, // Что на Парнасе ты цыган, // Что в свете ты Видок Фиглярин: // Беда, что скучен твой роман» [Денница 1831: 137].

⁹⁶ Имеется в виду статья А. Н. Очкина, помещенная в «Северной пчеле» [Очкин 1830]. А. И. Рейтблат утверждает, что написание рецензии на «Юрия Милославского» не обошлось без влияния Булгарина: «...мы полагаем, что и Булгарин сыграл важную роль в подготовке рецензии, сообщив Очкину свои замечания об исторических ошибках и источниках у Загоскина» [Видок Фиглярин 1998: 384].

⁹⁷ Мы не подвергаем сомнению тот факт, что не ко всем полякам относились в России с подобным предубеждением, как к Булгарину. Интересно отметить, что Пушкин видит «беду» Булгарина не в его происхождении, а в его сотрудничестве с властями и доносительстве: «Не то беда, что ты поляк: // Костюшко лях, Мицкевич лях! // Пожалуй, будь себе татарин, - // И тут не вижу я стыда; // Будь жид – и это не беда; // Беда, что ты Видок Фиглярин» [Пушкин 1937–1959, 3, 1 215]. Булгарин же соединял в себе черты, которые для многих русских ассоциировались именно со стереотипом поляка: «Среди поляков были и такие, которые у россиян вызывали ненависть и отвращение. Часто называют в этом контексте польского писателя и офицера Фаддея Булгарина. Русские видели в нем типового поляка или, как говорили, предателя, человека недостойного, негодяя. Булгарин — и это правда — был предателем и ренегатом. Он был поляком и русским офицером. Был в составе наполеоновской армии, а после ее поражения быстро возвратился на императорское жалование. Слишком близко стал работать со специальными службами, т.е. ответственными за наблюдение за населением III Отделением особой его императорского величества канцелярии и с обладающим подобными правами корпусом жандармов. Имя Булгарина не только повсеместно связывалось с деятельностью тайного сыска и тайной политической полицией. Оно было синонимом слова “поляк”» [Giza 1993: 13].

или иначе негативно сказалась на художественной ценности всего романа в целом.

Рецензия А. А. Дельвига на роман была резкой и полностью отрицательной: «Мы еще более будем снисходительны к роману *Дмитрий Самозванец*. Мы извиним в нем повсюду высказывавшееся, пристрастное предпочтение народа Польского перед Русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г.Булгарине Поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную Писателем Русским» [Дельвиг 1830: 113].

Рецензент «Галатеи» обвиняет Булгарина в предвзятости: «Не говорим о характере Поляков; внимательный, даже и невнимательный, читатель Д. Самозванца заметит с первого раза, что они гораздо лучше, благороднее характеров Русских»⁹⁸.

В «Вестнике Европы» обратились к анализу языка романа Булгарина и поиску полонизмов: «Единственно чтобы продлить беседу, посмотрим, с каким вниманием Автор наш употребляет слова, или лучше, какие названия дает предметам. Австрийский Принц Максимилиан называется – *Князем!!* Это можно бы пропустить без внимания, если б некоторые другие промахи не напоминали, что у Автора нашего при сочинении Самозванца по временам вертелось на уме кое-что Польское. Вот чистые полонизмы: “*идет не о награде*”; “*карета обитая в середине*”; “*возле рогаток*” вместо городской заставы; “*добыл рожка*”; “*не сложить оружия*”; “*тыльная стража*”» [Надеждин 1830: 72–73].

О. М. Сомов один из недостатков «Дмитрия Самозванца» видит в искусственности языка романа: «... Г. Булгарин пишет так, как иностранец, который постиг механизм русского языка, т.е. знает правила расстановки слов, их взаимные отношения, связь периода...» [Сомов 1830: 69–70].

⁹⁸ Галатея. 1830. Ч.12. № 11. С. 255 (без подписи).

Рецензент «Атенее» утверждает, что автору удалось только польские характеры: «...зато как незначителен у Г. Булгарина Борис Годунов, который в руках Русского Вальтер Скотта мог бы стать наряду с гигантскими изображениями Английского писателя... Впрочем должно отдать справедливость Г. Булгарину, что у него есть и множество мест прекрасных во второй книге, когда Лжедмитрий у Запорожцев; что живо нарисованы Иезуиты, вообще весь Польский быт того времени...» [Шевырев 1830: 550–551]⁹⁹.

⁹⁹ В «Атенее» рецензия на «Димитрия Самозванца» помещена без подписи, поэтому прямых указаний на авторство этой статьи у нас нет. Однако рецензент в «Московском вестнике» ссылается на мнение Шевырева о языке романов Булгарина: «Слог чистой, и по большей части правильной, каким отличаются все сочинения Г. Булгарина; но, повторим слова Г-на Шевырева, ему недостает разнообразия, теплоты, живости» [Максимович 1830: 191]. Ср. мнение рецензента в «Атенее» о языке Булгарина: «Слог Г. Булгарина известен читателям Русских книг; он очень чист даже в Выжигине, самом дурном произведении автора, и, говоря откровенно, должно сознаться, что этот же самый слог вы найдете и в Димитрии Самозванце. Все гладко, все хорошей отделки. Но не одна гладкость и отделка составляют отличительную черту сочинений автора Самозванца; к сожалению должно прибавить еще, что он в продолжении всего литературного поприща своего нигде не обнаружил той жизни, того яркого блеска речи, которыми должен отличаться истинно изящный писатель. Димитрий Самозванец оправдал характеристику пера Г. Булгарина и с этой стороны: здесь та же вялость и мертвенность. Не таков в этом отношении Милославский Г. Загоскина, в котором везде видна деятельность, душа, хотя Г. Булгарин и щеголяет стройностью, обдуманностью, утонченностью вкуса, довольно опытного» [Шевырев 1830: 549]. Кроме статьи в «Атенее» в мартовском номере, нет никакой другой рецензии, вышедшей ранее 28 марта 1830 г. (ц.р. номера «Московского вестника» со статьей о Булгарине) и не подписанной, с обсуждением языка Булгарина. Поэтому, учитывая текстовые совпадения между рецензией в «Атенее», не подписанной, а также рецензией в «Московском вестнике» со ссылкой на мнение С. П. Шевырева, можно предположить, что автором статьи о романе Булгарина «Димитрий Самозванец» в «Атенее» был именно С. П. Шевырев. Это утверждение подтверждает характер отношений между Булгариным и Шевыревым, которые к 1830 году были уже крайне обострены, а также не противоречит тому, что в это время Шевырев был в Европе (статьи в другие журналы он высылал по почте). Также нужно учесть, что редакция «Московского вестника» была хорошо знакома с Шевыревым, так как до отъезда в 1829 году он был постоянным участником этого издания. Кроме того, есть свидетельства участия С. П. Шевырева в «Атенее», хотя и не в качестве критика: «Из более известных поэтов в Атенее участвовали: Шевырев, Вронченко, Раич, Тютчев, Ротчев» [Колюпанов 1889: 478].

Опровержением того, что автором статьи в «Атенее» был Шевырев, может служить следующий факт. По словам Ю. В. Манна, именно Шевырев в 1828 году первым начал атаку в «Московском вестнике» против «Северной пчелы», написав «Обозрение русской словесности за 1827-й год» со следующей оценкой сочинений Булгарина: «Главный их характер – безжизненность: из них вы даже не можете определить образа мыслей в авторе» [Манн 1998: 203]. Из этого следует, что Шевырев еще в 1828 году упрекал Булгарина в «безжизненности», поэтому автор рецензии в «Московском вестнике» мог

Рецензент в «Карманной книжке для любителей русской старины и словесности», указывая на то, что в некоторых эпизодах автор романа субъективен, приводит пример: «Наконец скажем, что Польская храбрость слишком преувеличена на счет Русского мужества. Нам больно было слышать, как, например, на Кремлевской площади два Поляка, Цециорка и Пекарский (см. часть IV), бьют, рубят, обращают в бегство целые толпы народа – и торжествуют! Кто этому поверит? и кто осмелится, не подвергаясь нареканию лжеца, укорить нас в постыдной трусости? <...> Заметим, сверх сего, что это не факт исторический, но одно только хвастовство и, следовательно, происшествие вымышленное. Признаемся, что, быть может, здесь мы несколько вышли из умеренного тону, приличного критике; но мы воодушевлены были благородным негодованием и чувством оскорблений народной гордости. Если *honor* дорог Полякам, *честь* не менее для нас драгоценна!» [Димитрий Самозванец 1830: 548–549].

1.2.2. Польша и поляки в романе Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец». Действительно, в романе Булгарина много внимания уделено полякам и Польше. Лжедимитрий, появляющийся в романе также под именами Иваницкого и Григория Отрепьева, как и Юрий Милославский, большую часть романа проводит в дороге. Но у Булгарина главный герой ездит не только по России, но и ищет поддержки в Запорожской Сечи, набирает войско в Польше. Изображение польских обычаев и нравов, быта запорожских казаков занимает около 1/3 всего текста романа. В отличие от «Юрия Милославского» в романе Булгарина нет численного превосходства героев-русских над героями-поляками (мы также считаем и внесюжетных персонажей). Кроме того, так до конца романа остается не ясным, кто же на самом деле был Лжедимитрий: русский, который попал на воспитание к иезуитам, или поляк. Высказывания самого Лжедимитрия настолько противоречивы, что ничего не проясняют в загадке Самозванца.

сослаться и на рецензию Шевырева от 1828 года. В этом случае автор рецензии в «Атенее» остается нераскрытым.

Однако, мнение о том, что в «Димитрии Самозванце» поляки показаны с лучшей стороны, чем русские, опровергалось как в современной Булгарину критике, так и литературоведами в позднейшее время. Например, автор рецензии в «Московском вестнике», вероятно, споря с Дельвигом, указывает: «Говорят, что он изобразил Поляков с лучшей стороны, чем Русских. – Это несправедливо» [Максимович 1830: 191]¹⁰⁰.

М. Г. Альтшуллер постарался опровергнуть обвинения современной Булгарину критики: «Булгарин был одним из немногих русских писателей, в произведениях которого нет национальной спеси, ксенофобии, стремления возвеличить русских за счет других национальностей. Он отмечает воинственность поляков, их любовь к битвам и отвращение к измене, обману и предательству. Но в то же время отмечает насилия и жестокости, чинимые польским сбродом в Москве после воцарения Лжедмитрия...» [Альтшуллер 1996: 125]. Согласившись с этим утверждением, мы внесем некоторые уточнения и коррективы.

В общем и целом в «Димитрии Самозванце» поляки изображены так же, как и русские. Однако в романе все же можно найти несколько примеров, подтверждающих, что обвинения современников не были беспочвенными. На протяжении всего романа Булгарин проводит мысль о нетерпимости русских к иноверцам и о суеверности русских.

¹⁰⁰ В «Московском Вестнике» 1830 г. появились две рецензии на «Димитрия Самозванца» двух разных авторов: рецензия с подписью «У.» [Ушаков 1830] и «Еще несколько слов о Димитрии Самозванце» с подписью «W.W.» [Максимович 1830]. Первую из названных рецензий атрибутируют В. А. Ушакову [Акимова 2003: 268], [Масанов 1958: 180]. Вторую – М. А. Максимовичу [Акимова 2003: 264]. В «Словаре псевдонимов русских писателей» вторая из двух названных статей никак не атрибутируется, но дается расшифровка псевдонима «W.W.», который приписывается М. А. Максимовичу [Масанов 1958: 340]. Подобная атрибуция вызывает вопросы, так как в альманахе «Денница» в «Обзрении русской словесности 1830 года», помещенном без подписи, в резко негативном ключе говорится о «Димитрии Самозванце» [Максимович 1831: XVII–XXI]. Автором статьи в альманахе является М. А. Максимович, что установлено в [Денница 1999]. Остается непонятным, зачем М. А. Максимович выразил свое мнение по поводу «Димитрия Самозванца» сразу в двух статьях, помещенных в разных изданиях, причем с разной оценкой романа. Поэтому, вероятно, автором статьи «Еще несколько слов о Димитрии Самозванце» в «Московском вестнике» был не М. А. Максимович.

Нетерпимость русских к иноверцам подчеркнута, например, путем изображения одного из обрядов во время царского приема польских послов: «... на малом столике стояла золотая умывальница, накрытая белым полотенцем» [Булгарин 1830, I: 154–155]. Из комментариев читатель узнает, для чего нужна была эта умывальница: «Царь, дав руку иноверцу, умывался всенародно» [Булгарин 1830, I: 289].

Суеверность русских характеризуется как черта темного средневекового народа. Колдунью Федосью боялся и верил в ее колдовство не только народ, но и сам Борис Годунов: «...будучи суеверен, также страшился чародейства хитрой и злобной женщины» [Булгарин 1830, II: 16]. Обратясь за помощью к Федосье, Борис Годунов поверил всему происходящему: «Не сомневаясь в истине чародейства, не предполагая обмана со стороны Федосьи, не думая, что ей легко было зажечь огонь во внутренности убиенного животного и впустить в корыто гадов, Борис приписывал это силе сверхъестественной, и твердо решился истребить мнимых врагов» [Булгарин 1830, II: 26]. Борис Годунов, ожидающий помощи от колдуньи Федосьи, противопоставляется в романе образованному Лжедмитрию, который, также желая узнать будущее, обращается к астрологу патеру Савицкому и пытается понять, что предвещает расположение светил на небе.

Кроме того, на суеверность народа указывает и то, что самого Лжедмитрия в Москве называют «чернокнижником» и «волшебником» [Булгарин 1830, IV: 299]. Няня Ксении Годуновой при его появлении заявляет следующее: «Я знаю силу твою! Все говорят, что ты не только отгоняешь и наводишь недуги, но берешь на себя всякие образы, прикидываешься невидимкою, летаешь на ковре-самолете, не помню теперь всего... словом, делаешь, что захочешь» [Булгарин 1830, IV: 300].

Придерживаясь мнения о суеверности и темноте русского народа в начале XVII в., Булгарин переносит любовный сюжет на польскую почву: Лжедмитрий влюбляется в Калерию, делает предложение панне Марине, но

его чувство к Ксении ни к чему не приводит. Подобную установку объяснил Булгарин в предисловии к роману: «Не знающие нравов и обычаев описанной мной эпохи, станут, может быть, упрекать меня, зачем я не ввел в роман любви такой, как изображают ее иностранные романисты, почерпая предметы из истории средних веков. Введением любви в русский роман XVII-го века, разрушается вся основа правдоподобности! Русские того времени не знали любви, по нынешним об ней понятиям, не знали отвлеченных нежностей, женились и любили как нынешние азиатцы» [Булгарин 1830, I: XXI–XXII].

Единственный пример прямого сопоставления русских с поляками в пользу последних найден нами в описании быта польских панов: «Посмотрел бы ты, как они живут в своих замках. Что твои кремлевские палаты в сравнении с убранством панских покоев!» [Булгарин 1830, III: 204]. Похожим образом можно рассматривать слова священника Михаила об отношении украинцев к полякам: «Напротив, украинцы и казаки весьма привязаны к польскому правлению и не любят так называемых москалей... Донские казаки весьма жалуются на притеснения московских воевод и толпами переходят на Запорожье» [Булгарин 1830, II: 211–212]¹⁰¹. Однако в романе высказано и другое мнение. Один из героев - старик, отец кошевого у запорожских казаков, говорит Лжедмитрию: «Паны, при нынешнем короле, сделались сердиты, как волки. Так и мечутся на всякого, кто не их веры! Господь ведает, как это пришло, а прежде этого не бывало. Вот был славный король Степан Степанович Баторий! Любил он казаков, любил и ляхов, и всем делал добро. Были тогда и ляхи добры и жили дружно с казаками. А нынешние ляхи – Бог весть, из чего бьются! Все бы кланяться им да их Папе.

¹⁰¹ Ср. мнение Кирши в романе Загоскина «Юрий Милославский»: «... вряд ли когда запорожский казак будет братом поляку. Нечего сказать, и мы кутили порядком в Чернигове: все Божье, да наше! Но жгли ли мы храмы Господни? Ругались ли верою православною? А эти окаянные ляхи для забавы стреляют в святые иконы!» [Загоскин 1987: 42].

Нам нельзя ужиться с ними, да я думаю и всякому православному тоже мудрено» [Булгарин 1830, II: 193].

В остальных же случаях Булгарин далек от субъективного отношения к полякам и предвзятого – к русским. Например, Кирилл Хрипунов, три года проживающий в Польше, характеризует поляков как «гордых» и «тщеславных» [Булгарин 1830, III: 206]. Можем отметить, что до вторжения Лжедмитрия в Москву как отдельные герои-поляки показаны людьми, располагающими к себе читателя (канцлер Лев Сапега, князь Адам Вишневецкий, гетман Иоанн Замойский и др.), так и в целом образ поляков положительный. Однако как только поляки идут против русской государственности, пытаются завоевать Россию и узурпировать власть, поступки их негативно оцениваются автором романа. Польский дворянин Меховецкий, друг главного героя, признает, что желание поляков помочь Лжедмитрию занять русский престол приняло характер разбоя: «И тем более, что наши поляки ведут себя дурно, неприлично, буйно!» [Булгарин 1830, IV: 350].

Сравнительное изображение русских и поляков не было задачей Булгарина. Современников, утверждавших обратное и упрекавших его в национальной предвзятости, смутила та подробность, с которой Булгарин описывает не только русских и их быт, но и поляков с их обычаями и нравами (в отличие от того же Загоскина, обращенного в своем повествовании только к русским). Основная же идея «Дмитрия Самозванца», пронизывающая весь роман, заключается в том, что только при абсолютной монархии Россия может быть независимым и процветающим государством. Причиной односторонности взгляда рецензентов на «Дмитрия Самозванца» стала сама репутация Булгарина, к началу 1830-х годов уже основательно подорванная его собственными действиями, поэтому современники и подчеркивали его польское происхождение, зная его личные качества.

Таким образом, на раннюю рецепцию романа Булгарина «Димитрий Самозванец» повлияли как сама личность автора и его литературная и общественная репутация, так и некоторые особенности литературной критики эпохи романтизма, выдвинувшей требование «народности», активнейшим образом предъявлявшееся к историческому роману.

1.3. А. А. Бестужев-Марлинский

1.3.1. Польша и поляки в жизни А. А. Бестужева-Марлинского.

Появление польской темы в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского¹⁰² обусловлено близким знакомством автора с Польшей и поляками. В 1821 г. Александр I в ответ на бунт Семеновского полка объявил о маневрах, в результате чего Бестужев, будучи поручиком гвардии, оказался со своим полком на территории Литвы. Именно в это время Бестужев стал учить польский язык и, наблюдая за бытом польских семей, получил богатый материал, пригодившийся для его дальнейшего творчества.

На протяжении своего пребывания на территории Литвы Бестужев квартировал в разных местах: на мызе Зеленополь в 35 верстах от Режица Витебской губернии, в деревне Выгоничи в 40 верстах от Минска, в самом Минске. Везде он был гостеприимно встречен поляками.

Интерес к польскому языку и желание его лучше узнать как с бытовой целью для общения с польским окружением, так и с целью приятного времяпрепровождения для чтения польских классиков проявился у Бестужева уже летом 1821 г., когда в письме матери он пишет с мызы Зеленополь Витебской губернии: «Все обитатели меня очень любят, и просвещенные и нет. Со старухами говорю по-польски, молодым сыплю комплиментами, стариков смешу <...> сведши знакомство с людьми, имеющими библиотеку, я уже пользуюсь польскими книгами, хотя несовершенно еще разумею польский язык» [Бестужев-Марлинский 1926: 25].

¹⁰² Эту тему рассматривали Я. Хензель [Henzel 1963] и Б. Муха [Mucha 1974].

О своем стремлении изучить польский язык Бестужев сообщал и Булгарину, который так же, как и родные будущего декабриста, был частным адресатом его писем. Так, в письме от 6 сентября 1821 г., отправленному из Полоцка, Марлинский пишет: «Так удивляешься, я думаю, исковерканному польскому языку, которым я вздумал в подарок тебе написать теперь две строчки! прошу простить школьнику вину за желание. Я учусь по-польски, учусь в той земле, где язык Нарушевича, Немцевича, Красицкого, а имена их неизвестны, где мало людей и нет вовсе книг. Скажу тебе не в привет, а в правду: учусь по-польски для тебя наиболее, так как ты учился по-итальянски для Альфиери. Воротясь в Питер, мы будем вместе рассиживать вечера, читая журналы варшавские, рассуждая, споря о ваших авторах, переводя хорошее на русский, оценивая на языке сердца соллецизмы сердца. Между тем, я по складам разбираю Красицкого и Нарушевича, учу наизусть сатиры, которые ты мне читал глухому, и над которыми сперва я улыбался из учтивости, а теперь смеюсь от души» [Бестужев-Марлинский 1901: 394].

Кроме сообщений об изучении языка Бестужев также помещал свои наблюдения о быте и нравах польской шляхты: «Скажу тебе еще более: в этом краю арендаторов и душ мелкопоместных, я нашел людей добрых, образованных, гостеприимных. Маршал повета, Рик, с его фамилиею, заставил меня жалеть, зачем я не ранее нашел его семейство. Семейство Выжицких принудило сожалеть о скучных инфлантах и желать туда возвращения. У них-то я нашел польскую библиотеку и теперь некоторые книги имею с собой, а от тебя жду для перевода чего-нибудь твоего» [Бестужев-Марлинский 1901: 394].

По мере овладения польским языком Бестужевым в его письмах встречаются вкрапления полонизмов («литерацкие новости», «всесветная литература», «закохаться») и даже целые абзацы, написанные по-польски. В письме матери от 22 октября 1821 г. из деревни Выгоничи Бестужев пишет, что «говорит по-польски довольно бегло и смешит часто своими ошибками» [Бестужев-Марлинский 1926: 28]. Изучая польский язык, Марлинский ищет

возможности обогатить язык русский: «... я целый день провожу у хозяев в разговорах, в спорах, в чтении французских или польских книг, которые разумею хорошо. Говорю часто по-польски, но объясняюсь по-французски и это весьма вредит моей выучке. Впрочем могу выдержать обыкновенный разговор с правильностию, а что редко, с должным выговором. Я весьма доволен польскою поэзиею. Патриотизм в ней дышит и вымысл облекается часто, в одежду новых мыслей и счастливых выражений. Далее, учась по-польски я разрабатываю новую руду для Русского языка» [Бестужев-Марлинский 1926: 30].

Увлеченность Бестужева польским языком не исчезает на протяжении всего периода жизни среди польских панов: «Стою у пана Войдзевича, очень доброго человека. У него две дочери, из коих одна красавица. Польская библиотека, фортепиано и паны скоротают зимние вечера <...> я учусь по-польски. Мне язык этот нравится и «Исторические Спевы» лежат всегда под головою. Напиши, что бы перевести для журнала из ваших классиков? У меня они под рукою» [Бестужев-Марлинский 1901: 395–396]. Единственным опубликованным переводом Бестужева стала статья «Устье Босфора», «отрывок из путешествия по востоку О. И. Сенковского» [Измайлов 1926: 75], помещенный в № 7 журнала «Соревнователь Просвещения и Благотворения» за 1822 год.

В своих письмах Бестужев не забывал сообщать о том, что было подмечено им в быте и характерах его хозяев: «Дом их весьма порядочный и совсем не похож манерами на другие польские. – Хорошо меблирован без богатства – хозяйки милы без чванства и жеманства, хозяин учтив без низости и доброхотен без навязчивости» [Бестужев-Марлинский 1926: 31].

Письма Бестужева позволяют утверждать, что Бестужев соотносил характер и поведение своих хозяев с тем стереотипом поляков в глазах русских, который в его сознании существовал. Когда же данный стереотип расходился с действительностью, Бестужев это особо отмечал: «Две девушки, хозяйки мои милы любезны, - без кокетства, без натяжки, и это

делает их общество занимательным; хозяин человек обыкновенный, но добрый, довольно просвещенный и с здравым умом, мать женщина тихая, которая горюет о недавней потере единственного сына – вот вся их семья. – Присоедини к этому меланхолию паненок по случаю, и веселость их по природе, наконец страсть к поэзии – и ты можешь судить могу ли я скучать в такой компании» [Бестужев-Марлинский 1926: 32].

В письме к матери от 7 января 1822 г. также описан быт семейства Войдзевича: «Он человек очень не глупый, порядочно воспитанный и не бедный. – Прежде он играл широко в карты и потому видел и жил по ним. Теперь, сколько я могу заметить, он получает тысяч около двух с половиною серебром, что живучи в деревне и с польскою экономиею притом, может доставить выгодную жизнь. Блюдо 4 или 5-ть за обедом, бутылка меду или наливки для гостей (почти всегда военных) – дом порядочно убранный и шестерка езжалых коней в конюшне. – Для дочерей он ничего не жалеет. – Мать прередкая женщина: увидев ее в домашнем быту вы бы не узнали сестра ли она или мать своим дочерям? <...> Наконец дочери премилые девушки; они бы не испортили ни одного Петербургского дому. – Скромны как англичанки, - довольно читали; одарены природным умом, хорошо играют – танцуют, а что лучше всего не похожи на полек кокетством и с добрым сердцем» [Бестужев-Марлинский 1926: 34].

Быт и нравы общества в Минске становятся темой отдельного письма от 7 января 1822 г. Бестужева сестре Елене: «Роскошные наряды здесь не распространены – из-за моды ли, или по отсутствию средств – но вкус господствует всюду. Польки любят шнуроваться до дурноты, и даже ноги зажимают, чтобы сделать их изящнее. – В обществе они держатся так же, как и у нас, за исключением того, что можно долее беседовать с барышней и не прослыть женихом. Зато у себя дома они очень свободны, так, например, можно каждое мгновение целовать руку дамы, даже барышни, иногда и выше кисти; но вместе с тем полька ни за что на свете не поцелует мужчину в щеку. Поцелуй есть нечто священное, он присвоен только братьям или

мужьям. Польки живы, веселы, свободны в обращении, но не распущены – а по моему мнению одно стоит другого; у нас малейшая снисходительность заводит далеко, здесь же никого не выделяют милостями, а просто время проводится весело, вместо того, чтобы скучать, как у нас. Мне особенно нравится дружба, царящая между матерями и дочерьми: вы не услышите ни приказаний, ни выгоров, всегда только советы и просьбы. <...> Но женщины, как и везде, менее постоянны: в этом отношении, по легкомыслию, они очень похожи на русских. Кроме того, они слишком образованы для своих мужей, которые, по большей части, грубы, скупы и невежественны. Здесь почитают золото, как божество» [Бестужев-Марлинский 1926: 37].

Позднее в Петербурге Бестужев познакомился с Адамом Мицкевичем, Осипом Ежовским и Франциском Малевским. Знакомство произошло у О. И. Сенковского [Измайлов 1926: 99]. Тесное общение продолжалось вплоть до отъезда Мицкевича, о чем говорит, к примеру, запись в дневнике Бестужева от 31/12 1824 года: «Вечером до 11 часов у нас сидели Мицк[евич], Еж[овский] и Малев[ский]. Пили за новый год» [Бестужев-Марлинский 1926: 70]. Несмотря на то, что с отъездом Мицкевича из Петербурга его контакты с Бестужевым оказались прерванными, русский писатель и польский поэт в своем творчестве не раз вспоминали друг о друге. Бестужев в повести «Испытание» (1830), в новелле «Фрегат «Надежда»» (1833), в письме к брату Петру от 10 января 1829 г. из Якутска (Бестужев цитирует Мицкевича [Бестужев 1951: 535]), Мицкевич – в известном стихотворении «Do przyjaciół Moskali» [Henzel 1963: 269], [Mucha 1974: 160–161].

1.3.2. Обращения к польской теме в литературно-критическом творчестве А. А. Бестужева-Марлинского были отмечены как польскими, так и русскими литературоведами [Henzel 1963], [Mucha 1974], [Прокофьева 1990]. В 1822 г. на страницах журнала «Сын Отечества» Бестужев публикует в разделе «Критика» статью, в которой упоминает «Мышеиду» Красицкого, а также, подводя основу под высказанные суждения, ссылается на свое знание

польского языка: «Имея некоторые сведения в языке Польском и в наречии, употребительном теперь на Белой Руси и в Литве у простого народа...» [Бестужев-Марлинский 1822: 161].

В статье 1832 г. «В ответ на критику “Полярной звезды”» Бестужев упоминает «Исторические песни» Немцевича, говоря о них как об образце данного жанра: «... дума не всегда есть размышление исторического лица, но более *воспоминание автора* о каком-либо историческом происшествии или лице <...> Лучшие думы Немцевича в том порукою. Далее, в польской словесности дума не составляет особого рода: поляки сливают ее с элегиею» [Бестужев-Марлинский 1977: 59].

Кроме обращений Бестужева к польской литературе, также фиксируют его осведомленность в польской историографии. В статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», характеризуя журнал «Северный архив», Бестужев упоминает о помещенном в нем отзыве Иоахима Лелевеля, польского историка, на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина: «Там же [в журнале «Северный архив». - Н.С.] «Критика» Лелевеля на «Историю государства Российского» была приятным и редким феноменом в областях словесности; беспристрастие, здравый ум и глубокая ученость составляют ее достоинство» [Бестужев-Марлинский 1960: 270]. В данном обзоре Бестужев также несколько слов говорит и о С. Линде: «Г-н Линде перевел на польский все статьи, до истории русской литературы касающиеся, и приложил при переводе книги о том же предмете г. Греча» [Бестужев-Марлинский 1960: 270–271]. Линде, польский литератор, сделал перевод на польский не только упомянутой Бестужевым книги Греча, но и других статей: «...издание собственного перевода «Опыта краткой истории русской литературы» Николая Греча вместе с приложением, содержащим перевод 11 статей Н. Карамзина, К. Батюшкова, П. Вяземского и А. Бестужева» [Mucha 1974: 162]. В примечаниях к повести «Роман и Ольга» Бестужев ссылается на работу Т. Швецкого, известного в то время историка,

географа и геральдика [Mucha 1974: 162], «Описание древней Польши» (Tomasz Świącki «Opis starożytnej Polski»).

1.3.3. Польша и поляки в повестях А. А. Бестужева-Марлинского.

Героями повестей Бестужева нередко становились поляки. В повести «Изменник» (1825), по мнению польских литературоведов, «поляки представлены <...> с большой долей объективизма» [Henzel 1963: 270]. Подобный «объективизм» заключается в том, что и поляки, и русские охарактеризованы автором в соответствии со своими действиями: «Особого внимания заслуживает характер отношения в повести к событиям, связанным с деятельностью Лжедмитрия II и Лисовского. Польская вооруженная интервенция в борьбе за московский трон должна была получить однозначную негативную оценку писателя-патриота. В диалогах во второй главке Бестужев поместил обвинение «польской голытьбы», разоряющей церкви и наполняющей карманы похищенным золотом. Однако одновременно в другом месте, в описании лагеря Лисовского в пятой главке, писатель отмечает, что шляхта совершила самовольно набег, «без воли сейма, против воли короля». Показывая лагерь Лисовского, писатель избежал сгущения красок, нагромождения черных тонов и характеров; острое осуждения обратил прежде всего против тех из числа русских, которые из-за личной корысти примкнули к польским отрядам. В повести Бестужева Лисовский, как и Сицкий, является романтическим героем; его душа пылает бурными чувствами и сильными страстями; в его сердце суровость соединяется с возвышенностью и благородством. В образе Лисовского и эпизодических образах Казимира и Яна, появляющихся в заключительной сцене повести, Бестужев показал характерные, в его понимании, черты польской шляхты: высокомерие и своеволие вместе с храбростью, искренностью и прямодушием» [Henzel 1967: 96].

Воевода Лисовский изображен отважным и мудрым воином: «Крепкий склад и суровое, загорелое лицо показывали в Лисовском обстрелянного воина, а быстрые глаза и думные на челе морщины – опытного вождя»

[Марлинский 1838а: 142]. Однако в повести отмечена и такая черта литовского воеводы, как «властолюбие» [Марлинский 1838а: 144].

Если Лисовский и наделен положительными чертами в повести, то действия всей польской шляхты, напавшей на Русь, отмечены буйством, своевољством и грабежом: «Польская шляхта, своевољно наехавшая на Русь, служить себе, без воли сейма, против воли короля. Они гордо похаживают, крутя усы и отбрасывая назад рукава своих контушей, клянясь и хвастая ежеминутно» [Марлинский 1838а: 141]. Подобную характеристику получала польская шляхта во всех русских повестях и романах о Смутном времени. Однако не меньшего порицания со стороны автора повести «Изменник» заслуживают сами русские изменники, отступники, которые примкнули к польским «гультаям» (*hultaј польск.* негодяй), «алкая корысти» [Марлинский 1838а: 141], «для добычи и славы» [Марлинский 1838а: 142].

В повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (1830) два героя, артиллерийский ремонтер и молодой гусарский офицер, рассказывают свои истории, события которых разворачивались на территории Польши и Литвы. Произошедшее с дядей артиллериста случилось в 1794 году, во время восстания Тадеуша Костюшко. Двуличность и хитрость поляков смогли усыпить внимание русских и помогли осуществиться Варшавской заутрене. Рассказчик подмечает такие черты поляков, как гордость хвастовство, дерзость. Однако не забывает артиллерист и о традиционном польском гостеприимстве, повествуя о случившемся с дядей в замке у «краснощеких весельчаков» [Марлинский 1838: 83], как он называет поляков, а также о прекрасных польках. Не остается незамеченным в рассказе артиллериста и действия русских на занимаемых ими квартирах в Польше, характером которых автор частично оправдывает ту неприязнь, которую поляки испытывали к русским и были «не слишком рады незванным гостям» [Марлинский 1838: 70].

В рассказе молодого гусарского офицера показано польское семейство, которое описано, вероятно, по собственным воспоминаниям Бестужева о

семье Войдзевича. Глава семейства назван «добрым старосветским поляком» [Марлинский 1838: 100].

В повести «Наезды» Бестужева отражены события 1613 года, когда Смута окончилась избранием на русский престол Михаила Федоровича Романова. Сюжет разворачивается на польской территории, что позволило автору детально изобразить быт польских панов: внутреннее убранство комнат, обеды, танцы и вечера. Не остается не отмеченным и польское гостеприимство.

Типаж польского пана в повести воплощает образ Станислава Коллонтая: «Станислав Колонтай, старик лет за шестьдесят, тучный, подагрический и, как водится при богатстве и недуге,- весьма причудливый и своенравный, сидел под широким навесом на крыльце своего неуклюжего палаццо. Все сказанные достоинства выражались на желтом его лице, и длинные седые усы, которыми он подергивал беспрестанно, придавали еще более кислоты его физиономии. На нем надета была, как на китайском мандарине, желтая однорядка со множеством пуговиц, подпоясанная очень низко, ровно по обычаю польскому и для того, чтобы поддерживать двухъярусный его живот. Ноги, обутое в плисовые сапоги, покоились на подушке» [Марлинский 1838в: 49].

Образ поляка Льва Коллонтая, сына Станислава Коллонтая, содержит в себе больше свойств романтического героя, чем общенациональных польских черт. Если сравнить образы Льва Коллонтая из повести «Наезды» и Владимира Сицкого из повести «Изменник», можно заметить сходство, которое проявляется в той предыстории, которую дает автор своим героям.

В повести «Наезды» от лица князя Серебряного обосновано право русских на западные территории: «русские не отказались еще от края, который в старину принадлежал им» [Марлинский 1838в: 24].

Таким образом, показав разные черты национального характера поляков, Бестужев смог избежать односторонности во взгляде на западного соседа.

1.3.4. Позиция А. А. Бестужева-Марлинского по «польскому вопросу» после польского восстания. Во время ссылки на Кавказе Бестужев продолжал общение с поляками: с Войцехом Потоцким, на квартире которого жил, с Романом Сангушко, со студентами виленского университета Ф. Н. Лисовским, К. И. Зах, А. Ф. Тршасковским [Прокофьева 1990: 36].

Необходимо отметить, что после Ноябрьского восстания польская тема исчезает из произведений Бестужева-Марлинского. На само же восстание Бестужев откликается достаточно резко, высказывая в одном из писем свое мнение, совпадающее с тем, которого придерживалась в подавляющем большинстве русская общественность: «Третьего дня, получив тифлисские газеты, я был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не удастся променять пуль с панами добродзеями. <...> Однако только замечу, что Поляки никогда не будут искренними друзьями Русских: как ни корми волка. <...> Кровь зальет их, но навсегда ли? Дай Бог!» [Бестужев 1870: 505].

Итак, польская тема занимает важную составляющую в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского до 1831 г., что во многом обусловлено ранним знакомством писателя с польским бытом и поляками, общение с которыми продолжалось на протяжении всей его жизни.

1.4. Н. В. Гоголь

Н. В. Гоголь родился в Малороссии, в местечке Сорочинцы Полтавской губернии [Гоголь 2009–2010, 16: 7]. Уже по своему рождению Гоголь был приближен к польскому быту и польской культуре. Факт о польских корнях Гоголя является спорным¹⁰³.

¹⁰³ В некоторых работах все же указывается на польское происхождение Гоголя, которое, однако, никак не подтверждается авторами: И. Золотусский приводит слова деда Гоголя Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского без ссылки на источник [Золотусский 2005: 8]. Статья Ренаты Смирновой «Польские корни Гоголя» [Смирнова 2010] помещена И. А. Виноградовым в раздел апокрифических воспоминаний «по причине значительной временной дистанции, отделяющей описываемое событие от момента его фиксации» [Гоголь 2011–2013, 3: 968]. Так как нет прямых доказательств польского происхождения

В творчестве Гоголя образы поляков появляются в тех произведениях, в которых действие происходит на территории Украины и которые посвящены событиям из истории казачества. К таким произведениям относятся главы незавершенного исторического романа «Гетьман» (1830–1833), «Страшная месть» из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) и «Тарас Бульба» (1835, 1842). В основу сюжета этих трех произведений, связанных «идейно-тематически», положена «история Украины и казацко-польских войск» [Гоголь 2009–2010, 1: 635].

1.4.1. Образы поляков в романе «Гетьман» Н. В. Гоголя. В неоконченном историческом романе «Гетьман» поляки показаны, прежде всего, иноверцами и врагами православной веры. В одном из эпизодов польский шляхтич заявляет, что у еврея «еломок краше, чем ваша холопская вяра» [Гоголь 2009–2010, 7: 96]. Иван Острица вспоминает о том, как собирался воевать против ляхов: «Однако ж, хо<тя> грустная, а все-таки радость была, и печально и радостно. Больно было глядеть, как посмеивался католик православному народу, и вместе весело. Подожди<те>, ляхи, увидите, как растопчет тебя вольный, как степи, народ!» [Гоголь 2009–2010, 7: 113]. В одной из глав романа дается описание быта польского пана: «Жил он, как все нечистые польские паны живут: дом с утра до вечера ходенем ходил от вина и от песен, и далече прохватывала дрожь крещеного человека, когда он слышал раздававшиеся из лесу крики. Хлопцы из дворни его то и дело что наездничали по хуторам да обирали бедных жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать Божьи церкви, и такое делали...враг с ними! не хочу и говорить, что такое» [Гоголь 2009–2010, 7: 80].

В «Гетьмане» поляк представлен также щеголем. Герой Лапчинский вынужден был «переменить щегольской костюм свой на скромное одеяние козацкого десятника» [Гоголь 2009–2010, 7: 78]. Из малорусских драм XVII–XVIII вв. в неоконченный роман Гоголя перешла такая черта поляка, как

Гоголя, вероятнее всего, его дед Афанасий Гоголь-Яновский «причислил» себя к польской нации для получения дворянской грамоты [Гоголь 2009: 413].

трусость [Розов 1911: 141]. Польский шляхтич, испугавшись Остраницы, ищет поддержки своих воинов: «Малеваный шут струсил...» [Гоголь 2009–2010, 7: 97].

1.4.2. Образы поляков в сборнике повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» появляющиеся герои-поляки и их характеристики не отличаются от отмеченных выше. Как и в «Гетьмане», в повестях поляки названы «нечестивыми ляхами». Наряду с турками и татарами ляхи являются врагом украинского народа и православия. Казачество в повестях Гоголя превосходит поляков по силе, останавливая набеги нечестивых: «На другом берегу горит огонь и, кажется, вот-вот готовится погаснуть, и снова отсвечивается в речке, вздрагивавшей, как польский шляхтич в козачьих лапах» [Гоголь 2009–2010, 1: 159].

В «Страшной мести» небольшой фрагмент отражает быт и нравы польских панов. При сравнении данного отрывка с приведенным выше отрывком из неоконченного романа «Гетьман» можно отметить немало сходных деталей и черт польских панов: «На пограничной дороге, в корчме, собрались ляхи и пируют уже два дни. Что-то немало всей сволочи. Сошлись, верно, на какой-нибудь наезд: у иных и мушкеты есть; чокают шпоры, брякают сабли. Паны веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеваются над православием, зовут народ украинский своими холопьями и важно крутят усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавках. С ними и ксендз вместе. Только и ксендз у них на их же стать, и с виду даже не похож на христианского попа: пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым языком своим срамные речи. Ни в чем не уступает им и челядь: позакидали назад рукава оборванных жупанов своих и ходят козырем, как будто бы что путное. Играют в карты, бьют картами один другого по носам. Набрали с собою чужих жен. Крик, драка!..» [Гоголь 2009–2010, 1: 229].

В «Вечере накануне Ивана Купала» польский шляхтич, сватающийся к Пидорке, – богатый пан: «... к Коржу повадился ходить какой-то лях,

обшитый золотом, с усами, с саблею, со шпорами, с карманами, бренчавшими, как звонок от мешочка...» [Гоголь 2009–2010, 1: 118]. Интересно отметить, что, отказывая в сватовстве, поляку «дали под нос дулю», чем подчеркнута его «нечестивая» и «басурманская» натура. Также в повести отмечено щегольство польского пана: «...в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич...» [Гоголь 2009–2010, 1: 124].

Если в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» польские мотивы в тексте повествования появляются эпизодически и польская тема затронута лишь вскользь, то в «Тарасе Бульбе» столкновение польского и казацкого миров стало основой произведения: «В фантастическом мире «Вечеров» польские мотивы появляются мимоходом, зато в «Тарасе Бульбе» осью драматической конструкции является противопоставление двух враждующих лагерей: казацкого и польского» [Kępiński 1990: 196]¹⁰⁴.

1.4.3. Образы поляков в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя. В героической эпопее «Тарас Бульба»¹⁰⁵ в образах поляков-шляхтичей мы находим те же черты, что и в героях-поляках в «Гетьмане» и «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Изображение «ляхов» в «Тарасе Бульбе» отражает сложившийся стереотип поляка: «“Польские паны” щеголяют в красных и зеленых кунтушах и подкручивают пышные усы, они высокомерны, спесивы, хвастливы, вспыльчивы и несдержанны, словом и жестом все время выражают свое непримиримо враждебное отношение к Руси и России» [Kępiński 1990: 197]. Подобное изображение поляков в «Тарасе Бульбе» было предопределено несколькими причинами.

Образ поляка у Гоголя имеет сильное сходство с типом польского пана в малорусских драмах XVII–XVIII вв., что было отмечено В. А. Розовым. Как и в малорусских драмах поляки у Гоголя «тщеславны и хвастливы», желают

¹⁰⁴ Об оппозиции «свой/чужой» как основе повести «Тарас Бульба» подробнее см. в [Софронова 2012].

¹⁰⁵ Жанр «Тараса Бульбы» в книге [Гоголь 2009] определяется и как историческая повесть, и как героическая эпопея.

«казаться богатыми и знатными», «являются злостными и неутомимыми угнетателями малорусского крестьянства и козачества» [Розов 1911: 143–145]. Однако по сравнению с малорусской драмой Гоголь не лишает поляков «ни храбрости, ни доблести», не отказывает им и в патриотизме, но победа всегда остается за казаками [Розов 1911: 143].

К источниками проявления подобного стереотипа у Гоголя относится, как неоднократно было уже замечено литературоведами, украинский фольклор [Galster 1976: 608]. Обращает на себя внимание временное пространство «Тараса Бульбы», обнаруживающее сходства с временным пространством фольклора: «Прежде всего следует отметить, что «Тарас Бульба» – отнюдь не историческая повесть. Мотивы, обстоятельства, случаи и случайности, события, образы и персонажи украинско-польского прошлого (предположительно XV–XVII вв.) художественная фантазия писателя свела воедино и спроецировала в некое исторически неопределенное – как в фольклорном повествовании – временное пространство» [Липатов 2012: 38].

Также во время работы над текстом повести «Тарас Бульба» Гоголь обращался к историческим трудам: к «Истории Русов, или Малой России» (ее авторство не установлено [Тазбир 2002: 34]), «Истории Малой России» М. Д. Бантыш-Каменского, «Описанию Украйны» Г. де Боплана, украинским летописям Самовидца, Грабянки, «Истории о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся» князя С. И. Мышецкого [Гоголь 2009–2010, 1: 635].

Кроме того, авторская идея, выраженная в «Тарасе Бульбе», и жанровые характеристики произведения способствовали утробованию противостояния двух лагерей. Польский литературовед Богдан Гальстер обозначил жанр «Тараса Бульбы» как «ретроспективную утопию», согласно которой Гоголь прибег к идеализации Запорожской Сечи и намеренному «сгущению красок» при изображении враждебных поляков. Желание показать идеал «казацкой соборности» в контрасте со «структурой польского

общества» [Galster 1976: 608] предопределило построение Гоголем образов поляков. Столкновение и различие двух миров – польского и казацкого – также подчеркивается на уровне описания героев: «Польским роскошно убранным воинам противопоставляет Гоголь простоту снаряжения казаков» [Виноградов 2009: 601].

Также не стоит забывать те исторические события, во время которых создавался «Тарас Бульба»: именно в это время, после Ноябрьского восстания, в русском обществе набирали обороты антипольские настроения¹⁰⁶. Кроме того, еще живо было воспоминание о предательстве русских поляками, когда последние выступили в составе наполеоновской армии: «На изображении же в «Тарасе Бульбе» взаимоотношений казаков с «ляхами» не могло не отразиться участие Польши в войне 1812 года на стороне Наполеона (Польша стала тогда плацдармом для наполеоновского нашествия на Россию)...» [Виноградов 2009: 574–575].

Как можно заметить, польские литературоведы (к примеру, Б. Гальстер, А. Кемпинский, А. Орловский¹⁰⁷) при исследовании «Тараса Бульбы» акцентируют внимание в основном на «негативной» стороне образов поляков. Если разложить образ поляка в исторической повести «Тарас Бульба» на составляющие, то можно выделить следующие черты: 1) поляк в тексте в первую очередь является иноверцем и еретиком; 2) поляк – враг казаков, поляк угнетает казачество и насаждает унию; 3) поляк богат; 4)

¹⁰⁶ До польского восстания 1830 г. Гоголь подписывался двойной фамилией: «Вероятно, в связи с этими событиями с конца 1830 г. Гоголь перестал употреблять в письмах вторую часть своей фамилии – Яновский» [Гоголь 2009: 413].

¹⁰⁷ Я. Орловский соотносил объективное и личное, обусловившее построение польских образов: «Как видно, Гоголь, строгий судья нравственных пороков помещичьей и чиновничьей России, обнаружил недостаток сдержанности при вынесении обвинений в адрес старой Польши. В фигурах его казацких героев преобладал анахроничный и прямо враждебный фанатизм по отношению к католицизму, а также явная тенденциозность и сгущение темных красок в изображении ляхов. Можно только задуматься над тем, в какой степени то было художественная проекция сознания казака, а в какой степени выражалось отношение самого писателя к полякам. Тот исторический момент, в который появились гоголевские повести о прошлом казаков, склоняет скорее к выводу о том, что автор этими произведениями присоединился к тогдашней дискуссии по поводу польского вопроса, а образы Польши и поляков в «Страшной мести» соответствовали духу развернутой в России после Ноябрьского восстания антипольской кампании» [Orłowski 1992: 110].

поляк горд, высокомерен, хвастлив и тщеславен. В тексте можно найти подтверждение всем перечисленным характеристикам.

Универсальное описание поляка представлено в следующем образе: «бойкий и хвастливый лях, красовавшийся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи» [Гоголь 2009: 37]. Если проанализировать изображения поляков в «Тарасе Бульбе», то можно получить следующий ряд признаков, которыми как сам автор, так и герои наделяют поляков: «проклятые недоверки» [Гоголь 2009: 32]; «пустоголовая натура» [Гоголь 2009: 56]; «наибогатейший польский пан» [Гоголь 2009: 58]; «польские витязи, один другого красивей» [Гоголь 2009: 60]; «гордые шляхтичи» [Гоголь 2009: 61]; «подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами» [Гоголь 2009: 75]; «вражьи ляхи» [Гоголь 2009: 102].

Данное представление о поляках в героической эпопее Гоголя доминирует, но не является единственным. Как уже было указано В. А. Розовым, Гоголь не отказывает полякам в храбрости, патриотизме и военной смекалке [Розов 1911: 143]. Так, один из казаков вступает в схватку с «одним из храбрейших в польском войске» [Гоголь 2009: 62]. Поляки в ходе сражения не уступают казакам: «Свалил его знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского рода рыцарь. Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем. И многое уже показал боярской богатырской удали...» [Гоголь 2009: 62]. «Один молодой полковник, живая, горячая кровь» [Гоголь 2009: 103], брат польской панны, погибает в погоне за казаками.

Усиление общего негативного впечатления от образа поляков можно усмотреть и в описании тех пыток, которым поляки подвергают запорожцев. Однако автор «Тараса Бульбы» говорит также и о жестокостях самих казаков в отношении к польскому населению. Не оправдывая ни тех, ни других, Гоголь относит все их действия к «порождению тогдашнего грубого, свирепого века» [Гоголь 2009: 97].

Отдельного рассмотрения требует описание Варшавы: в XI главе изображен еврейский квартал и польское общество. Описание Варшавы остается без изменений во второй редакции «Тараса Бульбы» [Гоголь 2009: 537]. Гоголь был проездом в Варшаве с 7 по 13 июня (26 мая по 1 июня) 1840 г. вместе с В. А. Пановым [Гоголь 2009–2010, 16: 371], из письма которого к К. С. Аксакову от 2 июля (21 июня) 1840 г. мы узнаем о тех «примечательных окрестностях» [ЛН, 58: 592], которые Гоголю и Панову удалось объехать.

При анализе польской составляющей «Тараса Бульбы» необходимо обратить внимание на различие первой (1835 г.) и второй (1842 г.) редакций исторической повести. Во вторую редакцию Гоголь включил описание дома ковенского воеводы в Дубно (глава VI), описание богатого снаряжения польских воинов перед сражением (глава VII). Если в первой редакции Гоголь говорит о польском войске в целом, о военной тактике поляков, то во второй редакции останавливается на изображении внешности и поведения отдельных героев-поляков в сражении с запорожцами.

Сопоставление двух редакций представлено в таблице ниже:

Редакция 1835 г. ¹⁰⁸	Редакция 1842 г. ¹⁰⁹
И что ксендзы ездят из села в село в таратайках, в которых запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христиане. (с. 128)	... и ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан. (с. 77)
нечистое католичество (с. 128)	—
—	... померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи.

¹⁰⁸ Текст редакции 1835 г. приведен по изданию [Гоголь 2009].

¹⁰⁹ Текст редакции 1842 г. приведен по изданию [Гоголь 1937–1952].

	(с. 84)
—	Андрій невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках, поступавших с ними бесчеловечней, чем с жидами. (с. 96)
—	У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может-быть, сегодня же все они выйдут из ворот. (с. 109)
—	католические недоверки (с. 133)
—	Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. (с. 134)
—	...подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами (с. 134)
—	Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. (с. 137)
Еще у бусурмена есть совесть и страх Божий, а у католичества и не было и не будет. (с. 142)	—
Войска польские, всегда отличавшиеся нетерпеливостью, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцев не облегчила их. (с. 146)	—

нечестивые католики (с. 148)	—
проклятые ляхи (с. 150)	проклятые ляхи (с. 151)
Но король не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недалководностью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правления. (с. 160)	Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление. (с. 164)
вражьи ляхи (с. 163)	вражьи ляхи (с. 169)
Начальствовавший ими полковник, молодой, неустрашимый до безрассудности (он был брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия), без дальнего размышления решился повторить и себе то же, и, желая подать пример своему отряду, бросился вперед с конем своим... (с. 165)	Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками... (с. 171)

По итогам проведенного сопоставления и анализа можно отметить, что во второй редакции по сравнению с первой Гоголь уделил значительно больше внимания описанию польского быта и поляков. Мнение о том, что во второй редакции «Тараса Бульбы» усилена антипольская направленность¹¹⁰, в результате проведенного анализа подтверждения не нашло. Напротив, Гоголь в изображение поляков добавляет новые акценты и подчеркивает их

¹¹⁰ К примеру, польский литературовед Богдан Гальстер по поводу различий первой и второй редакции пишет, что во второй редакции произведения, которая создавалась в 1839–1842 гг., на первый план вышли «исключительно острые и односторонние антипольские формулировки» [Galster 1976: 608].

храбрость и знатность. Подобный вывод позволяет согласиться с утверждением А. В. Марчукова о том, что «во второй редакции Гоголь отходит от прямолинейных антипольских установок, присутствовавших и в первой редакции, и в «Страшной мести», и показывает католический мир (мир врага!) красивым, вызывающим сострадание и даже одухотворенным» [Марчуков 2011: 212].

1.4.4. Польша и поляки в жизни Н. В. Гоголя. Тема «Гоголь и Польша» не ограничивается анализом его литературных произведений. Гоголь также живо интересовался современной ему польской литературой, которую представлял, прежде всего, Адам Мицкевич. Когда произошло личное знакомство Гоголя с Мицкевичем, точно неизвестно¹¹¹. В письме из Рима к А. С. Данилевскому от 11 (23) апреля 1838 г. Гоголь упоминает о «Пане Тадеуше» Мицкевича: «Еще: пожалуйста, купи для <меня> новую поэму Мицкевича, удивительнейшую вещь, Пан Тадеуш. Она продается в польской лавке...» [Гоголь 2009–2010, 11: 138]¹¹².

Из поляков Гоголь был знаком с Адамом Мицкевичем и Иеронимом Кайсевичем. В этом же контексте среди польских знакомых Гоголя упоминают и Петра Семененко с Богданом Залесским, однако последние по происхождению были украинцы [Гоголь 2011–2013, 2: 24, 26]. Во время своего пребывания в Париже Гоголь не раз встречался с Мицкевичем. По данным «Летописи жизни и творчества Н. В. Гоголя» в ноябре-декабре 1836 г. Гоголь «встречался с А. Мицкевичем, Б. Залесским» [Гоголь 2009–2010, 16: 275]. Январь-февраль 1837 г. Гоголь провел «в Париже в обществе А. С. Данилевского, А. О. и Н. М. Смирновых, А. И. Тургенева, А. Мицкевича, Б. Залесского» [Гоголь 2009–2010, 16: 275].

Позднее, в июле-августе 1843 г., «Гоголь ездил в Карлсруэ для встречи с А. Мицкевичем» [Гоголь 2009–2010, 16: 495]. Об этой встрече рассказывает А. О. Смирнова-Россет в своих «Воспоминаниях о Н. В. Гоголе»: «Думали

¹¹¹ По предположению И. А. Виноградова, Гоголя с Мицкевичем познакомил весной 1829 г. В. И. Любич-Романович [Гоголь 2011–2013, 3: 986].

¹¹² Данное упоминание отмечено в статье [Szmydtowa 1973].

уважить великого князя и запретили Мицкевичу ехать в Баден, что рассердило великого князя. Он мне сказал: «Что мне за нужда, что Мицкевич будет в Бадене, не съест же он меня!» Гоголь к нему поехал в Карлсруэ. Вернувшись, он мне сказал, что Мицкевич постарел, вспоминает свое пребывание в Петербурге с чувством благодарности к Пушкину, Вяземскому и всей литературной братии» [Смирнова-Россет 1989: 54].

В Риме 17 (5) марта 1838 г. произошла «первая встреча Гоголя с Петром Семененко и Иеронимом Кайсевичем¹¹³ – польскими эмигрантами, членами католического ордена воскресенцев, пытавшимися склонить его перейти в католичество» [Гоголь 2009–2010, 16: 294]. В марте-апреле 1838 г. Гоголь встречался с Петром Семененко и Иеронимом Кайсевичем на вилле княгини З. А. Волконской [Гоголь 2009–2010, 16: 294].

Здесь встает вопрос о том, знал ли Гоголь польский язык. По замечанию В. И. Шенрока, приводившего свидетельства А. С. Данилевского, «Гоголь не знал польского языка» и с Адамом Мицкевичем и Богданом Залесским общался на русском или украинском [Шенрок 1895: 166]¹¹⁴. В подтверждение можно указать на письмо Гоголя Богдану Залесскому (вторая половина февраля 1837 года), которое было написано по-украински [Гоголь 2009–2010, 11: 96–97]. Однако необходимо иметь в виду, что Б. Залесский был «уроженцем Украины» [Гоголь 2011–2013, 2: 26]. Возможно, именно поэтому Гоголь пишет Залесскому письмо на украинском.

Есть прямые указания Петра Семененко на то, что Гоголь знал польский язык. В письме Б. Яньскому от 15 марта (н. ст.) – 3 апреля (н. ст.) 1838 г. из Рима П. Семененко замечает, что Гоголь «умеет по-польски, т.е. читает» [Гоголь 2011–2013, 2: 21]. Также Семененко с Кайсевичем советовали Гоголю почитать М. Мохнацкого «ради языка и стиля», что «особенно увлекло Гоголя, ибо он хотел бы проникнуться силою польского

¹¹³ О знакомстве Гоголя с И. Кайсевичем и П. Семененко см. раздел «Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко» в [Гоголь 2011–2013, 2: 21–29].

¹¹⁴ Об этом же см. также «Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока» в [Гоголь 2011–2013, 1: 517].

языка» [Гоголь 2011–2013, 2: 21]. В другом письме Б. Яньскому от 22 апреля (н. ст.) 1838 г. из Рима Семененко говорит о том, что И. Кайсевич читал по-французски свой сонет, посвященный Гоголю, у З. А. Волконской, «но Гоголь и по-польски немало понимает» [Гоголь 2011–2013, 2: 23].

Сведения о знании Гоголем польского П. Семененко и В. И. Шенрока не являются противоречивыми: Гоголь, вероятно, «не мог объясняться по-польски» [Гоголь 1901: 431], т.е. разговаривать на этом языке, но мог по-польски читать, что следует из писем и дневника П. Семененко¹¹⁵.

При изучении литературных контактов Гоголя с польскими поэтами также предметом рассмотрения становятся литературные параллели. В этом контексте рассматривают сочинения Гоголя и польского писателя Ю. Крашевского [Плохотнюк 2007], «Петербургские повести» Гоголя и вступление к III части «Дзядов» А. Мицкевича [Galster 1987: 209–234]. Найденные сходства в изображении (например, Петербурга) являются, по мнению исследователей, сходствами типологическими и не могут однозначно говорить о влиянии одного автора на другого.

Итак, образ поляка в произведениях Н. В. Гоголя был сформирован под воздействием как исторических, так и фольклорных источников. Кроме того, оказали влияние украинские интермедии XVII–XVIII вв., а также нельзя сбрасывать со счетов те исторические события (война 1812 г. и Ноябрьское восстание), на фоне которых создавались рассмотренные произведения. Кроме того, можно отметить, что литературные контакты Н. В. Гоголя с Польшей и поляками были обширны и весом его вклад в формирование представлений русских о поляках.

1.5. О. И. Сенковский

О. И. Сенковский был поляк по происхождению. Все его предки были «кровные поляки, гордившиеся своим шляхетством» [Соловьев 1892: 32]. О польских корнях Сенковского часто вспоминали его современники. Поляки

¹¹⁵ Кроме того, в произведениях Гоголя присутствует большое количество полонизмов, на которые указывают исследователи [Ананьева 2012].

бросали в его адрес обвинения, русские относились с осторожностью, помня о его национальности: «Поляки часто упрекали Сенковского в отступничестве, русские люди не менее часто заподозревали его в лицемерии и третировали его как ренегата. В доносах Булгарина не раз упоминается о *поляке* Сенковском; министр народного просвещения, граф Уваров, также не прочь был поставить ему в вину его польское происхождение. <...> Мицкевич называл Сенковского ренегатом» [Соловьев 1892: 32–33].

В литературной полемике с Сенковским критики использовали тот же аргумент, что и в литературных спорах с Булгариным, вспоминая о его польском происхождении. Если Сенковский поляк, значит, он не может авторитетно судить о произведениях русской литературы. Так, В. Г. Белинский в статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке», отвечая на критику Сенковского по поводу «Мертвых душ» Гоголя [Сенковский 1842], от лица господина А утверждает, что Сенковский не знает русского языка, и намекает на его польское происхождение: «Но вот следует самое убедительное доказательство, как силен наш рецензент в русском языке, - послушайте: "Во всех словенских языках, какие я знаю, *нос* имеет в родительном падеже *носа*, а *шум*, *ветер* и *дым* имеют *шуму*, *ветру*, *дыму*". Скажите, бога ради, что это такое: шутка, мистификация или просто "пыхтение"? Я не знаю, да и знать не хочу, как в польском или другом славянском языке склоняются в родительном падеже слова: *нос*, *шум*, *ветер* и *дым*; но как природный русский, знаю достоверно, что слова эти в русском языке принимают в родительном падеже окончание равно и а и у, а когда которое именно, на это нет постоянного правила, но это слышит ухо природного русского, слышит и никогда не обманывается. Всякий русский скажет, как у Гоголя: "Волос, вылезший из носу", и ни один русский не скажет: "Волос, вылезший из носа". Точно так же должно говорить *порывы ветра*, а не *порывы ветру*. Итак, знание других языков не послужило рецензенту облегчением в знании языка русского, и он с горя вздумал

перекраивать русский язык на свой лад и, не зная его, принялся учить ему русских!...» [Белинский 1953–1959, 6: 354].

С 1831 по 1833 гг. Сенковский был редактором польского журнала «*Bałamut Petersburski*». Завершение работы Сенковского в журнале «*Bałamut Petersburski*» совпало с необходимостью определить свое отношение к «польскому вопросу» и дистанцироваться от него как можно дальше, что он и сделал в «Большом выходе у Сатаны»: «Главной причиной выхода Сенковского из «Баламута» были узкие рамки журнала, что не удовлетворяло высокие амбиции редактора, а также желание играть новую роль – русского писателя и журналиста. Тогда же изменилось его отношение к Польше и полякам. Перед 1831 годом Сенковский занимал выжидательную позицию, он не мог окончательно отказаться от польских контактов и симпатий, хотя они и являлись препятствием для его карьеры. Полный разрыв с Польшей наступил после публикации «Большого выхода у Сатаны» (1833) – пасквиля на Ноябрьское восстание и Лелевеля. Это литературное и политическое кредо барона Брамбеуса, выражающее его солидарность с политикой Николая I, было эпитафией на могиле польского ученого Юзефа Сенковского. На его месте появился Осип Иванович Сенковский, русский журналист и беллетрист, решивший все посвятить своей новой карьере» [Piwowarska 1986: 56].

В «Большом выходе у Сатаны» обер-председатель мятежей и революций докладывает о трех затеянных им возмущениях. Читатель без труда понимает, что речь идет о революциях во Франции, Бельгии и Польше. О последней в тексте говорится в презрительно-насмешливом тоне: «Потом я пошевелил ещё один народ, живший благополучно на сыпучих песках по обеим сторонам одной большой северной реки. Вот уж был истинно забавный случай! Никогда ещё не удавалось мне так славно надуть людей, как в этом деле: да, правду сказать, никогда и не попадался мне народ такой легковёрный. Я так искусно настроил их, столь вскружил им голову, запутал все понятия, что они дрались как сумасшедшие в течение нескольких

месяцев, гибли, погибли и теперь ещё не могут дать себе отчёта, за что дрались и чего хотели» [Сенковский 1858–1859, 1: 401].

Таким образом, будучи поляком, Сенковский испытывал те же нападки современников, что и Булгарин, когда дело касалось литературной полемики. Как и Булгарин, Сенковский напоказ демонстрировал свою благонамеренность, за что и вынужден был выносить обвинения поляков. В своих сочинениях Сенковский говорил о Польше крайне редко, а процитированный отрывок, возможно, является самым развернутым суждением Сенковского по поводу «польского вопроса».

1.6. В. И. Даль

В. И. Даль участвовал в русско-польской войне 1830–1831 гг., поэтому не мог не выразить свое мнение по поводу происходящих событий: «Отношение Даля к Ноябрьскому восстанию было отмечено убежденностью в его бессмысленности, учитывая неравенство сил. Свое мнение писатель основывал на вере в военную мощь России. <...> Однако вера в силу России не повлекла за собой дискредитацию поляков. Завоевание Варшавы было встречено Далем без восторга» [Listwan 1986: 524]. Отношение Даля к полякам и его позиция в решении «польского вопроса» нашли отражение в рассказе «Подольянка».

Даль в рассказе описал быт поляков на примере быта одного польского семейства в Каменец-Подольском. В тексте находим как устоявшиеся, стереотипные, суждения во взгляде на поляков, так и мнения, приобретенные Далем во время тесного общения с ними. Ванда, героиня рассказа, как любая польская панна хороша собой, но в ее портрете проскальзывают мотивы, не свойственные стереотипному образу польки: «А Ванда, старшая дочь, разливала вокруг себя голубыми очами своими утешение, мир и спокойствие...» [Даль 1839: 68].

Брат Ванды присоединяется к Дверницкому и воюет против русских. Жених Ванды сначала предстает читателю как «молодой Поляк» с «лицом

молодецким и мужественным <...>, даже слишком удалым» [Даль 1839: 73–74]. Автор называет его «изменником», но в действительности он оказывается «человеком образованным, с умом и чувством» [Даль 1839: 92, 94].

В описании отступления польских войск прослеживаются те же мотивы и детали, что и в официальных документах периода польского восстания и русско-польской войны 1830–1831 гг.: «Польская пехота была в фуражках; а это против конницы очень невыгодно; все полетело; неприятель спасался, кто и куда мог. Тут повозка, там конь, здесь ружье, тут ранец, тесак, сума; тут раненый, опершись на локоть, стонет в крови; здесь верховой ведет пару пленных, которые проклинаят судьбу свою и попрекают друг друга в большей степени вины или участия; здесь какой-то отчаянный наездник во фраке и круглой шляпе отстреливается и отмахивается от двух гусаров, которые, нахлобучив кивера, налетели, и с него, как говорится, только палки посыпались» [Даль 1839: 77–78].

Стереотипные черты поляков («хитро и осторожно метал Дверницкий круги и петли» [Даль 1839: 77]; «поляки были сначала грубы, дерзки, кричали и козыряли» [Даль 1839: 88]) соседствуют с описанием поведения русских с пленными: «Один гусар взял, в глазах моих, офицера и снял было с него тонкую шинель; но товарищ гусара вырвал у него ее из рук, отдал пленнику и сказал: “а как тебя дурака возьмут завтра, да сымут с тебя рубаху?”» [Даль 1839: 78].

Много места в рассказе «Подольянка» отведено Далем описанию Кракова и его окрестностей, начинающегося со слов: «Древний Краков и окрестности его занимательны. Всюду бытописательные, сказочные и баснословные воспоминания; каждый предмет говорит о старине незапамятной» [Даль 1839: 88].

Итак, В. И. Даль соприкоснулся с польской темой во время участия в русско-польской войне 1830–1831 гг. Его взгляд на происходящие события не отличался от превалирующего в русском обществе в то время. Понимая

вынужденность подавления восстания, не признавал характер применяемых мер. В восприятии Польши и поляков В. И. Даль отразил русский стереотип, который в рассказе «Подоляка» оказался дополненным его собственными впечатлениями от общения с поляками.

1.7. И. С. Тургенев

Все известные суждения И. С. Тургенева по «польскому вопросу» касаются времени польского восстания в 1863 г. и высказаны им, главным образом, в переписке. В «польском вопросе» Тургенев придерживался особой позиции: будучи против восстаний и государственных потрясений и считая, что изменения должны происходить путем реформ, он все же не «отрицал прав польского народа на собственную государственность» [Barański 1969: 262]. Знакомства Тургенева с поляками так же относятся ко второй половине XIX в. Так, например, Тургенев был лично знаком с Ю. Крашевским¹¹⁶.

Коснулся Тургенев польской темы и в своем творчестве: в повестях «Затишье» (1854) и «Первая любовь» (1860) показаны образы поляков.

В повести «Затишье» один из второстепенных героев – поляк Стальчинский. В повести прямо не названа национальность героя, но читатель без труда догадывается, о ком идет речь по косвенным замечаниям, вплетенным в текст повести: «промолвил он по-французски очень вежливо и с нерусским выговором»; «этот господин с берегов Вислы» [Тургенев 1978–2003, 4: 426, 434]. Характеристику Стальчинскому дает одна из героинь повести: «Он у губернатора служит, очень любезный молодой человек. Он не здешний. Немножко фат, но это у них всех в крови» [Тургенев 1978–2003, 4: 428].

О чертах Стальчинского узнаем мы также по манере его общения: подчеркивается, что он «раздул ноздри» или «ответил с важностью» [Тургенев 1978–2003, 4: 426]. В поведении Стальчинского прослеживается склонность к показным жестам и пустозвонству, которые тут же комически

¹¹⁶ Об этом подробнее в [Żyga 1965: 65]. Об отношении Тургенева к «польскому вопросу» см. также в [Trochimiak 1980].

принижаются: «Стельчинский вскочил вдруг, весь красный, на стол и, высоко подняв над головою стакан, воскликнул громко <...>, выпил вино, разбил стакан о пол <...>. Стельчинский, <...> у тебя же и сапоги прескверные...» [Тургенев 1978–2003, 4: 436]. Стельчинский вызывает на дуэль Астахова, но затем под давлением одного из героев легко отказывается от задуманного: «Стельчинский вспыхнул, начал говорить, что это интимидация, что он никому не позволит вмешиваться в его дела, что он не посмотрит ни на что... и кончил тем, что покорился и отказался от всяких покушений на жизнь Владимира Сергеевича» [Тургенев 1978–2003, 4: 437]. В конце повести читатель узнает, что Стельчинский в Европе и зарабатывает на жизнь, играя в карты.

В повести «Первая любовь» Тургеневым введен в повествование еще один поляк – граф Малевский: «...возразил с легким польским акцентом граф, очень красивый и щегольски одетый брюнет, с выразительными карими глазами, узким белым носиком и тонкими усиками над крошечным ртом <...> белая, перстнями украшенная рука...» [Тургенев 1978–2003, 6: 319]. Несмотря на то, что Малевский умен, что подчеркивается автором, в его поведении прослеживается «хитрость» и «фальшивость».

Если Стельчинский оказывается безобидным героем, хотя и хвастуном, то Малевский опасен. Именно он является автором анонимного письма, в котором раскрываются отношения отца Владимира и Зинаиды. Характерно, что Зинаида незадолго до этого, пытаясь угадать на вечере, как каждый из присутствующих поступил бы со своим соперником, говорит, что Малевский бы «поднес ему отравленную конфетку» [Тургенев 1978–2003, 6: 346].

В характере графа Малевского подчеркнута и такая черта, как самодовольство, которая является типичной чертой поляка в представлении русских. Кроме того, как и в случае со Стельчинским в повести «Затишье», граф Малевский показан Тургеневым опытным игроком-картежником (возможно даже шулером): «Граф Малевский показывал нам разные

карточные фокусы и кончил тем, что, перетасовавши карты, сдал себе в вист все козыри...» [Тургенев 1978–2003, 6: 321].

Итак, как решал Тургенев «польский вопрос» в 40-50-е гг., точно неизвестно. Затрагивая польскую тему в своих повестях, Тургенев рисовал образы поляков, которые приобретали в его произведениях новые детали и новые черты по сравнению с текстами 30-40-х гг. Тургенев выразил свою позицию по «польскому вопросу» позднее в 60-е гг. после польского восстания 1863 г.

2. Польские типажи в русском историческом романе конца 1820-х–начала 1840-х гг.

Конец 1820-х–начало 1840-х гг. в истории русской литературы ознаменован развитием прозы и появлением нового типа читателя и писателя¹¹⁷. Процесс беллетризации литературы сопровождался ростом популярности исторического романа¹¹⁸, развитие и расцвет которого приходится на 1830-е гг. Поэтика этого жанра предусматривала заданность сюжетных ходов, литературных приемов и наличие типажных героев.

Под термином «тип» мы понимаем «образ, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории» [ЛЭТП: 1074]. Понятие «типаж» тесно связано с понятием «стереотип». В их основе – обобщенные убеждения и коллективные представления. Следующим образом, например, А. Кемпинский определяет понятие «стереотип» в своей монографии: «Стереотип – фиксация обобщенных убеждений и коллективных представлений, вытекающих из характера народа (автостереотипа) и содержащих одновременно коммуникативно-прагматические интенции и мотивированность оценок» [Kępiński 1990: 10–11]. Если «типаж» – понятие литературоведческое, то понятие «стереотип» более широкое и относится ко всей сфере гуманитарных наук. Типажей можно выделить несколько, но стереотип

¹¹⁷ Об этом подробнее см. [Жуковская, Мазур, Песков 1998: 37].

¹¹⁸ Об этом подробнее см. [Ребеккини 1998: 426]

всегда один, историю изменения которого можно проследить. В основе стереотипа – неизменный комплекс признаков, черт, сопровождаемый набором меняющихся коннотаций.

Стереотип – явление междисциплинарное, привлекавшее исследователей многих областей знания. В лингвистике стереотип национального характера – «представление о национальном характере того или иного народа, входящего в языковую картину мира» [Кобозева 2007: 185]. «Национальный стереотип», «национальный характер», «автостереотип», национальная идентичность – понятия смежные и взаимозависимые [Фалькович 2000а: 115].

Если обобщить определения стереотипа в научных работах (У. Липпмана, Г. Аллпорта, Т. В. Адорно, А. Шаффа), то можно выделить следующий ряд признаков: «1) стереотипы являются важным компонентом в интеграции общества; найти их можно в мотивировках общественных действий, в идеологии, а также в политической пропаганде; 2) стереотип является мнением – негативным или позитивным – основанным на предубеждении; 3) стереотип берет свое начало в обществе; стереотип как выражение общественного мнения передан отдельной личности семьей, а также <...> общественным окружением независимо от ее личного опыта; 4) стереотип эмоционально нагружен (негативно или позитивно); 5) стереотип полностью противоречит фактам либо лишь частично соответствует правде, но всегда представлен как полностью истинный; 6) стереотип остается неизменным на протяжении долгого периода времени. Это происходит потому, что стереотип не зависит от фактического опыта людей» [Berting, Villain-Gandossi 1995: 14–15].

В нашей работе стереотип как явление не стал предметом изучения. Мы опирались на предшествующие научные труды¹¹⁹, рассматривавшие

¹¹⁹ Проблема стереотипа поляка в сознании русских часто привлекает внимание исследователей. Впервые данный вопрос получил теоретическое обоснование и последовательный анализ в монографии Анджея Кемпинского «Лях и Москаль. Из истории стереотипа» (Варшава-Краков, 1990) [Kępiński 1990]. Продолжено изучение

стереотип поляка в сознании русских, и специально эту проблему в настоящей работе не исследовали¹²⁰.

Для соотнесения понятий «стереотип» – «типаж» – «образ», на наш взгляд, необходимо уяснить, что польские типажи основываются и берут начало в стереотипе польского национального характера. Кроме того, как

вопроса в монографии Антони Гизы «Поляки и русские. Взаимное видение в кривом зеркале(1800–1917)» (Шчечин, 1993) [Giza 1993]. В 1990-е и 2000-е гг. данная тема стала предметом многих статей и сборников о взаимном восприятии поляков и русских: Душенко К. «Поляк и поляка в глазах русских» [Duszenko 1995]; Новак Е. «Слова запретные и забытые: что такое антиполонизм?» [Nowak 1997]; Фалькович С. М. «Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка» [Фалькович 2000]; Фалькович С. М. «Основные черты польского национального характера в представлениях русских (эволюция стереотипа)» [Фалькович 2000а]; Левкиевская Е. Е. «Стереотип поляка в русской литературе XIX–XX веков» [Левкиевская 2000]; Левкиевская Е. Е. «Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв.» [Левкиевская 2002]; Липатов А. В. «Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество)» [Липатов 2002]; Фалькович С. М. «Представление русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа» [Фалькович 2002]; А. Скиштек «Польша-Россия – стереотипы» [Skrzypek 2002]; Флоря Б. Н. «К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени» [Флоря 2002]; Хорев В. А. «Стереотип Польши и поляков в русской литературе накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г.» [Хорев 2005]; Пичугин Д. «Заложники истории – у истоков негативного стереотипа Польши и поляков в русской литературе» [Piczugin 2006]; Монахова М. О. «Стереотип поляка и Польши в русской литературе XIX века» [Монахова 2011]; «Поляки в глазах русских – Русские в глазах поляков» [Polacy w oczach Rosjan 2000]; «Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание» М., 2000 [Поляки и русские 2000]; Поляки и русские в глазах друг друга [Поляки и русские 2000а]; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре [Россия - Польша 2002]; «Каталог взаимных предубеждений поляков и русских» [Katalog wzajemnych uprzedzeń 2006]; «Поляки и Русские – преодоление предубеждений» [Polacy i Rosjanie 2006], главы о Польше и поляках в русской литературе из коллективной монографии «"Идеологическая география" Российской империи: пространство, границы, обитатели» [Идеологическая география 2012].

Обращаясь в основном к произведениям русской литературы, исследователи реконструируют негативный стереотип, выделяя основные черты характера, приписываемые полякам русскими. Словом «предубеждение» исследователи часто объясняют природу такого феномена, как стереотип поляка в сознании русских. Изменения в стереотипе прослеживаются на большом временном отрезке и связываются с историческими и политическими событиями. Формирование негативного стереотипа произошло не сразу. Исследователи указывают в данном случае 30-е гг. [Piczugin 2006] и связывают этот процесс с Ноябрьским восстанием [Хорев 2005].

¹²⁰ В работах, посвященных изучению восприятия поляков русскими (стереотипа поляка в русском сознании), исследование проводится в основном на материале текстов русской литературы. В качестве дополнения к данному направлению можем указать на иные типы текстов, которые уже рассматривались выше в нашей работе в соответствующих разделах: «Записки об истории» А. С. Хомякова, письма А. А. Бестужева-Марлинского.

«стереотип», так и «типаж» являются моделями. Их же конкретным воплощением в тексте становятся художественные образы. Поэтому происходящие изменения в стереотипе восприятия «другого» ведут за собой изменения как в типажах, так и в их конкретных реализациях – художественных образах.

Если описывать стереотип поляка в сознании русских, то необходимо отметить такие черты, как гордость, тщеславие, хвастливость, своеволие [Kępiński 1990: 193], [Piczugin 2006: 339–347]. В текстах одним из характерных признаков поляка является указание на его католическое вероисповедание, подчеркивается его чуждость православию. Герой-поляк неоднократно назван иноверцем, басурманом, еретиком.

Русский исторический роман повествует о переломных событиях русской истории. В подавляющем большинстве исторических романов появление героев-поляков сопровождается военной ситуацией, когда сталкиваются русские и польские интересы. Авторы в данном случае зачастую выбирали период Смуты, когда враждебным русским был лагерь польский: «Чаще всего изображалась эпоха Отечественной войны 1812 года (15 названий) и период Смуты, с восхождением на престол Романовых (10 названий)...» [Ребеккини 1998: 421]¹²¹. Интересным представляется проследить, как на уровне типажей формировался образ поляка в русской литературе и как русские представляли себе поляков, что можно достигнуть, проанализировав структуру польских типажей, получавших конкретное воплощение в героях польского происхождения с польской ментальностью, картиной мира и типом поведения¹²².

¹²¹ Иного мнения придерживаются И. П. Щеблыкин [Щеблыкин 1992: 55] и Д. Унгуриану [Ungurianu 2007: 260]. По подсчетам И. П. Щеблыкина, большая часть исторических романов 1830-х гг. была посвящена эпохе Петра I, а Д. Унгуриану в результате своего исследования приходит к выводу, что наибольшей популярностью пользовался тот период истории, на который приходится образование русского государства, т.е. IX–XV вв.

¹²² В выборе метода структурирования материала мы следовали за [Жуковская, Мазур, Песков 1998].

По нашим наблюдениям, систему польских типажей можно выстроить применительно к литературному жанру, поэтому в данной работе классификация польских образов представлена на материале исторического романа и повести. В нравоописательных, социально-психологических романах и повестях будут присутствовать другие типы, являющиеся в то же время вариантом стереотипа поляка в сознании русских.

Еще одно замечание, предваряющее систему польских типажей, - о выборе польских образов для классификации. За рамками исследований С. Голдгарт [Goldgart 1986] и А. М. Пескова (в статье, написанной в соавторстве с Н. Н. Мазур и А. В. Жуковской) [Жуковская, Мазур, Песков 1998] остались исторические персонажи, так как данные образы могли отражать не национальные представления, а индивидуальные черты исторических личностей. В нашей работе мы отходим от данной установки и включаем в анализ также образы Марины Мнишек, ее отца, польских королей, воевод Лисовского и Сапеги, считая, что эти образы являются квинтэссенцией того, как русские видят поляков.

Итак, в соответствии с тем, какие черты героя автор подчеркивает и выводит на первый план (включая не только черты характера, но и атрибуты внешности, обстановку), мы выделили семь вариантов типажных персонажей¹²³: I. Польский пан (помещик, магнат, вельможа); II. Польская панна; III. Польский воевода; IV. Польский воин; V. Польский король; VI. Польский ксендз; VII. Польский шляхтич.

2.1. Польский пан

Пожалуй, одним из самых распространенных является именно этот типаж (по частоте появления с ним может сравниться только «польская панна»), аккумулируя в себе все те черты, которыми русские наделяют поляков. Как правило, польский пан богат, знатен, заносчив, горд, надменен,

¹²³ Попытка классификации польских типажей была предпринята Стеллой Голдгарт в статье «Стереотип поляка в русской литературе XIX в.» [Goldgart 1986]. Типологию польских образов составили тип поляка-патриота, авантюриста, делового человека, нигилиста, буржуазного дельца, польской панны и матери-польки.

спесив, кичлив, высокомерен, тщеславен и своеволен. Однако также любезен с дамами и образован (или, по крайней мере, хочет таким казаться).

Польский пан – мужчина зрелого или преклонного возраста: «человек лет пятидесяти» [Загоскин 1898а: 356]; «старик лет за шестьдесят» [Марлинский 1838в: 49]. Непременные атрибуты внешности польского пана – усы, большой живот и чуб на бритой голове: «живот» и «длинные седые усы» пана Колонтая [Марлинский 1838в: 49]; «усатые» паны на портретах [Марлинский 1838: 77]; «хозяин <...> с предлинными усами, с побритой головой» [Загоскин 1898а: 356]; мужчины, «лаская сановитые усы», отправлялись танцевать народный польский танец [Марлинский 1838в: 103]; «усы по две четверти» на портрете пана Твардовского [Загоскин 1898а: 364]; «толстое брюхо пана Зембины» [Марлинский 1838в: 63]; «тенистые усы пана Пузины» [Марлинский 1838в: 63]; «бритоголовые паны с длинным чубом на маковке» [Марлинский 1838: 77]¹²⁴.

Дом польского пана – полная чаша. В нем всегда много гостей: «...паны гости, в которых ни один порядочный дом в Польше не имеет недостатка...» [Марлинский 1838в: 49]. Польский пан любит «блистательные» [Булгарин 1830, III: 48] «пышные пиры» [Шишкина 1914, 1: 74], на «которые приезжали знатные вельможи» [Булгарин 1830, III: 48] со всей Польши, и «ежедневно более ста человек садилось у него за стол» [Булгарин 1830, III: 279]. Множество слуг окружают хозяина дома: «Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приемною или просто переднею. Она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи, как

¹²⁴ Даже в том случае, если русский боярин пытается следовать польским обычаям, то для него является неотъемлемым набор все тех же признаков. Так, к примеру, описан боярин Кручина-Шалонский в романе Загоскина: «Перед большим столом, на высоких резных креслах, сидел человек лет пятидесяти. <...> Подбритые на польский образец волосы, низко повязанный кушак по длинному штофному кафтану придавали ему вид богатого польского пана...» [Загоскин 1898: 56].

военного, так и владельца собственных поместьев» [Гоголь 1937–1952, 2: 100].

Дом польского пана (как правило, замок) обставлен «с великолепием истинно царским» [Булгарин 1830, III: 278]. Богатство польского помещика должен был подчеркивать его образ жизни и внутреннее убранство комнат: «В начале 1792 гусарский полк, в котором я служил корнетом, стоял в Белоруссии, и мой эскадрон занимал квартиры в местечке, принадлежащем двум братьям, князьям Лю...ким. Они жили вместе с своими женами в их наследственном и великолепном замке. Радужное их обращение с русскими офицерами, а более всего веселый образ жизни, напоминающий роскошное хлебосольство древних магнатов Польши, вошли в пословицу между нашими офицерами» [Загоскин 1898а: 402]. В гостиных стены были обиты «шелковыми тканями и парчами» [Булгарин 1830, III: 278], «золототравчатым штофом, а креслы и стулья обтянуты рытым плисом» [Марлинский 1838в: 61]. Любовь поляков к роскоши была известна далеко за пределами самой Польши и находила много подражателей: «Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы» [Гоголь 1937–1952, 2: 48].

Центр домашней жизни польского пана – обеденный стол, который ломится от всевозможных яств, так как польский пан «любит употчевать гостя» [Булгарин 1830, III: 205]: «Гораздо легче сказать, чего не было, нежели то, что было за старинным завтраком польским» [Марлинский 1838в: 95]. В столовой на стенах висели портреты предков «от мала до велика» [Марлинский 1838в: 61], как указание на родовитость, как следование «общему обычаю в Польше» [Марлинский 1838б: 73] и для «возбуждения аппетита»: «...дядя очень остроумно заметил, что старики не без намерения вешали портреты свои в столовых: любя попить в жизни, они и по смерти давали потомкам охоту к тому же» [Марлинский 1838: 77]. На портретах и в жизни важный атрибут типажного поляка – сабля.

Польский пан окружает себя комфортом. Разнообразные перины и подушки «отделяют и отличают его от собратий» [Марлинский 1838в: 101]. При этом «толстый усатый шляхтич» не просто «сидит на перинах» [Булгарин 1830, III: 245], а зачастую лежит, «преважно растянувшись» «на горе из подушек» [Марлинский 1838: 70], «развалясь небрежно на канапе» [Загоскин 1898а: 356].

В польский этикет входило любезное обращение с дамами, образованность и знание латинского языка. Галантные кавалеры «увиваются вокруг дам» [Булгарин 1830, III: 282] в «зале, блистающей огнями, где тщеславие и остроумие, красота и любезность спорили о победе» [Марлинский 1838в: 125]. Польские вельможи пересыпают свою речь латинскими выражениями [Булгарин 1830, III: 246, 295; Булгарин 1830, IV: 87], однако часто польская образованность была показной, и знание латыни кончалось на «нескольких десятках заученных пословиц, прибауток и судейских выражений» [Марлинский 1838в: 102].

Весь быт польского пана, его желание жить на широкую ногу и вести себя со «всей важностью польского магната» [Загоскин 1898а: 356] даже в случае нехватки для этого средств обнаруживали в нем лишь «спесь», «чванство» и «гордость» [Марлинский 1838в: 60, 101]. Поведение же государственных магнатов на сеймах отличалось «детским самолюбием» и «ничтожной гордостью» [Гоголь 1937–1952, 2: 164]. Таким образом, основу характера польского пана составляют такие черты, как «самолюбие» [Булгарин 1830, III: 53], «тщеславие» [Булгарин 1830, III: 105], «честолюбие» [Шишкина 1914, 3: 25], «гордость» [Шишкина 1914, 1: 74], «высокомерие» [Шишкина 1914, 3: 40], «спесь» [Марлинский 1838в: 60].

2.1.1. Пародийные образы поляков в русской литературе.

В исторических романах нередко встречались пародийные образы поляков, при построении которых автор не только фиксировал черты, с его точки зрения, присущие полякам, не только воспроизводил стереотип, но и стремился достичь комического эффекта, тем самым выражая свое неприятие

героев. Под термином «пародия» обычно понимают «комическое подражание художественному произведению или группе произведений» [Гаспаров 2003: 721]. Основными признаками пародии являются «направленность на какое-либо произведение», соотнесенность с ним [Тынянов 1977: 289], оценочность и комизм, т.е. высмеивание обнаруживает отрицательную оценку изображаемого явления¹²⁵.

Как правило, объектами пародирования становятся жанр или литературное произведение, его стиль и поэтика. В случае с пародийными образами поляков объектом пародирования, тем оригиналом, на который ориентировались образы-пародии, стал этнический стереотип поляка в сознании русских. Ниже мы проанализировали структуры пародийных образов поляков и выявили их функции в литературных произведениях. Кроме того, интересным представляется проследить трансформацию черт типажного поляка в комические свойства образа-пародии.

В образе-пародии наиболее значимые черты типажа гипертрофированы и являются определяющими в структуре и построении образа, а зачастую и единственными. В пародии «подчеркнуто резко изменяются, гиперболизируются черты “прототипного” стиля» [Троицкий 1974: 373], жанра или персонажа. То, что в образе проступает неявно, в пародии выходит на первый план. При таком построении мы наблюдаем искажение объекта пародирования (оригинала), образ приобретает комичность и становится карикатурным.

В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» пародийно изображен один из польских военачальников: «Напереды стоял спесиво, в красной шапке, убранный золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его» [Гоголь 1937–1952, 2: 115]. В описании его внешности типичная черта польского пана – полнота – становится определяющей и переходит в наименование самого героя, который не раз назван «дюжим» [Гоголь 1937–1952, 2: 116] ,

¹²⁵ О пародии и обзор литературы по теме см.: [Трахтенберг 2008: 26–28].

«толстым» [Гоголь 1937–1952, 2: 121] полковником. Дородность поляка становится предметом насмешек запорожцев: «Коли выведет их вон тот пузатый, им всем будет добрая защита <...>, и уж черта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьем!» [Гоголь 1937–1952, 2: 116].

В романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» в образе пана Копычинского устойчивые черты внешности и характера польского пана утрированы и преувеличены до гротеска: «Представьте себе четвероугольное туловище, которое едва могло держаться в равновесии на двух коротких и кривых ногах; величественно закинутую назад голову в превысокой косматой шапке, широкое, багровое лицо; огромные, оловянного цвета, круглые глаза; вздернутый нос, похожий на луковицу, и бесконечные усы <...>. Спесь, чванство и глупость, как в чистом зеркале, отражались в каждой черте лица его» [Загоскин 1987: 59]. Несмотря на показную храбрость, важность и своеволие пана Копычинского, все его действия вызывают лишь смех: «Алексей, не думая повиноваться, стоял как вкопанный, глядел во все глаза на пана и кусал губы, чтоб не лопнуть со смеху» [Загоскин 1987: 59].

Пан Копычинский часто попадает в неловкие и смешные ситуации. В столкновении русских и поляков под Троицею он спрятался «на монастырском капустном огороде», за что пан Лисовский «отпотчевал» его нагайкой [Загоскин 1987: 61]. На постоялом дворе Юрий Милославский заставляет пана Копычинского под дулом пистолета съесть целого гуся. В своем рвении услужить пану Тишкевичу, польскому воеводе, «неуклюжий и толстый» пан Копычинский, «не доезжая до крыльца, спрыгнул, или, лучше сказать, свалился с лошади и успел прежде всех помочь региментарю сойти с коня» [Загоскин 1987: 112]. В конце романа пан Копычинский становится шутком боярина Опалева.

Пан Пышенко в романе О. П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия» – обладатель «сильного сложения» [Шишкина 1914, 2: 50] и «густых рыжих усов» [Шишкина 1914, 2: 45]. Все

попытки пана Пышенко придать себе значимости и важности в глазах русских оканчиваются демонстрацией «глупости» и «чванства»: «... поляк <...> два раза прошел по крыльцу с видом, по его мнению, весьма величественным, но который был только смешным подражанием кривлянью любимого шута черниговского воеводы» [Шишкина 1914, 2: 45].

Как и пан Копычинский, пан Пышенко оказывается в смешной ситуации из-за своего тщеславия и заносчивости. На обеде князь Мосальский, желая подшутить над Пышенко, усадил его на шаткую скамью, что для поляка окончилось «путешествием под стол»: «...князь Мосальский, перемигнув с приятелями, низко кланялся Пышенке, чтобы он сел выше его. Убеденный, что русские обязаны оказывать ему почтение, Пышенко без дальних оговорок занял предлагаемое место, скамья повернулась, и он покатился под стол. Все громко захохотали <...>. Жирный Пышенко лежал как бревно; стон его и жалобы лишь увеличивали веселость князя Мосальского; он несколько раз принимался его поднять, но, помирая со смеху, никак не мог этого исполнить» [Шишкина 1914, 2: 49–50].

Интересно отметить, что над паном Пышенко смеются не только русские персонажи, но и герои-поляки: «Все громко захохотали: сам пан Харлеский невольно рассмеялся <...>. Наконец Ляпунов, заметив, что на лице пана Харлеского показалось неудовольствие, подошел к Пышенке и подал ему руку. Разгневанный поляк долго отряхался на все стороны; лицо его пылало как раскаленная сковородка» [Шишкина 1914, 2: 49].

Пан Копычинский так же становится объектом для насмешек со стороны русских и вызывает недовольство и порицание со стороны самих поляков: «Юрий рассказал им все подробности своей встречи с Копычинским; разумеется, угощение и жареный гусь не были забыты. Пан Тишкевич хохотал от доброго сердца; но другие поляки, казалось, не очень забавлялись рассказом Юрия; особенно один, который, закручивая свои бесконечные усы, поглядывал исподлобья вовсе не ласково на Милославского <...> ротмистр, бросив презрительный взгляд на

Копычинского, который пробирался потихоньку к дверям комнаты» [Загоскин 1987: 115–116].

Важно отметить, что образы пародийных поляков сопровождаются мотивами смеха и шутовства. Пан Копычинский и пан Пышенко подвергались насмешкам со стороны окружающих, что подчеркивается авторами. Также говорится о сходстве пана Пышенко с «кривляньем любимого шута черниговского воеводы, когда он представлял двух Царей, равно ненавидимых мятежниками: Бориса Федоровича Годунова и Василия Ивановича Шуйского» [Шишкина 1914, 2: 45]. Пан Копычинский, как было отмечено выше, в конце романа становится шутом.

Главные функции пародийных персонажей-поляков не отличаются от функций пародий стилистических и жанровых. Основное назначение персонажей-пародий – осмеивать, отвергать и разоблачать. Кроме того, изображение подобных комических персонажей в историческом романе служило для занимательности повествования и отвечало запросам массового читателя, ориентированного на легкое чтение.

2.2. Польская панна

Польская панна¹²⁶ чаще всего либо дочь (Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; О. П. Шишкина «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия»; Ф. В. Булгарин «Димитрий Самозванец»), либо молодая жена богатого польского воеводы (Н. А. Полевой «Краковский замок»). Ее неотъемлемое качество – красота и миловидность: «милые польки»

¹²⁶ А. Дворский охарактеризовал стереотип польки по тексту трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1831): «Скажем, полька отличается прежде всего чрезвычайной амбициозностью, горделивостью и честолюбием <...>, наделена красотой и обаянием <...>, хитростью и изворотливостью <...>, а также – как и поляки в целом – непокорностью, бунтарскими склонностями... Это обвинение поляков в легкомыслии и безрассудстве часто гостило тогда в русской литературе, мы находим его в корреспонденции того времени, в мемуаристике, так что со временем оно стало играть роль расхожего эпитета-стереотипа. <...> дальнейшим развитием семантического ряда «гордый, кичливый, трусливый, легкомысленный, безмозглый» лях, негативная окраска которого утвердится в тенденциозной патриотической литературе периода русско-польской войны 1831 г., станет позднейшее «полячишка» (см. романы Достоевского)» [Дворский 1999: 112].

[Марлинский 1838: 84]; «прекрасная полячка» [Гоголь 1937–1952, 2: 57]; «прелестная варшавянка» [Лажечников 1858: 244]; «миловидные полячки» [Загоскин 1898а: 344]; в жены Ивану Грозному сватают сестру Сигизмунда Августа «прекрасную польскую Екатерину» [Федоров 1883: 147].

Однако красота прекрасной польки часто несет в себе опасность для того, кто увлекся ею: Тарас Бульба «заклялся сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына», «обворожившей бедного Андрия» [Гоголь 1937–1952, 2: 122, 171]¹²⁷. Андрий забывает дом, семью, родину ради дочери польского воеводы: «Вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые темно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетании созданные члены девического стана» [Гоголь 1937–1952, 2: 91].

Часто упоминаются именно глаза польской панны, которая то бросает «огненные взоры» [Марлинский 1838: 84], то опутывает сетями «своих черно-огненных глаз» [Лажечников 1858: 244]: «...глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство» [Гоголь 1937–1952, 2: 57]; «обворожительные очи Казимировой внучки, не опасные, но затруднительные» [Лажечников 1858а: 142]; «с огненными глазами полька» [Полевой 1986: 445]; глаза сестры Радзивилла «блистали огнем души» [Федоров 1883: 266]; «в ее больших глазах отражались то нежные чувства любящего сердца, то живость веселого и беспечного нрава» [Шишкина 1914, 1: 41].

Основные черты польской панны – гордость, самолюбие, тщеславие, честолюбие. В чертах польской панны «красота соединялась с гордостью», «в алых устах выражалась гордая самоуверенность» [Федоров 1883: 266]. Ее постоянное стремление «нравиться» [Шишкина 1914, 1: 39] и «прославиться» [Шишкина 1914, 4, 74] часто перерастает в такие качества, как «самолюбие», «тщеславие» и «властолюбие» [Шишкина 1914, 1: 40, 91, 92]. Выбирая

¹²⁷ А. Л. Зорин упоминает о данной черте стереотипа польки в связи с «Пожарским» (1806; опубл. 1808) Г. Р. Державина: «На долгие годы полячка становится в русской литературе символом соблазна и опасности» [Зорин 2004: 178].

супруга и способствуя его социальному возвышению, польская панна служит собственному честолюбию (княгиня Елена Дубровицкая в романе Б. М. Федорова «Князь Курбский»; Марина Мнишек в романе Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец»; панна Ратомская в романе О. П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский»).

При всем при этом она «ветрена» [Гоголь 1937–1952, 2: 57], «легкомысленна» [Федоров 1883: 300], «кокетлива» [Лажечников 1858а: 137], «безрассудна» [Шишкина 1914, 1: 47]: «Что же касается до Марины, то правда, что она прекрасна, мила и умна, но слишком ветрена и легкомысленна... Каждая полька привыкла быть окруженною толпою обожателей, ласкателей, слышать похвалы, нежности, любовные объяснения» [Булгарин 1830, III: 106]; «...она во всем привыкла исполнять свою волю и всегда быть предметом нежнейших попечений» [Шишкина 1914, 4, 20].

2.3. Польский воевода

Данный типаж не стоит путать с типажом польского пана. В последнем случае польский пан появляется лишь как носитель административных функций и не принимает непосредственного участия в сражениях (как, например, в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя). Польский же воевода руководит военными действиями. Он возглавляет поляков и планирует наступление.

Польский военачальник «опытен» и «смел» [Шишкина 1914, 4: 38], отличался «твердостью характера и непоколебимым мужеством» [Булгарин 1830, III: 153]: «...кто лучше Лисовского может оценить наслаждение отваги и упоение победы» [Марлинский 1838а: 147]; «быстрые движения, смелый взгляд, смуглое откровенное лицо – все доказывало, что пан Тишкевич провел большую часть своей жизни в кругу бесстрашных воинов, живал под открытым небом и так же беззаботно ходил на смертную драку, как на шумный и веселый пир своих товарищей» [Загоскин 1898: 83, 84].

Польский воевода умен и хитер. Умудренный опытом, он «знает хорошо ратную науку» [Гоголь 1937–1952, 2: 115], «сведущ в деле военном» [Булгарин 1830, III: 153]. Все в нем показывает «обстрелянного воина» и «опытного вождя» [Марлинский 1838а: 142]. Порой смекалистый военачальник становится «осторожнейшим» и «хитрейшим» польским вождем [Федоров 1883: 191].

2.4. Польский воин

Герои, представляющие данный типаж, относятся к разным социальным слоям: здесь и родовитые паны, и мелкая шляхта. Польский воин отважен и храбр. В бою проявляет «боярскую богатырскую удаль» [Гоголь 1937–1952, 2: 118]. Если сражается, то «защищается отчаянно» [Федоров 1883: 192]. Он лихой и умелый наездник, «сидит ловко и крепко на коне» [Булгарин 1830, III: 242].

К сражению польский воин готовится тщательно: он надевает «пышную сбрую» [Гоголь 1937–1952, 2: 137], «вооружен исправно и богато» [Булгарин 1830, IV: 128]. Его непременные атрибуты – «буланый конь» [Гоголь 1937–1952, 2: 118] и «богатая сабля» [Загоскин 1898: 211]. Представители мелкой шляхты не отставали от богатых панов: «Иной раз и выпить было не на что, а на войну все принарядились» [Гоголь 1937–1952, 2: 115].

Однако и здесь проявляются характерные черты польского типажа – хвастливость («...как поляки, в хвастливых рассказах, старались унижать русских воинов, называя их малодушными беглецами» [Федоров 1883: 373]) и гордость («Иному не на что купить не только коня и оружия, но даже кафтана, а посмотри на него – горд, как воевода» [Булгарин 1830, III: 208]).

2.5. Польский король

Этот типаж представлен в текстах героями, имеющими своими прототипами исторических личностей. Как правило, польский король является внесюжетным или второстепенным персонажем.

Польский король – человек «вялый, ненадежный, неславолюбивый» [Лажечников 1858: 10]. Его «слабость» [Булгарин 1830, III: 157] и «нерешительность» [Булгарин 1830, I: 6] выражены в том, что он легко поддается чужому влиянию. Зачастую польские короли в исторических романах сильно проигрывали на фоне храбрых и умных польских воевод: «Вскоре по взятии Кремля король польский пытался снова завладеть Москвою <...>, но <...> решился не ходить далее и побежал со всем своим войском назад в Польшу» [Загоскин 1898: 261].

2.6. Польский ксендз

Так как одной из основополагающих черт поляка в глазах русских является его принятие католицизма, то польские священники изображены в негативном ключе. Они хитры, лстивы и двуличны: «Ксендзы тайно проповедовали кровопролитие, но в глазах льстили русским» [Марлинский 1838: 55]. Они сеют вражду и ненависть к православным: «Как! чтобы жида держали на аренде христианские церкви! чтобы ксендзы запрягали в оглобли православных христиан! Как! чтобы попустить такие мучения на Русской земле от проклятых недоверков!» [Гоголь 1937–1952, 2: 78].

2.7. Польский шляхтич

Этот типаж встречается довольно редко и частично совпадает с типажом польского воина. Этому типажному персонажу присущи гордость [Марлинский 1838: 63], хвастливость [Марлинский 1838а: 141], своеволие [Марлинский 1838а: 141]. Не имея достаточных средств, бедная польская шляхта кичится своей «старопольской славой», «волоча за собой ржавые сабли» [Марлинский 1838: 63]. Польский шляхтич хочет казаться богатым, не будучи им: «На переднем плане ... стоял молодой шляхтич или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно все, что у него ни было, так что на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Две цепочки, одна сверх другой, висели у него на шее с каким-то дукатом» [Гоголь 1937–1952, 2: 162].

В социально-психологическом романе и повестях тип польского шляхтича получит свой аналог – тип польского чиновника, обедневшего дворянина с польским гонором и большим честолюбием (чиновник Красинский в незаконченном романе Лермонтова «Княгиня Лиговская»). При этом герой аккумулирует в себе черты, свойственные полякам в сознании русских. Важно отметить, что стереотип, на основе которого строится типаж, развивается и изменяется, а поэтому и появляется типаж польского чиновника с новыми чертами и характеристиками. Хитрость, способность на предательство, изворотливость – вот те черты, которые дополняют образ поляка (а усы польского пана превращаются в «усики» польского чиновника). Также «в наследство» от польского шляхтича исторических повестей и романов польский чиновник получает репутацию щеголя и франта: у Гоголя находим следующее сравнение – «в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич» [Гоголь 1937–1952, 1: 149]; у Тургенева – описание внешности героя Малевского [Тургенев 1978–2003, 6: 319]. Поляк в текстах приобретает новую «профессию» – картежник и шулер (Стельчинский в повести Тургенева «Затишье» и Малевский в повести Тургенева «Первая любовь», а также наблюдения барона Брамбеуса в «Поэтическом путешествии по белу-свету»: «Обозы тянутся непрерывною цепью; Поляки везут пшеницу и сало. Привезши, они продают товар купцам, пересчитывают полученные червонцы, и тут же проигрывают их в карты» [Сенковский 1858–1859, 2: 36]).

Приведенные выше семь вариантов¹²⁸ представляют лишь основные польские типажи в русском историческом романе конца 1820-х – начала

¹²⁸ В качестве сопутствующего персонажа к польским героям можно отметить типаж русского изменника, предавшего родину и переметнувшегося на сторону к полякам. Владимир Ситцкий, не найдя взаимности у Елены Ивановны, дочери русского воеводы, переходит в лагерь к полякам и становится братоубийцей (Бестужев-Марлинский А. А. «Изменник»). Андрий выступает на стороне поляков против отца и брата (Гоголь Н. В. «Тарас Бульба»). Тверской князь бежит в Польшу к польскому королю, которого настраивал против Ивана III (Лажечников И. И. «Басурман»). Андрей Курбский, боясь преследований Ивана Грозного, переходит на сторону к Сигизмунду Августу и сражается на стороне поляков (Федоров Б. М. «Князь Курбский»).

1840-х гг. Все они построены на основе стереотипа и восприятия поляков русским национальным сознанием.

Подобное восприятие поляков русскими не может быть объяснено лишь предвзятостью последних. В силу долгих и тесных взаимоотношений между двумя народами существует целый ряд причин столь враждебного восприятия. Эти причины можно подразделить на исторические, политические и религиозные¹²⁹. К историческим причинам можно отнести события Смутного времени (польскую интервенцию и наезды лисовчиков), к политическим – восстания поляков, религиозные заключаются в различном вероисповедании – католическом и православном.

Выводы

Польская тема активно вплеталась в жизнь и творчество русских писателей-прозаиков. Непосредственные контакты М. Н. Загоскина, Н. В. Гоголя, А. А. Бестужева-Марлинского с поляками повлияли на отражение Польши и поляков в их произведениях.

В случае с Ф. Б. Булгариным и О. И. Сенковским польское происхождение предопределило не только появление польской темы в их творчестве, но и являлось главным аргументом их литературных оппонентов, находивших недостатки как в их художественном, так и в литературно-критическом творчестве.

В. И. Даль в силу личного участия в подавлении восстания высказался против жестокости тех мер, которые предпринимает правительство, в то время как сам факт военного вмешательства, по-видимому, сомнения не вызывал. И. С. Тургенев обнаружил свою позицию по «польскому вопросу» позднее, после восстания 1863 г.

Польская тема в русском историческом романе стала востребована по двум причинам. Во-первых, для исторического романа выбирали ключевой

¹²⁹ Д. Пичугин в своей статье «Заложники истории – у истоков негативного стереотипа Польши и поляков в русской литературе» называет следующие причины негативного стереотипа поляков в сознании русских: исторические, историографические, геополитические, культурные и психологические [Piczugin 2006].

период русской истории, и чаще всего этим периодом оказывалась Смута. Во-вторых, всплеск интереса к польской теме отмечается в связи с польским восстанием и русско-польской войной 1830–1831 гг. Именно поэтому в историческом романе 1830-х–1840-х гг. встречается такое большое количество персонажей-поляков.

Многочисленность героев-поляков и наличие в их изображении устойчивых черт, повторяющихся и переходящих из произведения в произведение, из текста в текст, позволяют говорить о типажности этих героев. По результатам анализа героев исторических романов мы выделили семь польских типажей: польский пан, польская панна, польский воевода, польский воин, польский король, польский ксендз, польский шляхтич. Как выяснилось в ходе анализа, все данные типажи обладают инвариантом – стереотипом поляка в сознании русских, т.е. все польские типажи восходят к национальному стереотипу поляка, укорененному в русской культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.), ставшая предметом изучения в настоящей работе, представляет собой составную часть в истории русско-польских литературных отношений. Появление польской темы в русской литературе николаевской эпохи во многом было предопределено политическими, историческими, географическими и культурными причинами: близкое «соседство», спорные территории, богатая история войн и культурных контактов.

Польское восстание обострило «польский вопрос», который заключался в проблеме статуса Царства Польского и положения западных губерний. По реакции на польское восстание хорошо видно, что для русской литературной среды и общественности единственно возможным государственным статусом Польши было ее полное вхождение в состав Российской империи. Только В. А. Жуковский и П. А. Вяземский высказывали в своих дневниках непопулярное мнение и видели Польшу, отделенной от России. Западные губернии, по мнению многих, должны были безвозвратно быть присоединены к России. При этом главным аргументом, к которому прибегали М. П. Погодин, В. А. Жуковский, П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, была ориентация на границу языковую между Россией и Польшей.

Польская тема как важная политическая и общественная проблема стала неотъемлемой частью историософских размышлений славянофилов и западников о путях развития России и ее месте в славянском, и шире, в мировом сообществе. Под воздействием польского восстания и политических событий 1840-х гг. (революций в Европе) А. С. Хомяков обращается к польской теме и «польскому вопросу» в своем поэтическом творчестве, письме и «Записках о всемирной истории». Рассуждения Хомякова о месте Польши связаны с рассуждениями о судьбах России. П. Я. Чаадаев касается «польского вопроса» в связи с польским восстанием. Его рассуждения

приводят к выводу о благополучии Польши только в союзе со славянством, а значит, и с Россией.

В исторических причинах берет начало негативный стереотип поляка в русском национальном сознании. Многочисленные военные столкновения, а затем и польские восстания предопределили формирование негативного и враждебного отношения русских к полякам. Доказательством того, что подобное восприятие западного соседа «висело в воздухе» и неизбежно и неизменно влияло на русских писателей, критиков, публицистов, служат многочисленные примеры из текстов. Здесь следует вспомнить «кичливого ляха» А. С. Пушкина, образы поляков в художественных произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, М. Н. Загоскина, Н. В. Гоголя.

На основе стереотипа национального характера поляка строятся польские типажи в русском историческом романе конца 1820-х–начала 1840-х гг. В результате прочтения, обобщения и анализа текстов в диссертационной работе выделены семь польских типажей: польский пан, польская панна, польский воевода, польский воин, польский король, польский ксендз, польский шляхтич.

Парадокс отношения русских писателей к полякам заключается в следующем. Несмотря на то, что каждый из них ориентировался в своих произведениях на негативный стереотип поляка, и появляющиеся в текстах образы поляков это доказывали, при личных контактах данный стереотип оказывался за рамками знакомств, общения и дружбы. Особенно хорошо это видно при обращении к теме «Мицкевич и русская литература».

Творческие и дружеские контакты были вне политической вражды и исторической неприязни. Однако, как только речь заходила о политическом соперничестве России и Польши, верх брал стереотип. Так, например, А. А. Бестужев-Марлинский тесно общался с Ф. В. Булгариным, учил польский у О. И. Сенковского, но, находясь в ссылке и узнав о польском восстании, сожалел, что не может присоединиться к подавлению восстания. Позднее А. А. Бестужев-Марлинский в Тифлисе жил на квартире у поляка

В. Потоцкого, ставшего его близким другом. В. К. Кюхельбекер в ссылке в Динабурге наладил тесные дружеские и литературные контакты с поляками А. Рыпинским, А. Понговским, Т. Скржидлевским, однако это не помешало ему в декабре 1831 г. написать два стихотворения («На новый год» и «Година скорбная Россию тяготила...»), в которых он приветствовал подавление мятежа. К сожалению, личный опыт поэтов и писателей никак не отразился на культурном стереотипе поляка, который оставался в целом негативным.

Список использованной литературы

Источники

1. Барсуков 1890 – *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1890. 387 с.
2. Бартенев 1874 – *Бартенев П. И.* Стихи И. В. Киреевского Мицкевичу // Русский архив. 1874. Кн. II. Вып. 7. Ч. Стб. 223–224.
3. Белинский 1847 – <*Белинский В. Г.*> Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий. Иосифа Игнатия Крашевского. Три части. Издание второе. СПб. 1847 // Современник. 1847. Т. 6. № 11. С. 101–103.
4. Белинский 1953–1959 – *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1, 3, 5, 6, 10–12. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
5. Бер 1831 – Разрушение Москвы Поляками в 1612 году. Отрывок из современной рукописи: Летописи Московской, Мартина Бера // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 22. № 38. С. 353–369.
6. Бестужев 1870 – Александр Бестужев на Кавказе. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. Т. 87. С. 485–524.
7. Бестужев 1951 – Воспоминания Бестужевых. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 893 с.
8. Бестужев-Марлинский 1822 – <*Бестужев-Марлинский А. А.*> Почему? (Замечания на книгу: Опыт Краткой Истории Русской Литературы). Письмо к Издателю С. О. // Сын Отечества. 1822. Ч. 77. № 18. С. 158–168. Подпись: А. Б.
9. Бестужев-Марлинский 1960 – *Бестужев-Марлинский А. А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года // Полярная звезда,

изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265–271.

10. Бестужев-Марлинский 1977 – *Бестужев-Марлинский А. А.* Ответ на критику «Полярной звезды», помещенную в 4, 5, 6 и 7 номерах «Русского инвалида» 1823 года // Литературно критические работы декабристов. М.: Художественная литература, 1977. С. 55–62.

11. Бестужев-Марлинский 1901 – Письма А. Бестужева – Ф. В. Булгарину // Русская старина. 1901. Т. 105. СПб. С. 392–404.

12. Бестужев-Марлинский 1926 – *Бестужев-Марлинский А. А.* Письма к матери и др // Памяти декабристов. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926. Т. 1. С. 1–99.

13. Биография Булгакова 1831 – Краткая биография Якова Ивановича Булгакова // Московский телеграф. 1831. Ч. 39. № 11. С. 291–303.

14. Булгарин 1829 – *Булгарин Ф. В.* Иван Выжигин, нравственно-сатирический роман: в 4 ч. СПб.: в типографии вдовы Плюшар, 1829.

15. Булгарин 1830 – *Булгарин Ф. В.* Димитрий Самозванец, исторический роман: в 4 ч. Ч. I, III, IV. Изд. 2-е, исправленное. СПб.: В Типографии Александра Смирдина, 1830.

16. Воззвание 1830 – Воззвание Николая I к войскам и народу Царства Польского // Северная пчела. 1830. Прибавление к № 149. № 1. 13 дек.

17. Всеподданнейший рапорт 1831 – Всеподданнейший рапорт Главнокомандующего Действующей Армией, Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавского, Графа Паскевича-Эриванского, от 15-го Сентября, содержащий подробности двухдневного штурма города Варшавы, и покорения оногo победоносными войсками нашими // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 220. № 47. 30 сент.

18. Всеподданнейший рапорт 1831a – Всеподданнейший рапорт Главнокомандующего Действующей Армией, от 30-го Апреля из Главной

Квартиры в с. Жукове // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 100. № 20. 7 мая.

19. Всеподданнейший рапорт 1831б – Всеподданнейший рапорт Главнокомандующего Действующей Армией, от 19-го Мая из Остроленки // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 117. № 27. 28 мая.

20. Вяземский 1864 – *La Question Polonaise et M. Pelletan*. Saint-Petersbourg: Libraire de la Cour Impériale, 1864. 46 p.

21. Вяземский 1884 – *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений: В 12 тт. Т. 9. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1884. 319 с.

22. Вяземский 1899 – *Вяземский П. А.* О России после польского мятежа в 1831 году // Русский архив. 1899. Т. I. С. 181–183.

23. Гоголь 1901 – Гоголь Н. В. Письма: в 4 тт. Т. 1. / Ред. В. И. Шенрока. СПб.: А. Ф. Маркс, 1901. 628 с.

24. Гоголь 1937–1952 – *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

25. Гоголь 2009 – *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд-е подготовил И. А. Виноградов. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.

26. Гоголь 2009–2010 – *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

27. Гоголь 2011–2013 – Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / Изд-е подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ, 2011–2013.

28. Грибоедов 1959 – *Грибоедов А. С., Вяземский П. А.* Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом: Новая опера-водевиль в 1 действии // Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. С. 275–306.

29. Даль 1839 – *Луганский В.* Подолянка // Современник. 1839. Т. 13. С. 59–96.
30. Даль 1912 – Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2. / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Изд. Товарищества М. О. Вольф, 1912. 2030 стб.
31. Дельвиг 1830 – <Дельвиг А. А.> Димитрий Самозванец, исторический Роман, сочинение Фаддея Булгарина // Литературная газета. 1830. Т. I. № 14. С. 112–113.
32. Денница 1831 – Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. М.: в типографии Августа Семена, при Императорской Медик. Хирургич. Академии, 1831. 140 с.
33. Денница 1999 – Денница: Альманах на 1830, 1831, 1834 годы, изданный М. Максимовичем / Сост. В. Н. Касаткиной, Т. К. Батуровой, М. А. Родзаевой. М.: Век, 1999. 399 с.
34. Димитрий Самозванец 1830 – Димитрий Самозванец, Исторический роман, сочинение Ф. В. Булгарина // Карманная книжка для любителей русской старины и словесности. 1830. № 4. С. 541–549.
35. Донесение 1831 – Донесение Генерал-Лейтенанта Барона Крейца к Г. Главнокомандующему Действующей Армией от 7-го Апреля // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 85. № 15. 15 апр.
36. Донесение 1831a – Донесение Главнокомандующего Действующей Армией // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 43. № 7. 13 сент.
37. Жуковский 1831 – *Жуковский В. А.* Русская слава // Телескоп. 1831. № 19. С. 405–409.
38. Жуковский 1831a – *Жуковский В. А.* Старая песня на новый лад // На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб.: печатано в военной типографии, 1831. С. 1–4.
39. Жуковский 1866 – *Жуковский В. А.* Письмо к И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1866. № 11 и 12. Стб. 1834–1637.

40. Жуковский 2004 – *Жуковский В. А.* [Дневники], 1831 // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. М.: Яз. русс. культуры, 2004. С. 315–318.
41. Загоскин 1898 – *Загоскин М. Н.* Юрий Милославский, или Русские в 1612 году // Загоскин М. Н. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1. СПб.; М.: издание поставщика Его Императорского Величества высочайше утвержденного т-ва М. О. Вольф, 1898. С. 1–264.
42. Загоскин 1898а – *Загоскин М. Н.* Вечер на Хопре // Загоскин М. Н. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.; М.: издание поставщиков Его Императорского Величества товарищества М. О. Вольф, 1898. С. 331–428.
43. Загоскин 1987 – *Загоскин М. Н.* Юрий Милославский, или Русские в 1612 году // Загоскин М. Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Историческая проза. М.: Художественная литература, 1987. С. 35–286.
44. Карамзин 1861 – *Карамзин Н. М.* Письмо Николая Михайловича Карамзина к императору Александру I после разговора с ним о Польше в 1819 году // О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. Сочинение Карамзина (1611 года). Берлин: Ferdinand Schneider, 1861. С. 154–160.
45. Карамзин 1862 – Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб.: в типографии Н. Тиблена и комп., 1862. Ч. I. 240 с.
46. Киреевский 1911 – *Киреевский И. В.* Обзорение Русской словесности за 1829 год // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в 2 тт.: Т.2. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. С. 14–39.
47. Колюпанов 1889 – *Колюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева: в 2 т. Т. 1. Кн. 1. М.: Типо-литография И. Н. Кушнера и Ко, 1889. 581 с.

48. Краткое описание действий 1831 – Краткое описание действий Гвардейского Корпуса против мятежников, с 30 Апреля по 13-е число Мая // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 117. № 27. 28 мая.
49. Кюхельбекер 1967 – *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: в 2 тт. Т. 1. М.-Л.: Советский писатель, 1967. 667 с.
50. Лажечников 1858 – *Лажечников И. И.* Последний Новик // Лажечников И. И. Собр. соч.: в 8 т. Т.1. Ч. II. СПб.: в типографии Якова Грея, 1858. С. 1–283.
51. Лажечников 1858а – *Лажечников И. И.* Басурман // Лажечников И. И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. Ч. III. СПб.: в типографии Якова Грея, 1858. С. 5–187.
52. Лермонтов 1955–1957 – *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1957.
53. Летопись о многих мятежах 1771 – Летопись о многих мятежах и о разорении Московского Государства. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1771. 386 с.
54. ЛН – Литературное наследство
55. Максимович 1830 – <*Максимович М. А.*?> Еще несколько слов о Димитрии Самозванце // Московский вестник. 1830. Ч. 2. № 6. С. 180–192.
56. Максимович 1831 – <*Максимович М. А.*> Обзорение русской словесности 1830 года // Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. М., 1831. С. I–LVIII.
57. Манифест 1830 – Манифест 12-го Декабря 1830 года // Северная пчела. 1830. Прибавление к № 149. 13 дек.
58. Манн 1998 – *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
59. Марлинский 1838 – *Марлинский А. А.* Вечер на Кавказских водах в 1824 году // Марлинский А. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.8. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. С. 5–115.

60. Марлинский 1838а – *Марлинский А. А.* Изменник // Марлинский А. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.8. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. С. 119–158.

61. Марлинский 1838б – *Марлинский А. А.* Латник, рассказ партизанского офицера // Марлинский А. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 4. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. С. 5–96.

62. Марлинский 1838в – *Марлинский А. А.* Наезды, повесть 1613 года // Марлинский А. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. С. 5–170.

63. Мицкевич 1835 – *<Мицкевич А.>* О новейшей религиозной живописи у немцев // Телескоп. 1835. Ч. 27. С. 419–432.

64. Молва 1831 – Твердость русского генерала // Молва. 1831. № 39. С. 193–194.

65. Молва 1831а – Утро в Кремле // Молва. 1831. № 42. С. 241–246.

66. Молва 1831б – Московские записки // Молва. 1831. № 43. С. 257–259.

67. Молва 1831в – Отзыв Парижского журнала по случаю взятия Варшавы // Молва. 1831. № 44. С. 277–280.

68. На взятие Варшавы 1831 – На взятие Варшавы. СПб.: печатано в военной типографии, 1831. 13 с.

69. Надеждин 1830 – *<Надеждин Н. И.?.>* Димитрий Самозванец, исторический роман, сочинение Фаддея Булгарина // Вестник Европы. 1830. Ч. 171. № 8. С. 64–75 (подпись: «Л.С.»).

70. Надеждин 1831 – *<Надеждин Н. И.?.>* На взятие Варшавы, три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. // Телескоп. СПб., 1831. № 16. С. 507–509 (без подписи).

71. Надеждин 1831а – *<Надеждин Н. И.?.>* Русская слава, стихотворение В. Жуковского // Телескоп. СПб., 1831. № 19. С. 405–409 (без подписи).

72. Никитин 1912 – *Никитин И. С.* Сочинения. В 2 т. Т. I и II. Юбилейное издание. М.: Издание А. Д. Сазонова, 1912. 224 с.
73. Норов 1831 – *Норов А.* Графу Паскевичу-Эриванскому // Северная пчела. 1831. № 202. 9 сент.
74. Одоевский 1958 – *Одоевский А. И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1958. 245 с.
75. Очкин 1830 – <*Очкин А. Н.*> Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина // Северная пчела. 1830. № 7–9.
76. Письма Пушкина 1927 – Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827 – 1832. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 400 с.
77. Погодин 1831 – *Погодин М. П.* Исторические размышления об отношениях Польши к России // Телескоп. 1831. № 7. С. 294–311.
78. Погодин 1867 – *Погодин М. П.* Исторические размышления об отношении Польши к России // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: в типографии газеты «Русский», 1867. С. 1–10.
79. Погодин 1882 – Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву / Предисл. и примеч. Н. П. Барсукова // Русский архив. 1882. № 6. С. 127–202.
80. Полевой 1831 – <*Полевой Н. А.?*> Глас умирающего Поляка, после сражения бывшего под Прагою. Стихотворение Ник. Данилевского // Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 6. С. 256–257.
81. Полевой 1831a – <*Полевой Н. А.*> Рославлев, или Русские в 1812 году. Сочинение М. Загоскина // Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 8. С. 534–545.
82. Полевой 1831б – <*Полевой Н. А.*> Российскому воинству, по случаю выступления в поход 1831 года // Московский телеграф. Ч. 39. № 9. С. 118–120.
83. Полевой 1888 – *Полевой К. А.* Записки. СПб.: А. С. Суворин, 1888. 588 с.

84. Полевой 1986 – *Полевой Н. А.* Краковский замок // Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков. М.: Современник, 1986. С. 439–462.

85. Полевой 1991 – *Полевой Н. А.* Клятва при гробе Господнем: Русская быль XV-го века. М.: Профиздат: Товарищество «Возрождение», 1991. 396 с.

86. ППК 2001 – Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. 576 с.

87. Приказ 1831 – Приказ Действующей Армии 14-го Октября 1831 года // Северная пчела. 1831. № 233. 15 окт.

88. Прокламация 1831 – Прокламация Генерал-Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканского к воинам Польским // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 17. № 2. 22 янв.

89. Прокламация 1831a – Прокламация Генерал-Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканского к жителям Царства Польского // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 17. № 2. 22 янв.

90. ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1853.

91. ПСЗРИ 1832 – О новом порядке управления и образования Царства Польского: Манифест № 5165 от 14 февраля 1832 г. // ПСЗРИ. 1832. Т. 7.

92. ПСЗРИ 1832a – О венчании браков лиц православного исповедания с иноверными в возвращенных от Польши губерниях, на основании общих действующих в России узаконений: Постановление Сената, по Высочайшему повелению № 5767 от 23 ноября 1832 г. // ПСЗРИ. 1832. Т. 7.

93. ПСЗРИ 1833 – О исключении из числа флагов Российской империи штандартов, флагов и вымпелов, кои присваивались дворцам и

судам Царства Польского: Именной указ, объявленный в приказе начальника главного морского штаба, № 6105 от 12 апреля // ПСЗРИ. 1833. Т. 8. Ч. 1.

94. ПСЗРИ 1834 – Об учреждении новой золотой монеты в 3 рубля золотом под названием трех-рублевых империалов или Российских червонцев: Именной указ, данный Сенату, № 7032 от 1 мая 1834 г. // ПСЗРИ. 1834. Т. 9. Ч. 1.

95. ПСЗРИ 1837 – О переименовании Воеводств Царства Польского в губернии: Постановление Сената, по Высочайшему повелению, № 10203 от 3 мая // ПСЗРИ. 1837. Т. 12. Ч. 1.

96. ПСЗРИ 1839 – О подчинении Греко-Униатской Духовной Коллегии Святейшему Синоду: Постановление Сената № 12133 от 17 марта 1839 г. // ПСЗРИ. 1839. Т. 14. Ч. 1.

97. ПСЗРИ 1839а – Об учреждении Варшавского учебного округа: Именной указ, данный Сенату, № 12908 от 20 ноября 1839 г. // ПСЗРИ. 1839. Т. 14. Ч. 1.

98. ПСЗРИ 1840 – О эполетах, какие носить штаб и обер-офицерам и нижним чинам жандармских команд в Царстве Польском: Именной указ, объявленный в приказе военного министра, № 13505 от 29 мая 1840 г. // ПСЗРИ. 1840. Т. 15. Ч. 1.

99. ПСЗРИ 1841 – Об упразднении нынешнего Государственного Совета Царства Польского и Высшей Палаты Суда, и о заменении их в Варшаве двумя Департаментами и Общим Собранием Сената: Именной указ, данный Сенату, № 14852 от 6/18 сентября 1841 г. // ПСЗРИ. 1841. Т. 16. Ч. 1.

100. ПСЗРИ 1842 – О мундирах для членов и чиновников, состоящих при Варшавских Сената Департаментах Герольдии: Именной указ, объявленный министром юстиции, № 15908 от 1 августа 1842 г. // ПСЗРИ. 1842. Т. 17. Ч. 1.

101. ПСЗРИ 1846 – О правилах приема в гимназии и университеты Империи и выпуска из оных уроженцев Царства Польского: Постановление

Сената, по Высочайшему повелению, № 20391 от 3 сентября 1846 г. // ПСЗРИ. 1846. Т. 21. Ч. 2.

102. ПСЗРИ 1848 – О употреблении в Царстве Польском весов и мер, существующих в России: Манифест № 21907 от 20 января 1848 г. // ПСЗРИ. 1848. Т. 23. Ч. 1.

103. ПСЗРИ 1849 – О переименовании в классные чины Империи отставных бывших польских войск офицеров, занимающих классные гражданские должности по Царству Польскому: Именной указ, объявленный начальствующим местам и лицам военного управления, № 23547 от 4 октября 1849 г. // ПСЗРИ. 1849. Т. 24. Ч. 2.

104. ПСЗРИ 1852 – О распубликовании Устава о купеческих гильдиях в Царстве Польском: Постановление Сената № 26100 от 24 марта 1852 // ПСЗРИ. 1852. Т. 27. Ч. 1.

105. ПСЗРИ 1852a – О соглашении действий цензурных учреждений в Империи и Царстве Польском: Именной указ, объявленный министру статс-секретарю Царства Польского министром народного просвещения, № 26155 от 10 апреля 1852 г. // ПСЗРИ. 1852. Т. 27. Ч. 1.

106. Пушкин 1831 – *Пушкин А. С.* Клеветникам России // На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб.: печатано в военной типографии, 1831. С. 5–7.

107. Пушкин 1937–1959 – *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

108. Рапорт 1831 – Рапорт Генерал-Майора Берха Е. С. Генерал-Фельдмаршалу Графу Паскевичу-Эриванскому, из Варшавы, от 27-го Августа 1831 года // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 203.

109. Рапорт 1831a – Рапорт Генерал-Майора Мандерштерна от 24-го Января // Северная пчела. 1831. № 29. 6 фев.

110. Рапорт 1831б – Рапорт Главнокомандующего 1-й Армией, Генерал-Фельдмаршала Графа Сакена, от 16-го сего Сентября // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 215. № 46. 23 сент.

111. Рапорт 1831в – Рапорт Главнокомандующего Действующей Армией от 27-го Января // Северная пчела. 1831. Второе прибавление к № 27. № 4. 4 янв.

112. Рунич 1831 – *Рунич Д.* К портрету Князя Варшавского Графа Паскевича – Эриванского // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 22. № 38. С. 369–370.

113. Рунич 1831а – *Рунич Д.* На победы Князя Варшавского // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 22. № 38. С. 370.

114. Рунич 1831б – *Рунич Д.* На победы Русских в Польше // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 22. № 38. С. 370–371.

115. Рылеев 1988 – *Рылеев К. Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1988. 350 с.

116. Самарин 1911 – *Самарин Ю. Ф.* Письмо К. С. Аксакову // Самарин Ю. Ф. Сочинения: в 12 тт. Т. 12. М.: Товарищество Типографии А. И. Мамонтова, 1911. С. 173–176.

117. Сенковский 1842 – *Сенковский О. И.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Библиотека для чтения. 1842. Т. 53. Отд. VI. С. 24–54.

118. Сенковский 1858–1859 – *Сенковский О. И.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1, 2. СПб.: В типографии императорской академии наук, 1858–1859.

119. Словцов 1831 – *Словцов П. А.* О великих // Московский телеграф. 1831. Ч. 42. № 21. С. 18–34.

120. Смирнова-Россет 1989 – *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 789 с.

121. Сомов 1830 – *Сомов О. М.* Обзорение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Северные цветы на 1831 год. СПб.: В типографии департамента народного просвещения, 1830. С. 3–100.

122. Тургенев 1978–2003 – *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Т. 4, 6. М.: Наука, 1978–2003. Издание продолжается.

123. Тьер 1831 – Современная политика. Обзорение новейших происшествий. Франция // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 23. № 40. С. 117–125.

124. Тютчев 2002–2005 – *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 тт. Т. 1, 2. М.: Издат. Центр «Классика», 2002–2005.

125. Указ 1831 – Указ Правительствующему Сенату // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 67. № 11. 25 марта.

126. Ушаков 1830 – <*Ушаков В. А.?*> Димитрий Самозванец, Исторический роман, сочинение Фаддея Булгарина // Московский вестник. 1830. Ч. 2. № 6. С. 174–179.

127. Федоров 1883 – *Федоров Б. М.* Князь Курбский. СПб.: В. И. Губинский, 1883. 420 с.

128. Хомяков 1848 – *Хомяков А. С.* Письмо к А. О. Смирновой // Польский вопрос. Письмо А. С. Хомякова к А. О. Смирновой. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнера и Ко, 1881. С. 1–4.

129. Хомяков 1900 – *Хомяков А. С.* Вместо введения [к Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах, ей единоверных и единоплеменных] // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 тт. Т. 3. М., 1900. С. 130–140.

130. Хомяков 1900а – *Хомяков А. С.* Ода (На Польский мятеж) // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 тт. Т. 4. М.: Университетская типография, 1900. С. 204.

131. Хомяков 1900б – *Гильфердинг А. Ф.* Предисловие к первому изданию // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 тт. Т. 5. М.: Университетская типография, 1900. С. XI–XXIII.

132. Хомяков 1900в – *Хомяков А. С.* Записки о всемирной истории. Часть первая // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 тт. Т. 5. М.: Университетская типография, 1900. 588 с.

133. Хомяков 1906 – *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории. Часть третья // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 тт. Т. 7. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеров и Ко, 1906. 503 с.
134. Хомяков 1969 – *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969.
135. Хомяков 2005 – *Хомяков А. С.* Стихотворения. М., 2005.
136. Чаадаев 1881 – *Чаадаев П. Я.* Письмо Пушкину А. С. // Русский архив 1881. Т. I. Ч. II. С. 431–438.
137. Чаадаев 1991 – *Чаадаев П. Я.* Несколько слов о польском вопросе // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 512–515.
138. Шевырев 1830 – *<Шевырев С. П. ?>* Димитрий Самозванец, Исторический Роман. Сочинение Фаддея Булгарина // Атеней. 1830. Ч. 1. № 6. С. 548–551.
139. Шишкина 1914 – *Шишкина О. П.* Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия: в 4 ч. Ч. 1–4. Петроград: Государственная Типография, 1914.
140. Шмит 1831 – Штурм Праги, 24 Окт/ 4 Нояб 1794 года (Из биографии Суворова, сочиняемой на немецком языке Г. Шмитом) // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Ч. 18. № 8. С. 33–55.
141. Шмит 1831a – Штурм Праги, 24 Окт/ 4 Нояб 1794 года (Из биографии Суворова, сочиняемой на немецком языке Г. Шмитом) // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 18. № 10. С. 161–177.
142. Шмит 1831б – Штурм Праги, 24 Окт/ 4 Нояб 1794 года (Из биографии Суворова, сочиняемой на немецком языке Г. Шмитом) // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. 18. № 11. С. 222–244.

Научная литература

143. Акимова 2003 – *Акимова Н. Н.* Ф. В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века: диссертация ... доктора филологических наук. СПб., 2003. 459 с.

144. Альтшуллер 1996 – *Альтшуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скота в России. СПб., 1996. 344 с.

145. Ананьева 2012 – *Ананьева Н. Е.* Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и славянские литературы. М.: Индрик, 2012. С. 108–125.

146. Афанасьев 1986 – *Афанасьев В. В.* Жуковский. М.: Молодая гвардия, 1986. 399 с.

147. Беляев 1927 – *Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 257–300.

148. Березина 1954 – *Березина В. Г.* Н. А. Полевой в «Московском телеграфе» // Ученые записки Ленинград. Гос. ун-та. № 175. Серия филол. наук. Вып. 20, 1954. С. 86–142.

149. Березина 1957 – *Березина В. Г.* Мицкевич и «Московский телеграф» // Адам Мицкевич в русской печати: 1825–1955: Библиографические материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 471–479.

150. Бэлза 1970 – *Бэлза С. И.* Польские связи П. А. Вяземского // Польско-русские литературные связи. М.: Наука, 1970. С. 217–233.

151. Валицкий 1991 – *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии: структура и видоизменения русского славянофильства // Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991.

152. Вацуро 1988 – *Вацуро В. Э.* Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. // Литературные связи славянских народов. Л.: Наука, 1988. С. 22–57.

153. Вацуро 2000 – *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. 620 с.

154. Великодная 1990 – *Великодная И. Л.* Вяземский и Польша (Опыт исследования стихотворных переводов): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 1990. 22 с.

155. Видок Фиглярин 1998 – Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В.Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.

156. Виноградов 2009 – *Виноградов И. А.* «Неизвестный “Миргород”» // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 570–630.

157. Военная энциклопедия – Военная энциклопедия: в 18 тт. Т. 17. СПб.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 327 с.

158. Галахов 1868 – *Галахов А. Д.* История русской словесности, древней и новой: в 2 т. Т. 2. СПб.: Печатано в Типографии Морского Министерства, 1868. 336 с.

159. Гаспаров 2003 – *Гаспаров М. Л.* Пародия // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи «Интелвак», 2003. Стб. 721–722.

160. Дворский 1999 – *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб.: Визер, 1999. 248 с.

161. Досталь 2007 – *Досталь М. Ю.* Славянство в историософии и политических воззрениях А. С. Хомякова // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Т. II. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 136–146.

162. Жуковская, Мазур, Песков 1998 – *Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.* Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х–начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.

163. Золотусский 2005 – *Золотусский И. П.* Гоголь. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 с.

164. Зорин 2004 – *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII–первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 414 с.
165. Ивинский 2003 – *Ивинский Д. П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М.: Языки славянской культуры, 2003. 432 с.
166. Идеологическая география – «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели. Коллективная монография. Тарту, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/ideogeograf.html (дата обращения: 28.09.2014).
167. Измайлов 1926 – *Измайлов Н. В.* А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926. Т. 1. С. 1–99.
168. Кацис, Одесский 2011 – *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом «Регнум», 2011. 314 с.
169. Краюшкина 2009 – *Краюшкина Н. Н.* Литературная репутация А.С.Пушкина в 1830-е годы: диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2009. 313 с.
170. Кухарска 1979 – *Кухарская Э.* «Современник» о польской литературе // *Slavia Orientalis*. 1979. R. XXVIII. № 2. S. 135–151.
171. Кушаков 1990 – *Кушаков А. В.* Пушкин и Польша. Тула: Приокское книжное издательство, 1990. 126 с.
172. Левкиевская 2000 – *Левкиевская Е. Е.* Стереотип поляка в русской литературе XIX–XX веков // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków* / Red. Roman Bobryk i Jerzy Faryno. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW), 2000. S. 251–262.
173. Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е. Е.* Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв. // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 192–200.

174. Левкович 1983 – *Левкович Я. Л.* К датировке перевода Пушкина из «Конрада Валленрода» Мицкевича // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. С 118–122.

175. Лейбов 2012 – *Лейбов Р. Г.* Русская слава и польская столица: к истории одного клише [Электронный ресурс] // Идеологическая география. [Тарту, 2012]. С. 207–223. URL: http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/texts/2.1.4.Leibov.pdf (дата обращения 28.09.2014).

176. Лейбов, Осповат 2011 – *Лейбов Р. Г., Осповат А. Л.* К польской теме у Хомякова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Вып. XII. Тарту, 2011. С. 44–51.

177. Липатов 2002 – *Липатов А. В.* Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // Россия - Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 134–155.

178. Липатов 2012 – *Липатов А. В.* Универсальное и национальное. Казус Гоголя // Н. В. Гоголь и славянские литературы. М.: Индрик, 2012. С. 25–43.

179. ЛЭТП – Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

180. Марчуков 2011 – *Марчуков А. В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М.: Издательский дом «Регнум», 2011. 294 с.

181. Масанов 1958 – *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. – Т. 3. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита: Р – Я. Псевдонимы греческого и латинского алфавитов. Астронимы, цифры, разные знаки. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1958. 415 с.

182. Мицкевич 1957 – Адам Мицкевич в русской печати: 1825–1955: Библиографические материалы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 599 с.
183. Монахова 2011 – *Монахова М. О.* Стереотип поляка и Польши в русской литературе XIX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. № 1(3). С. 57–61.
184. Муравьева 1994 – *Муравьева О.* «Вражды бессмысленной позор...»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 4.
185. Осповат 1987 – *Осповат А. Л.* Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830–1831 гг. // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции в Тарту 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 49–52.
186. Парсамов 2004 – *Парсамов В. С.* Польское восстание 1830–1831 гг., государственная идеология и русская поэзия // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Ч. 1. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 227–259.
187. Песков 1987 – *Песков А. М.* Комментарии // Загоскин М. Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 689–732.
188. Плохотнюк 2007 – *Плохотнюк В. М.* Н. В. Гоголь и Ю. И. Крашевский: диссертация ... кандидата филологических наук. Тверь, 2007. 176 с.
189. Польша и Россия 2010 – Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М.: Индрик, 2010. 584 с.
190. Поляки и русские 2000 – Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. М.: Индрик, 2000. 240 с.
191. Поляки и русские 2000а – Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Изд-во «Индрик», 2000. 272 с.
192. Прокофьева 1990 – *Прокофьева Д. С.* «Струн вещей пламенные звуки...»: Страницы польско-русских литературных связей первой половины XIX в. М.: Наука, 1990. 143 с.

193. Пыпин 1880 – *Пыпин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Т. 1. Кн. 2. Февраль. С. 703–736.
194. Ратников 2006 – Старый спор: Русские поэтические отклики на польские восстания 1794, 1830 и 1863 годов: Антология / Редактор-составитель К. В. Ратников. Ч. I. Челябинск: Издательство «ЧП Рейх А. П.», 2006. 312 с.
195. Ратников 2006а – Старый спор: Русские поэтические отклики на польские восстания 1794, 1830 и 1863 годов: Антология / Редактор-составитель К. В. Ратников. Ч. II. Челябинск: Издательство «ЧП Рейх А. П.», 2006. 168 с.
196. Ребеккини 1998 – *Ребеккини Д.* Русские исторические романы 30-х годов XIX века (Библиографический указатель) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 416–433.
197. Рейтблат 2007 – *Рейтблат А. И.* Библиографический список книг и статей о Ф. В. Булгарине (1958–2007) // Новое литературное обозрение. – 2007. № 88. С. 374–390.
198. Розенфельд 2012 – *Розенфельд И.* Динабургское заключение В. Кюхельбекера 1827–1831. Польская тема [Электронный ресурс] // Игорь Розенфельд: <http://kripta.ee/rosenfeld/> URL: <http://kripta.ee/rosenfeld/2012/05/19/dinaburgskoe-zaklyuchenie-v-kyuxelbekera-1827-31-polskaya-tema/> (дата обращения: 28.09.2014).
199. Розов 1911 – *Розов В. А.* Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя // Памяти Н. В. Гоголя. Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1911. С. 99–169.
200. Россия - Польша 2002 – Россия - Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. 344 с.
201. Сандомирская 1999 – *Сандомирская И. И.* О своем. Фразеология и коллективная культурная идентичность // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 121–130.

202. Смирнова 2010 – *Смирнова Р.* Польские корни Гоголя // Новая Польша. 2010. № 10. С. 56–61.
203. Соловьев 1892 – *Соловьев Е. А.* О. И. Сенковский. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Типография С. Н. Худенкова, 1892. 80 с.
204. Софронова 2012 – *Софронова Л. А.* «Чужие» и «свои» на страницах ранних гоголевских повестей // Н. В. Гоголь и славянские литературы. М.: Индрик, 2012. С. 64–78.
205. Стахеев 1955 – *Стахеев Б. Ф.* Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955. 79 с.
206. Тазбир 2002 – *Тазбир Я.* «Тарас Бульба» - наконец по-польски // Новая Польша. 2002. № 5 (31). С. 33–40.
207. Телия 1990 – *Телия В. Н.* Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 560–561.
208. Трахтенберг 2008 – *Трахтенберг Л. А.* Проблемы поэтики русской пародии XVII – первой половины XVIII века: диссертация ... кандидата филологических наук. М., 2008. 306 с.
209. Троицкий 1974 – *Троицкий В.* Стилизация // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
210. Тынянов 1977 – *Тынянов Ю. Н.* О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 284–310.
211. Фалькович 2000 – *Фалькович С. М.* Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Изд-во «Индрик», 2000. С. 45–71.
212. Фалькович 2000a – *Фалькович С. М.* Основные черты польского национального характера в представлениях русских (эволюция стереотипа) // Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków / Red. Roman Bobryk i Jerzy Faryno. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW), 2000. S. 115–140.

213. Фалькович 2002 – *Фалькович С. М.* Представление русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 99–109.

214. Федута 2010 – *Федута А. И.* «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской империи // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 5–25.

215. Филатова 2000 – *Филатова Н. М.* Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // *Polacy a Rosjanie: Поляки и русские.* Warszawa: Wydawnictwo Neriton. Instytut Historii PAN, 2000. С. 107–117.

216. Флоря 2002 – *Флоря Б. Н.* К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 27–33.

217. Францев 1929 – *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. // Пушкинский сборник. Прага: Русский институт в Праге, 1929. С. 65–208.

218. Фризман 1992 – *Фризман Л. Г.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 209–238.

219. Хорев 2005 – *Хорев В. А.* Стереотип Польши и поляков в русской литературе накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г. // Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. С. 35–59.

220. Хорошкевич 2012 – *Хорошкевич А. Л.* К истории создания повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х гг. и мифа эпохи романтизма о славянском единстве // Н. В. Гоголь и славянские литературы. М.: Индрик, 2012. С. 79–107.

221. Цыбенко 1965 – *Цыбенко Е. З.* Белинский и польская литературная критика 40-х–50-х гг. XIX в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. Т. 24. № 5. С. 413–420.

222. Шенрок 1895 – *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. III. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. 549 с.
223. Шильдер 1898 – *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: в 4 тт. Т. 4. СПб.: Издание А. С. Суворова, 1898. 651 с.
224. Шильдер 1903 – *Шильдер Н. К.* Император Николай первый: Его жизнь и царствование: в 2 тт. Т. 2. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. 820 с.
225. Щеблыкин 1992 – *Щеблыкин И. П.* У истоков русского исторического романа XIX века. Пенза: ПГПИ, 1992. 179 с.
226. Barański 1969 – *Barański Z.* Iwan Turgieniew w kręgu spraw polskich // *Slavia Orientalis*. 1969. № 3. S. 259–265.
227. Bekker 1957 – *Bekker J.* Bieliński – tłumacz Mickiewicza // *Slavia Orientalis*. 1957. № 1. S. 111–116.
228. Berting, Villain-Gandossi 1995 – *Berting J., Villain-Gandossi Ch.* Rola i znaczenie stereotypów narodowych w stosunkach międzynarodowych: podejście interdyscyplinarne // *Narody i stereotypy*. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. S. 13–27.
229. Bezwiński 1976 – *Bezwiński A.* Twórczość poetycka Aleksego Chomiakowa. Wrocław: Ossolineum, 1976. 134 s.
230. Bezwiński 1976a – *Bezwiński A.* Chomiakow w kręgu spraw polskich // *Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria III*. 1976. S. 109–130.
231. Białokozowicz 1971 – *Białokozowicz B.* Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 388 s.
232. Białokozowicz 1977 – *Dźwięki kruszonych oków: Polska w poezji rosyjskiej lat 1795–1917 / Wyboru dokonał, opracował i przedm. opatrzył Bazyli Białokozowicz.* Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1977. 287 s.
233. Białokozowicz 1986 – *Białokozowicz B.* Powstanie listopadowe w literaturze rosyjskiej // *Dziedzictwo powstania listopadowego w literaturach obcych*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986. S. 7–44.

234. Bortnowski 1964 – *Bortnowski W.* Powstanie listopadowe w oczach Rosjan. Warszawa: Zakł. Graf. Politechniki Warsz., 1964. 241 s.
235. Dixon 2005 – *Dixon M.* Repositioning Pushkin and the Poems of the Polish Uprising // *Polish Encounters, Russian Identity* / edited by David L. Ransel and Bozena Shallcross. Bloomington: Indiana University Press, 2005. P. 49–73.
236. Duszenko 1995 – *Duszenko K.* Polak i Polka w oczach Rosjan // *Narody i stereotypy*. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. S. 158–164.
237. Dziechciaruk 1971 – *Dziechciaruk Z.* Polonica na łamach czasopisma “Moskowskij tielegraf” (1825–1831) // *Slavia orientalis*. Rocznik XX. Nr. 2. 1971. S. 115–123.
238. Galster 1962 – *Galster B.* Twórczość Rylejewa na tle pradów epoki. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 167 s.
239. Galster 1976 – *Galster B.* Mikołaj Gogol // *Historia literatury rosyjskiej*. Tom I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. S. 601–635.
240. Galster 1987 – *Galster B.* Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. 300 s.
241. Giza 1993 – *Giza A.* Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin: Polskie Pismo i Książka, 1993. 159 s.
242. Goldgart 1986 – *Goldgart S.* Stereotyp Polaka w literaturze rosyjskiej XIX wieku // *Polacy w życiu kulturalnym Rosji*. Wrocław: Ossolineum, 1986. S.117–125.
243. Gomolicki 1949 – *Gomolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824–1829. Warszawa: Książka i Wiedza, 1949. 377 s.
244. Gomolicki 1950 – *Gomolicki L.* Mickiewicz wśród Rosjan. Warszawa: Książka i Wiedza, 1950. 164 s.

245. Henzel 1963 – *Henzel J.* Polonika w pismach Aleksandra Biestużewa-Marlinskiego // *Ruch literacki*. 1963. № 5-6. S. 267–271.
246. Henzel 1967 – *Henzel J.* Proza Aleksandra Biestużewa-Marlinskiego w okresie petersburskim. Wrocław: Ossolineum, 1967. 163 s.
247. Jakóbiec 1976 – *Jakóbiec M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie w latach 1826–1842 // *Historia literatury rosyjskiej*. Tom I. Warszawa, 1976. S. 636–650.
248. Jakóbiec 1976a – *Jakóbiec M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie w latach 1843–1855 // *Historia literatury rosyjskiej*. Tom I. Warszawa, 1976. S. 771–781.
249. Katalog wzajemnych uprzedzeń 2006 – Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006. 564 s.
250. Kępiński 1990 – *Kępiński A.* “Lach i Moskal”. Z dziejów stereotypu. Warszawa – Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 221 s.
251. Kucharska 1963 – *Kucharska E.* Początki sławy literackiej Józefa Ignacego Kraszewskiego w Rosji // *Slavia Orientalis*. 1963. № 4. S. 491–500.
252. Lednicki 1926 – *Lednicki W.* Dookoła przeciwpolskiej trylogii lirycznej Puszkina // *Lednicki W.* Aleksander Puszkina: Studia. Kraków: Krakowska spółka wydawnicza, 1926. S. 36–161.
253. Listwan 1986 – *Listwan F.* “Polskie momenty” w życiu i twórczości Włodzimierza Dala // *Slavia orientalis*. 1986. T. 35. № 4. S. 523–527.
254. Mucha 1974 – *Mucha B.* Polska i Polacy w życiu i twórczości Aleksandra Biestużewa-Marlińskiego // *Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historycznoliterackie*. 1974. № 362. S. 155–175.
255. Nowak 1997 – *Nowak J.R.* Słowa zakazane i zapomniane: Czym jest antypolonizm? // *Człowiek w Kulturze*. 1997. № 9. S. 161–171.
256. Orłowski 1990 – *Orłowski J.* Polski listopad w opinii pisarzy rosyjskich (w 160 rocznicę powstania) // *Język rosyjski*. 1990. № 5. S. 227–232.

257. Orłowski 1992 – *Orłowski J.* Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1992. 243 s.

258. Orłowski 1995 – *Miecze i gałązki oliwne.* Antologia poezji rosyjskiej o Polsce (Wiek XVIII–XX). Wybrał i opracował Jan Orłowski. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1995. 448 s.

259. Parnicki 1934 – *Parnicki T.* Polska i Polacy w literaturze rosyjskiej // *Kurier Literacko-Naukowy.* 1934. № 40–43.

260. Piczugin 2006 – *Piczugin D.* Zakładnicy historii – u źródeł negatywnego stereotypu Polski i Polaków w literaturze rosyjskiej // *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan.* Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006. S. 339–410.

261. Piwowarska 1986 – *Piwowarska D.* Twórczość Józefa Sękowskiego. Zapomniana karta z dziejów rosyjskiej prozy XIX-wiecznej // *Polacy w życiu kulturalnym Rosji.* Wrocław: Ossolineum, 1986. S. 51–66.

262. PERI – Polish Encounters, Russian Identity / edited by David L. Ransel and Bozena Shallcross. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 232 p.

263. Polacy i Rosjanie 2006 – *Polacy i Rosjanie – przewyższanie uprzedzeń.* Łódź: Ibidem, 2006. 449 s.

264. Polacy w oczach Rosjan 2000 – *Polacy w oczach Rosjan-Rosjanie w oczach Polaków. Поляки глазами русских-Русские глазами поляков* / Red. Roman Bobryk i Jerzy Faryno. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW), 2000.

265. Skrzypek 2002 – *Skrzypek A.* Polska – Rosja – stereotypy // *Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku.* Opracowanie zbiorowe pod red. Stanisława Sierpowskiego. Poznań: Instytut Historii UAM, 2002. S. 154–169.

266. Szmydtowa 1973 – *Szmydtowa Z.* Gogol o Panu Tadeuszu // *Rocznik Towarzystwa Literackiego im. A. Mickiewicza.* 1973. № 8. S. 23–30.

267. Trochimiak 1980 – *Trochimiak J.* Iwan Turgieniew a Polska // *Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria*, VI. 1980. S. 125–143.
268. Trzynadlowski 1957 – *Trzynadlowski J.* W. G. Bieliński o Adamie Mickiewiczu // *Prace Polonistyczne*. 1957. Seria XIII. S. 183–196.
269. Ungurianu 2007 – *Ungurianu D.* Plotting history: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, 2007. 335 p.
270. Walicki 1955 – *Walicki A.* Bieliński i Dembowski // *Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego*. 1955. № 4 (13). S. 3–73.
271. Walicki 1964 – *Walicki A.* W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1964. 493 s.
272. Żyga 1965 – *Żyga A.* Kraszewski wobec literatury rosyjskiej // *Slavia Orientalis*. 1965. № 1. S. 47–74.